

ЗАЧАРОВАННЫЙ МИР

В ПОИСКАХ СПАСЕНИЯ

Зачарованный мир

В ПОУСКАХ СПАСЕНИЯ

Содержание

Глава первая

Под крылом магии • 7

Вечное покровительство • 32

Глава вторая

Испытания любви и верности • 49

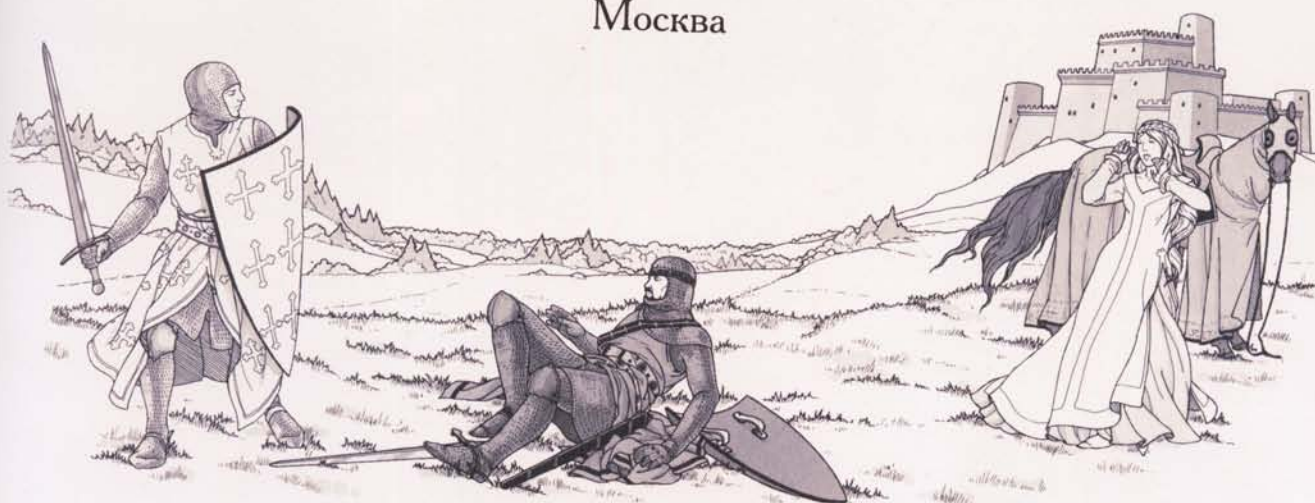
Недремлющее око Рабыни • 78

Глава третья

Сильные и отважные сердца • 97

Приключения прекрасного незнакомца • 123

«Терра»
Москва

Глава первая

В Под крылом магии

В одной солнечной французской провинции жизнь была вовсе не безоблачной. Слишком часто за последние столетия случались неурожаи, гиб от бескормицы скот. Обнищавшие дворяне влачили жалкое существование; их одетые в лохмотья дети бегали босиком; во дворах разрушающихся замков копались куры. Что же до простых людей, то те просто умирали с голоду. Но некоторые создания были избавлены от этой печальной участи смертных. Потомки поколений, живших в те времена, когда миром правила магия, они продолжали жить среди людей в разных обличьях, обладая волшебной силой. Хотя людские беды не очень-то интересовали их, они время от времени принимали участие в судьбе мужчин и женщин, помогая молодой человеческой расе.

В те времена часть Франции, именуемая Овернь, была пустынна и безрадостна. Высоко в скалистых горах к небу вздымались зубчатые стены замков, окутанные туманом долины, и перевалы отделяли одну деревню от другой. Человек мог всю жизнь прожить в своей долине, не общаясь ни с кем, кроме домочадцев.

Такую жизнь прожил и один мельник, оставивший после себя трех сыновей, мельницу, осла и коричневатого белого кота. В мельнице не было ни-

какого прока: в тот год урожай был настолько скудным, что люди пекли хлеб из остатков прошлогоднего ячменя, молотых желудей и корней папоротника.

От бесконечной бескормицы осел совсем отошал и пал. И старшие сыновья мельника поступили так, как нередко поступали в те времена бедняки: вышли на большую дорогу и побрели от одной деревни к другой, воруя, что попадалось, или побираясь. Ночевали они в заброшенных амбарах, а то и просто под открытым небом.

Младший сын мельника остался в отцовском доме. Он долго смотрел вслед братьям, бредущим по ухабистой дороге, уходящей в горы. Потом пошел к мельнице на берегу ручья, жернова и колеса которой были неподвижны. И даже кот присмирел: он сидел посреди двора, не сводя с юноши настороженных немигающих глаз.

Младший сын пристально посмотрел на кота. В те времена люди с некоторым отвращением относились к кошкам, считая их

похотливыми созданиями дьявола и истребляя при всяком удобном случае. К примеру, в деревнях, когда гоняли по улицам обманутых мужей, в руках зеваки ташили кошек, у которых драли шерсть, чтобы несчастные животные вопили. На карнавалах по случаю летнего солнцестояния и во время других праздников кошек сжигали живьем на костре или поджигали им шерсть и гоняли потом по улицам.

На что годилось животное, сидящее на пыльном дворе? Мышей на пустой мельнице давно не было. Словно догадываясь о мыслях молодого человека, кот подошел к нему на расстояние вытянутой руки. Подняв пушистую мордочку, он проговорил:

— Хозяин, дай мне только плащ и сапоги, и я буду служить тебе верой и правдой. С моей помощью ты будешь процветать, да и я вместе с тобой.

От удивления сын мельника онемел, кот же, казалось, не имел желания продолжать: глаза его сверкали.

Наконец молодой человек выдал из себя:

— Ты дьявол?

Кот в ответ лишь посмотрел на него со скучающим видом и ничего не сказал.

— Кому придет в голову нанимать на службу домашнего кота? — промолвил юноша. — Что может делать это маленькое животное?

— Одежда поразительно меняет внешность, — возразил кот и добавил: — позволю себе напомнить, что мои сородичи предпочитают умственную работу тяжелому ручному труду.

К своему удивлению, под пристальным кошачьим взглядом сын мельника сделал то, о чем просил кот: он принес отцовские сапоги, плащ и шляпу с пером и положил все это на землю перед котом.

Увидев одежду, кот распустил хвост. Потом метнулся к ней и секунду спустя встал на задние лапы. Произошло чудо: теперь полосатый зверек стал похож на маленького лохматого человека. Сын мельника зажмурился, но, открыв глаза, снова увидел перед собой забавно одетого кота.

— Чьи это владения? — спросил кот, указав лапой на лес.

Юноша молча кивнул в сторону замка, ошетилившего башни на вершине горы. Не вымолвив ни слова, кот опустился на четыре лапы и бросился бежать во всю прыть; вскоре он исчез среди деревьев.

Поздно вечером, когда сын мельника разжег маленький камин, чтобы как-то защититься от сырости и холода, за окном засветились два желтых глаза. Вспрыгнув на подоконник, кот соскочил затем на земляной пол и поставил перед сыном мельника корзину с дичью. После этого он отряхнулся и мгновенно уменьшился в размерах так, что одежда свалилась с него на пол. Теперь он был обычным котом, который растянулся у огня и вылизывал свою белую грудку.

В корзине были заяц и лесной голубь — настоящий пир для человека, евшего мясо три раза в году. Была там и бутылка вина. Руками, трясущимися от голода, сын мельника освежевал дичь. И когда мясо было на вертеле и благополучно жарилось на огне, наполняя тесную кухню аппетитным ароматом, он отхлебнул из бутылки вина и сказал дремлющему коту:

— Ты что, охотник?

Не открывая глаз, кот сонно произнес:

— Бери выше, хозяин, хотя я и не прочь поохотиться. Сегодня я действительно ходил на охоту, но моя добыча куда больше этой. Я пожерт-

Таинственные силы прошлого были сокрыты даже в самых обычных существах. Во Франции простой домашний кот, используя силу слов и кошачье обаяние, добывал богатство своему хозяину.

вовал пару фазанов твоему сеньору, сказав, что это подарок от Маркиза де Карабаса. А это вино — подарок от сеньора.

— А кто этот Маркиз де Карабас?

— Ты, хозяин. Я позволил себе приукрасить твое происхождение. В этих погруженных во мрак долинах никто не знает своих ближайших соседей.

Сын мельника присвистнул. Никогда не осмеливавшийся до этого приблизиться к замку сеньора, он с любопытством спросил:

— Как выглядит замок моего господина?

— Как и полагается, — ответил кот, — каменные стены там сырые, в разбитых окнах завывает ветер, в зале разгуливают свиньи, во дворе, перед воротами, лежит огромная куча навоза. Сеньор очень заинтересовался моим хозяином, богатым Маркизом. У него хорошенькая дочка... Нет, спасибо, я предпочитаю сырое мясо... мясо...

Сын мельника задумчиво обгладывал крылышко голубя, пытаясь разобраться в сказанном. В камине потрескивали дрова, за окном слышалось завывание ветра, кот мурлыкал, свернувшись клубком. И когда его хозяин заговорил снова, он приподнял одно ухо.

— Ты предлагаешь мне жениться на дочери сеньора и привести ее сюда? Нечего сказать, прекрасное жилище...

— Твой отец завещал меня тебе, ты мой хозяин, поэтому я и предлагаю тебе жениться на дочери сеньора. Но мне хотелось

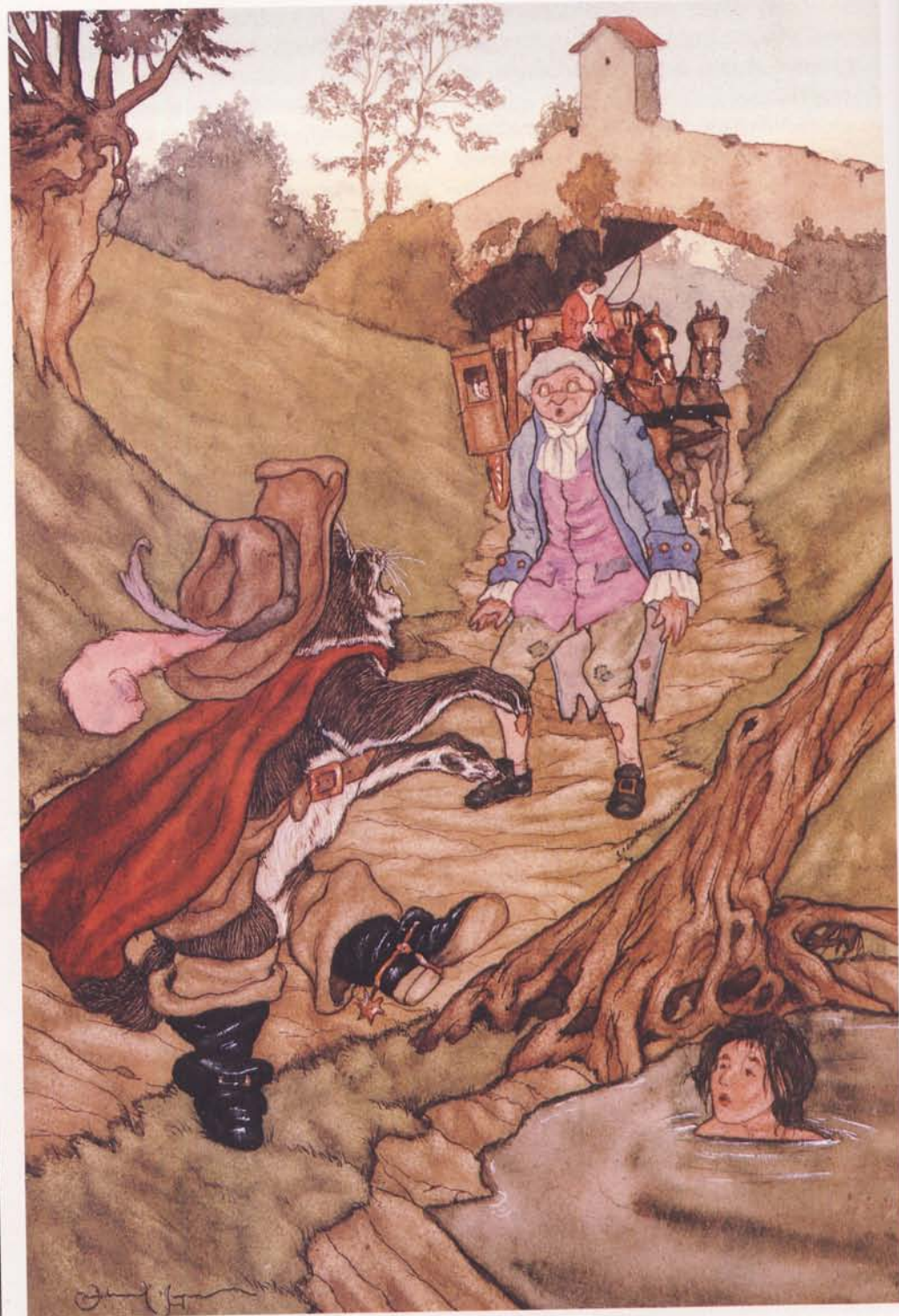
бы жить в удобном ухоженном доме, при хорошей хозяйке. А вовсе не здесь и не в грязном замке твоего господина. Ведь кроме этой нишенской долины есть еще и другие.

Сыну мельника пришлось удовлетвориться сказанным. Свернувшись калачиком перед очагом, кот не промолвил больше ни слова.

Следующие дни были похожи на первый. Днем кот охотился, а к вечеру приносил домой дичь, каждый раз все подробнее описывая внешность дочери сеньора и намерения отца хорошо пристроить ее. Через несколько недель кот объявил, что нашел подходящий дом для Маркиза де Карабаса и его будущей жены. Настало время действовать, сказал кот.

И вот на следующее утро сын мельника отправился в лес вместе с котом.

«Спасите моего хозяина!» — закричал Кот в сапогах и с помощью магии убедил дворянина в том, что сын мельника и сам важный господин, годящийся в мужья дочери дворянина.

Юноша нес плащ и сапоги кота, который бежал рядом с ним, задрав хвост, сверкая глазами, предпочитая ничем не обременять себя, пока снова не понадобится облачиться в одежду человека. Время от времени кот бросался в кусты на звуки и запахи, которые не улавливал сын мельника.

Когда же они вышли на открытое место, где деревья стояли редко и вдоль дороги текла горная речка, поведение кота изменилось. Надев сапоги и плащ, он на глазах юноши стал выше ростом. Повернувшись к хозяину, он зашипел:

— Раздевайся и полезай в воду.

Желтые глаза кота светились внутренней силой, острые когти угрожающе удлинились — и юноша, волей-неволей, подчинился. Поспешно скинув одежду, он полез в ледяные струи, когти вцепились ему в голову и стали толкать вглубь. Юноша тщетно боролся, его легкие разрывались, в глазах потемнело...

Долго ли он барахтался, пока не пришла помощь, он и сам не знал: ему казалось, прошла целая вечность, пока его голова показалась на поверхности. Задыхаясь, юноша молотил руками по воде. Чьи-то сильные руки схватили его за запястья и вытащили на берег. Его спасителем оказался крепкий седой человек средних лет в потертой бархатной одежде.

— Милорд... — начал было сын мельника, дрожа от холода, но тут же осекся; стоявший сзади человеко-кот заломил руки и жалобно завопил:

— Это все разбойники, господин! Разбойники похитили платье и золото моего хозяина, Маркиза, и пытались

его утопить. О, дайте ему что-нибудь надеть, да побыстрее, пока он не умер от холода!

Сеньор закутал сына мельника в свой плащ и повел через лес к дороге, где стояла его карета. Это была облезшая, разбитая старомодная карета, запряженная парой низкорослых кляч, которым давно пора было на живодерню. Но юноше, никогда не ездившему в карете, все это показалось прекрасным. А девушка, которая сидела в карете и тревожно смотрела на него, была хороша, как майское утро, хотя платье ее было из простой серой материи и заплата украшала туфельки на ее маленьких ножках. Сын мельника съехался под взятым займы плащом. У него хватило ума не раскрыть рта.

Но говорить ему не было нужды. Слуга-кот говорил складно и уверенно, ни на секунду не умолкая. Усаживая юношу в карету рядом с девушкой и ее отцом, он по ходу дела описывал дорогу к дому Маркиза. Они пересекли долину, где не было ни одной живой души и лишь голые деревья кивали своими вершинами, а ветер гонял опавшую бурую листву, потом направились вверх, в горы, окутанные туманом, и проехали не одну милю под пологом тенистого леса. Дорога пошла вниз. Лес постепенно редел, и наконец они очутились в долине.

Им открылся удивительный пейзаж: всю долину занимали золотящиеся поля, обещавшие богатый урожай, поля перемежались фруктовыми садами, на склонах холмов расположились виноградники. На полях и в садах работали крестьяне, и даже издали был слышен их веселый смех.

— Прекрасная страна, — заметил сеньор, а его дочь кивнула и улыбнулась.

— Это владения моего хозяина — Карабаса. — Сказал человеко-кот, и в его голосе сыну мельника послышалось мурлыканье. Он бросил взгляд на своих попутчиков, но те явно ничего не подозревали. Наверное, они видели Кота в сапогах человеком, а вовсе не человеко-котом. И даже когда кот уставился своими желтыми глазами на жнеца, стоящего возле дороги, и прошипел что-то, они, похоже, тоже не заметили. А жнец, отбросив со лба прядь волос, приветствовал сына мельника как своего господина.

Они ехали по широкой дубовой аллее, ведущей к красивому поместью. Слуги высыпали во двор встречать их. Человеко-кот не умолкая говорил что-то о приличной одежде для своего господина и сквозь зубы отдавал приказы. Он провел сына мельника по коридорам дома в один из тихих покоев, где проворно, как и подобает слуге, переделал юношу.

— Где мы находимся? — спросил молодой человек, когда они остались одни.

— В доме колдуна. Не бойся, теперь это твой дом, — пояснил кот, подавая ему вышитый жилет.

— А где колдун?

— Мертв. Эта была моя маленькая хитрость. Я попросил его показать мне, как он меняет свои обличья. Когда он превратился в мышь, я съел его. Подданные колдуна давно хотели служить другому господину.

Насколько все это было правдой, юноша так никогда и не узнал. Остаток своей жизни он провел в этом замечательном доме, женившись на до-

чери сеньора. Его слуга в сапогах и плаще исчез вскоре после того, как сыграли свадьбу. По приказу хозяина кота, дремавшего на залитых солнцем подоконниках и на коврике перед камином, время от времени опустошавшего голубятню, окружили такой заботой, так ему во всем потакали, что о подобном мог бы мечтать только принц из царства котов.

История умалчивает о том, как коту удалось усвоить речь и поведение человека. Рассказчики не задавали себе таких вопросов, живя в мире, где человечеству отводилась весьма незначительная роль, в мире, где действовали непостижимые силы, магия и волшебство.

Эти не знающие границ колдовские силы проявлялись самым различным образом, обнаруживая себя в таких умных животных, как кот мельника, в существах, принимавших человеческий облик, но не ставших людьми, в незримых силах, способных изменять обличья вещей и даже приоткрывать дверь между жизнью и смертью. Природу этих сил никто не знал: этот загадочный древний мир не подчинялся правилам, доступным пониманию мужчин и женщин. Иногда эти силы были враждебны к смертным, ведь человечество присвоило землю, которая прежде принадлежала им. И когда это случалось, люди становились на защиту друг друга или храбро сражались в одиночку. Оружием против враждебных сил были такие человеческие добродетели, как любовь и верность. Когда же — по непостижимому капризу — древние колдовские силы оказывались благосклонны к людям, мужчины и женщины могли управлять ими и использовать как оружие в своих, человеческих делах.

Из древних сказаний известно, что среди людей именно женщины лучше всего могли призывать себе на помощь магическую силу. Женщину окутывает аура могущества и власти, какой бы убогой она ни была — и в этом нет ничего удивительного, ведь в женском теле таится загадка жизни. И не случайно первые поколения человечества превыше всего чтили богиню-мать — землю, сотворившую из самой себя все живое, дающую жизнь живым и принимающую в себя мертвых. У нее были тысячи имен и тысячи обликов: Иннанна в Шумере, Иштар в Вавилоне, Изиды в Египте, Кибела в Риме, Деметра в Греции, Герта в Скандинавии. Песнь звучит так: «Я — прародительница всех вещей, владицица и покровительница всего живого, госпожа стихий, царица тех, кто населяет преисподнюю, и тех, кто живет на небесах, единое воплощение всех богов и богинь». И даже в более поздние столетия, когда Изиды и другие подобные ей богини были вытеснены из человеческой памяти, а на их место пришли другие боги, в каждой женщине продолжала жить частица богини-матери.

Вот почему те, кто служил новым религиям, ополчались на женщин. Так, мужчины евреи в своих молитвах благодарили бога за то, что он не сделал их женщиной. Отцы христианской церкви злобно нападали на женщин. Все они соглашались с тем, что женщина — это орудие дьявола, которого следует остерегаться и избегать приверженцам истинной веры.

Простые люди вторили им. Они считали, что все женщины предрасположены к колдовству, и полагали — весьма справедливо, — что женщина особенно свирепа и неистова, когда защищает своих детей — будущее че-

ловеческой расы. Многие утверждали, что, приходя на помощь своему потомству, женщина взывает к незримым силам земли.

Наиболее свирепые из матерей прибегали к колдовским чарам. В Исландии, например, рассказывают историю о вдове по имени Катла, хозяйке богатой усадьбы в местечке Мавахлид, что на западном побережье острова. У нее был сын по имени Одд, которого она горячо любила и охраняла при помощи магии. Она соткала сыну плащ, защищавший его от ударов стали, чтобы он оставался цел и невредим в битвах, столь частых в те жестокие времена. Однажды Катла пожертвовала собственной жизнью, пытаясь спрятать Одда и превращая его в разные предметы. Вот как это произошло.

Одд, злой и жестокий юноша, затеял вражду с соперницей матери по колдовству, женщиной по имени Гейррид, чьи владения граничили с Мавахлидом. Он обвинил Гейррид в том, что она заколдовала одного из своих соседей и по ночам скачет на нем верхом, отправляясь на свой ведьмин промысел.

Гейррид была оправдана судом, и на этом бы все и закончилось, если не считать скверного осадка на душе. Однако Одд стал злословить в адрес Торарина, сына Гейррид, оскорбляя и унижая его. А поводом послужила стычка Торарина с соседями. Эту стычку остановили жены драчунов, которые набросили свои плащи на лезвия мечей. Бой был остановлен дорогой ценой: у жены Торарина оказалась отрублена кисть руки.

Одд, присутствовавший при стыч-

Для молодой пары кот подобрал удобный дом — красивый особняк с множеством слуг в поместье с богатыми угодиями — и все это было отобрано у колдуна.

ке, заявил, что Торарин сам отрубил ей руку. Это сделало Торарина предметом насмешек соседей. Но его матери Гейррид было не до смеха. Несколько дней она размышляла, пристально глядя в огонь, и наконец послала своего сына вместе с товарищами отомстить Одду.

Двенадцать молодых парней, рыжеволосых и краснолицых, размахивая обнаженными мечами, поскакали по снежной равнине в усадьбу Катлы. Пройдя через скотный двор, они распахнули высокую резную дверь и вошли в комнату Катлы. В комнате были одни женщины. На длинной деревянной скамейке, стоящей в углу комнаты, у прялки сидела хозяйка, едва заметная в слабом свете горящего камина. Рука ее ритмично двигалась вверх и вниз: она пряла лен. В углу две другие женщины сидели за ткацким станком, перешептываясь. Больше никого в комнате не было.

— Нам нужен твой сын Одд, — громко сказал Торарин.

— Не кричи и спрячь свой меч, — ответила Катла, — Одд на охоте. В доме его нет, как видишь.

— Это мы сейчас проверим, — сказал Торарин.

Катла пожала плечами и снова взялась за пряжу.

Поиски были напрасны: Одда нигде не было. Разочарованные, парни с шумом вывалились на улицу, хлопнув тяжелой дверью.

Но через час они вернулись. Им показалось неестественным спокойствие Катлы. На этот раз она не пряла, а стояла в полутемных сенях и расчесывала козла. В комнате, на скамье, лежала прялка.

— Она ослепила нас и водит за нос, — пробормотал один из мужчин. — Она превратила Одда в прялку!

Он быстро шагнул к скамье и разломал прялку.

Если бы Одд и в самом деле был превращен в прялку, то он вернулся бы в прежний облик, но этого не произошло. Презрительно усмехнувшись, Катла продолжала расчесывать козла.

— Велика храбрость сломать у женщины прялку, — сказала она.

Пройдя мимо нее, они снова отбыли восвояси.

Но они вернулись еще раз, удивившись по здравом размышлении в том, что поддались магии этой женщины. Но и на этот раз они не увидели никого, кроме Катлы, которая стояла в комнате у камина. Они почти не обратили внимания на борова, который лежал во дворе на куче золы. И снова парни ушли ни с чем. Но теперь гнев их остыл. Вернувшись к матери Торарина, они рассказали ей обо всем.

Ришуривав глаза, Гейррид достала из сундука, который сохранился со времен ее замужества, мешок из тюленьей кожи. Набросив на плечи голубой плащ, она сама повела сына и его помощников в дом своей соперницы.

Они увидели Катлу, сидящую на скамье, лицо ее было бледным, как у покойницы. Не обращая внимания на окружающих ее мужчин, она сказала Гейррид:

— Увидев твой голубой плащ, я поняла, что не смогу больше ослеплять их. Пошади моего сына, у тебя же у самой есть сыновья!

Но Гейррид накинула мешок на голову Катлы, чтобы та не смогла никого сглазить. Огонь колдовских чар потух.

Духи колодца

Духи, пережившие древнейшую эпоху истории нашей земли, иногда показывались смертным в весьма странном обличье. Один из таких случаев произошел в те времена, когда Британия была раздроблена на множество королевств. Произошла эта история с дочерью короля Колчестера.

Завидую красоте девушки, мачеха выгнала принцессу из дома, дав ей с собой котомку с ржаным хлебом, куском жесткого сыра и горшком скверного пива. Путь принцессы лежал через лес и долину, после чего она оказалась в местности, заросшей терновником, со множеством пещер. В отверстии одной из пещер сидел серый, как скала, старичок, скрюченный, словно ствол терновника. Он пристально посмотрел на принцессу своими блестящими глазами и спросил, почему она бродит одна.

— Чтобы отыскать свою судьбу, — храбро ответила принцесса.

— А что у тебя в котомке?

Вместо ответа она протянула старичку еду и питье. Отведав угощения, он улыбнулся и дал ей несколько советов.

Следуя им, принцесса смогла выбраться из зарослей терновника на поляну, где был колодец. Она села возле него. Тут же на поверхности воды показалось что-то круглое. Это была голова с золотистыми волосами.

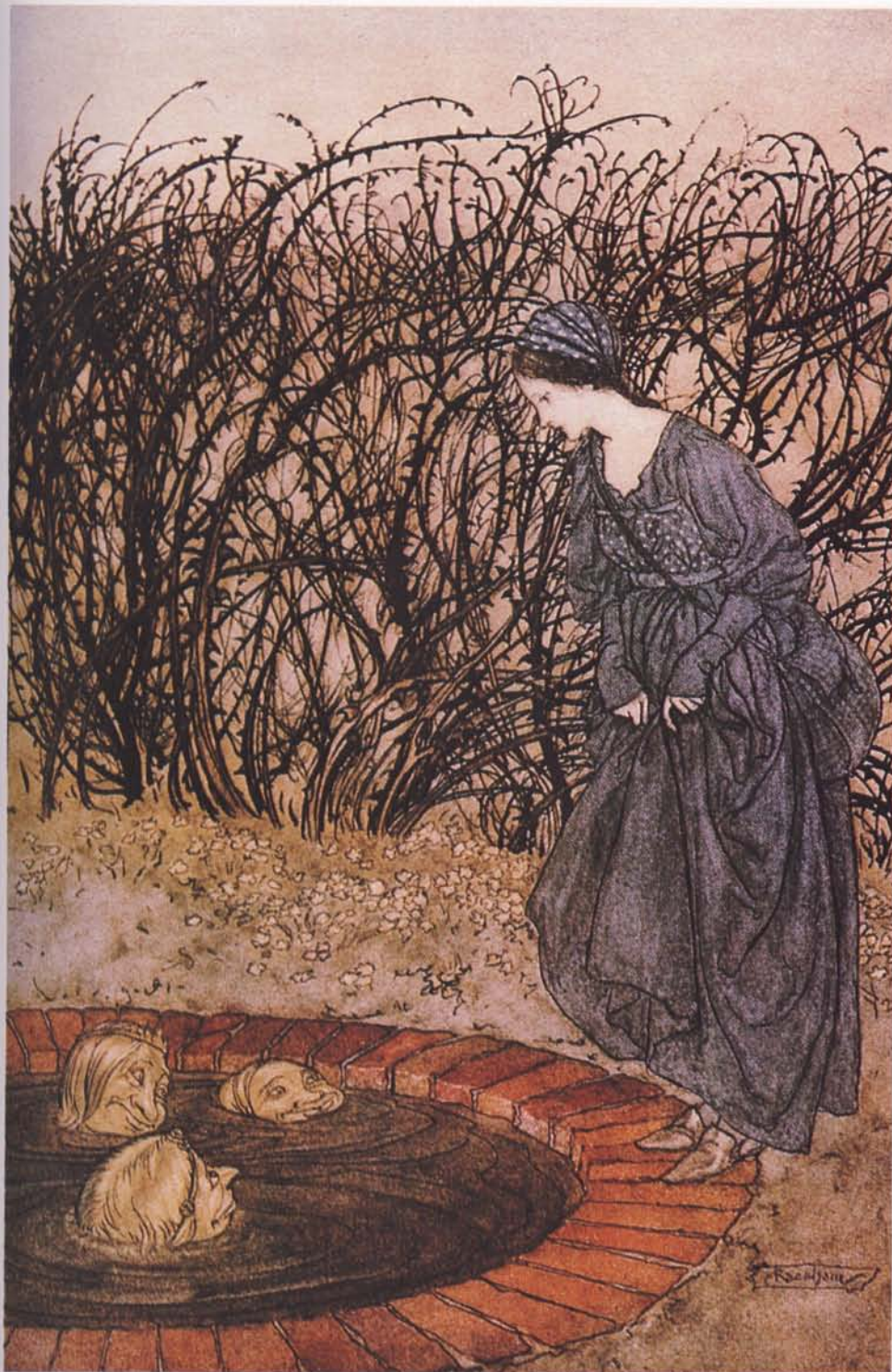
— Умой меня, причеши меня, уложи меня! — не то пропела, не то просвистела она тоненьким голоском. Принцесса сделала все, о чем ее просили, угодив этой голове и двум другим, показавшимся вслед за первой. И когда она закончила, бестелесные создания принялись тихонько болтать друг с другом.

— Чем мы вознаградим ее? — спросила одна.

— Красотой, способной очаровать лучшего из принцев, благоуханным телом и ароматным дыханием! Сделаем так, что славный король встретит и полюбит ее!

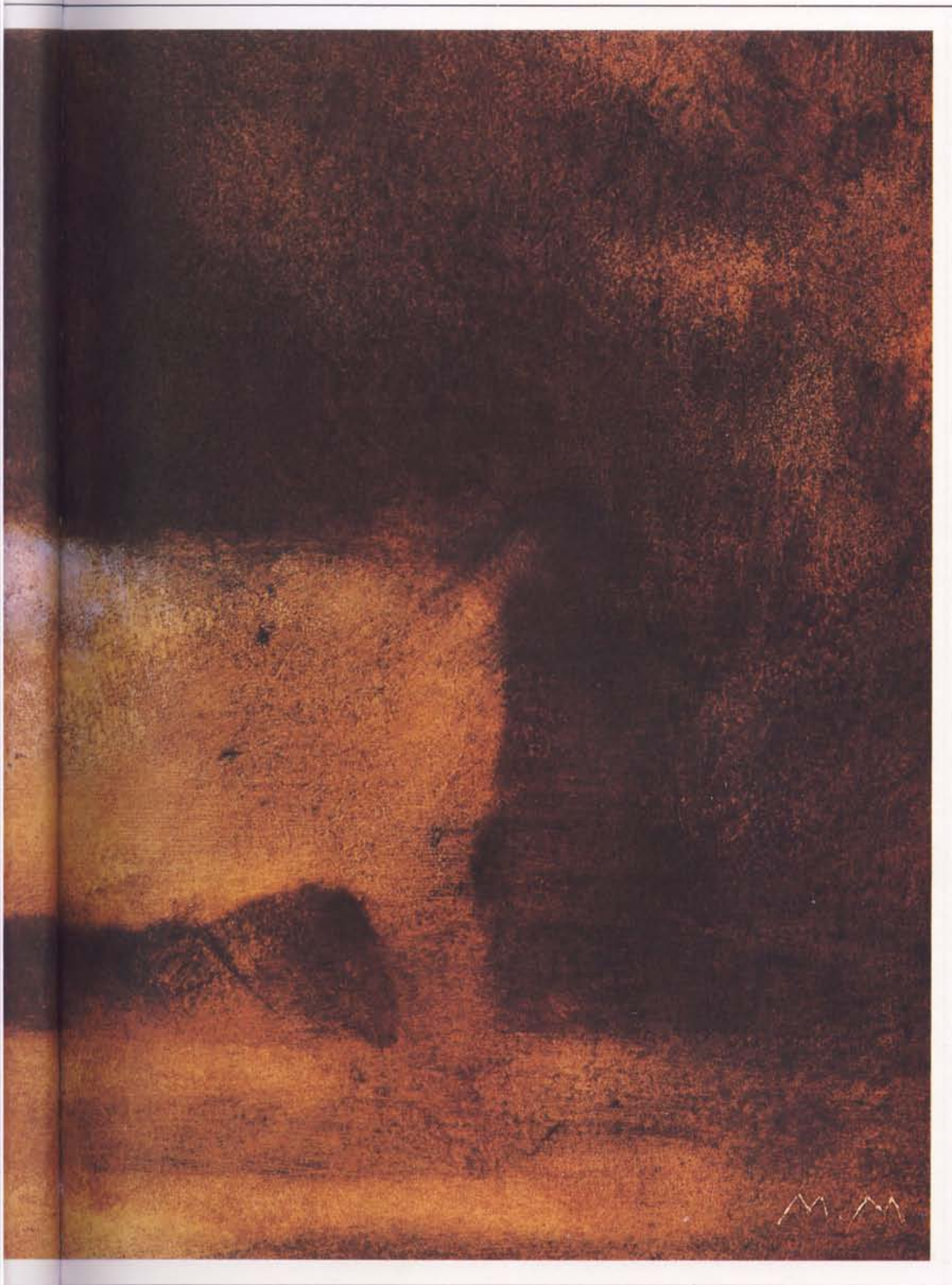
Так оно и случилось. В следующей же долине она встретила короля, который полюбил ее и берег всю жизнь как зеницу ока.

Говорят, что и другие люди встречали старичка и головы в колодезе. Но вознаграждение получали лишь те, у кого было доброе сердце. Те же, кто не угодил головам, были поражены проказой. Тела их источали не благоухание, а густой смрад.

Среди смертных именно женщины лучше всего могли призывать себе на помощь магическую силу. Они прибегали к колдовству, чтобы защитить своих детей. Так, Катла из Исландии укрывала своего сына от врагов, превращая его поочередно то в прялку, то в козла, то в борова.

— Это ты заколдовала и заездила соседа, — сказала Гейррид. Голова в мешке кивнула в знак согласия.

— Это Одд отрубил руку жены Торарина.

Та снова кивнула.

— Одд был превращен в эту прялку, потом в козла и в борова — и все это дело твоих рук.

Катла кивнула в третий раз.

Тут мужчины оттолкнули Катлу в сторону и выволокли Одда из-под длинной скамьи, где он укрывался. Уступив своей сопернице, Катла не могла больше изменять его облик. Зная, что волшебные чары защищают Одда от ударов клинка, мужчины решили повесить его. Они потащили его мать на скотный двор, чтобы та увидела смерть своего сына. И когда тело его судорожно задергалось в петле, они окружили ее и, набрав камней, забили ими за злое колдовство. Она же кричала, что ей не страшна смерть, после того как у нее отняли сына. Первой бросила в нее камень Гейррид. Этот камень пробил голову Катлы и навеки успокоил ее.

Это страшная сказка в духе тех жестоких времен. Но даже когда нравы смягчились, мужчины и женщины воспевали материнскую любовь, такую же пламенную и горячую, как любовь Катлы. Датчане, например, говорили, что женщина, защищая своих детей, может даже преодолеть смерть — и всем известны датские сказки о матерях-привидениях.

Некоторые из сказок — лишь отзвуки давно забытых дней. В датских балладах, к примеру, рассказывается о молодом ярле Свейдале, который

был заколдован. Заклятие лишило его сна до тех пор, пока он не найдет прекрасную даму, которая увидит и возжелает его, и не женится на ней. В отчаянии — ведь ярл знал об этой женщине лишь то, что она живет за морем — он отправился на могилу своей матери. Слезы, упавшие на кладбищенскую землю, подняли мать из могилы, наделив колдовскими силами. Перед тем как снова сойти в могилу, тень матери дала ему коня, способного пронести его сквозь опасные леса и коварные моря, через беды и предательства. Она сделала его непобедимым, дав меч, закаленный в крови дракона. Свейдал странствовал по неведомым морям и землям, пока, наконец, не обрел покой в объятиях женщины, которую искал.

В некоторых сказаниях описаны матери-привидения. Люди рассказывают о Сельверлаг, молодой женщине, такой красивой, что ее называли «стебель лилии». Больше восьми лет она была женой рыцаря по имени Бьерн. Она родила ему семерых детей, таких же красивых, как и сама, и нежно заботилась о них. В доме было множество слуг, но Сельверлаг сама вскармливала детей, сама ткала для них шерстяные одеяла, чтобы дети не мерзли в холодные зимние ночи.

Сельверлаг умерла молодой, и ее дети — самый младший еще спал в колыбельке — были отданы на попечение слуг, пока Бьерн не привел в дом новую жену. Эта женщина была настроена враждебно по отношению к «выводку», ведь это они, а не дети, которых могла бы родить Бьерну его новая жена, были наследниками всего, чем владел рыцарь. Рассказывали, что когда она впервые переступила порог дома и младшие дети Сельверлаг, очарованные ее алой мантией,

бросились к ее ногам и называли ее мамой, она грубо оттолкнула их. Может, это была выдумка, но как бы там ни было мачеха, которую звали Блиделин, выгнала детей на чердак, где они спали на соломе, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Их жалобный плач долетел до могилы, где вечным сном спала Сельверлаг, — та услышала и отозвалась. Немного времени прошло после свадьбы. Однажды ночью старшая дочь Сельверлаг, которая, бодрствуя, оберегала сон остальных, заметила какое-то движение возле парадной двери. Запах сырой земли и тошнотворный смрад тлена заполнил помещение. Шаги приблизились к порогу, и вот в проеме двери показалась изможденная фигура, облаченная в лохмотья. У нее были такие же золотистые волосы, как и у их матери. Пока дочь смотрела на нее, охваченная страхом, фигура матери медленно двигалась от одной кучи соломы к другой, поправляя постель, глядя детей по волосам и плача. Потом призрак исчез.

Конец истории рассказан самим Бьерном. Он проснулся ночью от стука в дверь. Дверь распахнулась, и он увидел белую фигуру Сельверлаг с комьями земли в волосах. Она погрозила ему костлявым пальцем.

— Обогрей и приласкай моих детей, Бьерн, — сказала Сельверлаг. — Если мне придется снова явиться сюда, сторожевые псы будут выть всю ночь. И Блиделин будет так плохо, что она захочет умереть.

После этого фигура исчезла. Потрясенный Бьерн разбудил свою вто-

рую жену и рассказал ей об увиденном. И Блиделин испугалась угрозы. До конца своих дней она скрывала свои чувства и обращалась с детьми Сельверлаг так, как желала их мать.

Дети, лишенные матерей, находили и другое заступничество. Как написано в старинных сказках, их часто брали под свою защиту дикие звери: волки и олени, птицы и змеи, а также домашние животные: коровы и овцы. Рассказывали, что в этих животных вселялись души матерей, иногда они служили матерям-призракам, иногда же поступали по собственному разумению, как, например, кот, пришедший на помощь сыну французского мельника.

В наши дни трудно представить мир, изобилующий тайной, скрытой жизнью, что в любую минуту могла вторгаться в дела человеческого рода. В прежние времена все в природе было отмечено печатью разума. К примеру, деревья не просто были погружены в дрему, зарывшись корнями в почву, — живые, они чувствовали и страдали. Обычно безучастные к делам и хлопотам людей, они временами оживали, почувствовав человеческие страдания, как, к примеру, дубовые леса в Британии. Жертвы преследований находили в таких лесах убежище, скрываясь среди густой, шелестящей листвы. И огромные кряжистые ветви со скрипом и стоном смыкались за беглецами, хватали и душили тех, кто осмеливался вторгаться в это прибежище гонимых.

Птицы — эти небесные создания, острым взором следившие за деяниями всякого, ступавшего по земле, — издавали прекрасные, преисполненные мудрости и пророчества звуки, но лишь немногие счастливы из смертных понимали птичий язык. Неудиви-

О рыбаке и рыбе

Кто знает, где обитают волшебные силы? Бедный рыбак из Корнуэллы обнаружил их в пойманной камбале. Когда он вытащил рыбу из воды, она заговорила, и рыбак отпустил ее — ведь это была человеческая речь. В благодарность камбала пообещала ему богатство — и он мог бы обладать им, если бы не мегера-жена.

Услышав рассказ мужа, женщина бросила взгляд на лачугу, в которой они жили, и потребовала хороший дом. Рыбак с неохотой побрел обратно к морю и позвал большую плоскую рыбу. Та всплыла на поверхность и уставилась на него своими печальными глазами.

— Моя жена просит о милости, — сказал рыбак.

— Что же это?

— Хороший дом.

— Стулай. Она его получит.

И в самом деле, вернувшись, он увидел опрятный чистый домик, окруженный садом. Но жена пребывала в довольстве лишь несколько дней. Потом она стала посылать старика к морю с новыми и новыми просьбами. Она захотела замок, захотела править страной, как королева, и жить в большом дворце. Ей захотелось быть императрицей! И каждый раз камбала делала то, о чем ее просили, хотя с каждым разом, когда рыбак приходил на берег, волны на море все больше темнели и пенились.

И вот, когда на море разыгралась настоящая буря, рыбак устало добрел до берега в последний раз. Камбала уже ждала его, покачиваясь на волнах.

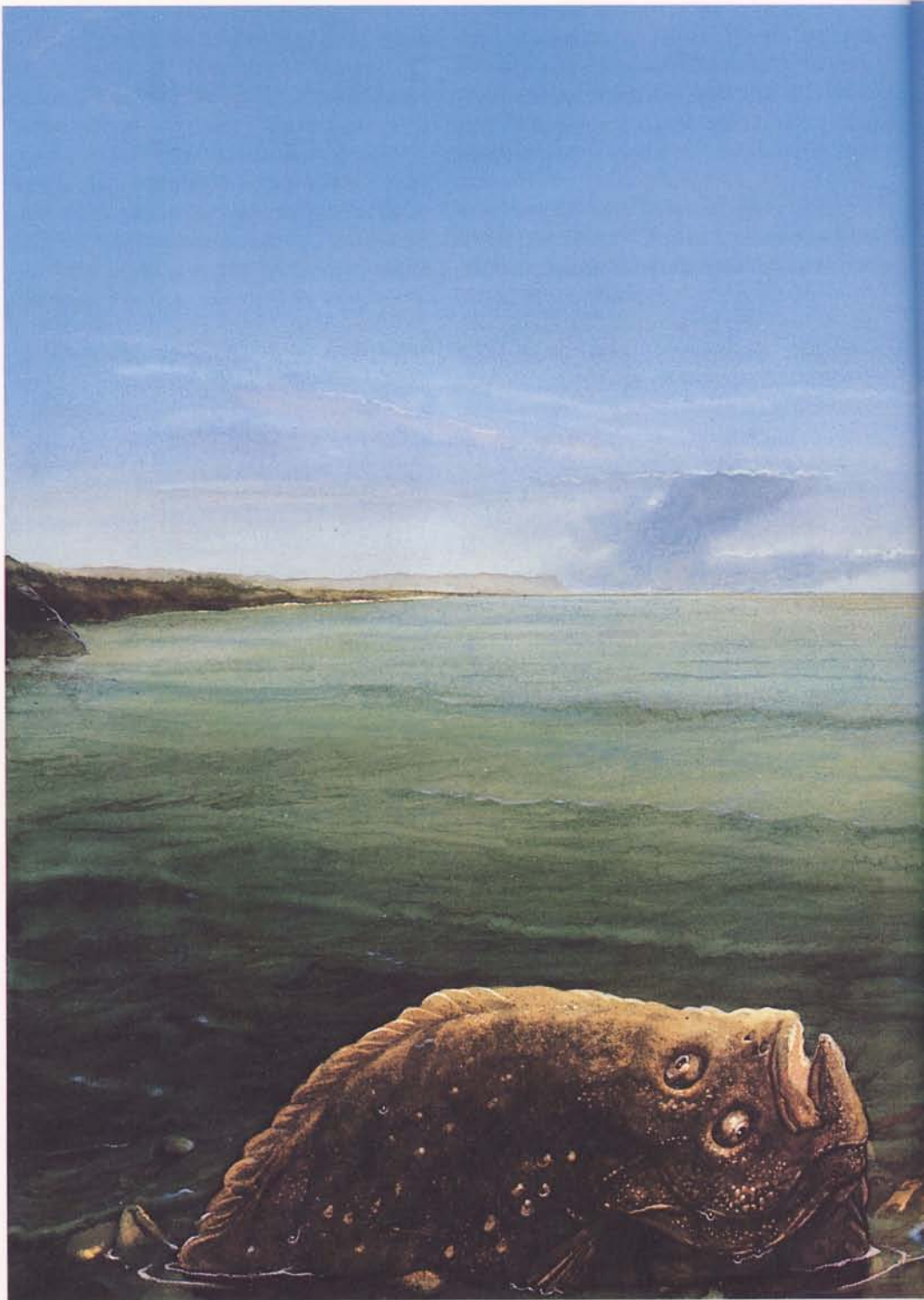
— Чего она хочет на этот раз? — спросила большая плоская рыба.

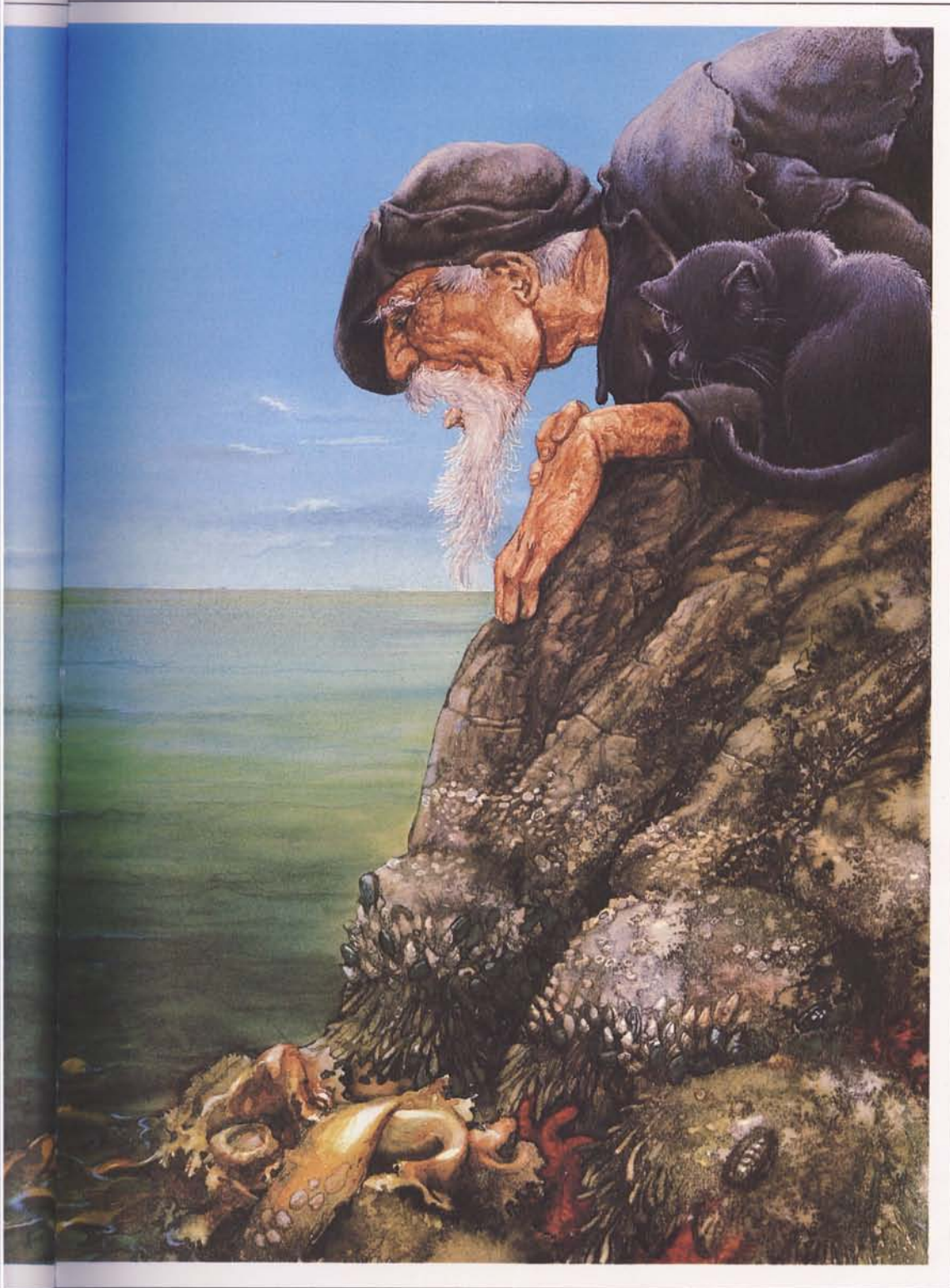
— Она хочет быть самим Богом.

Раздался раскат грома, волны взметнулись до неба. Глаза камбалы мрачно сверкнули, и рыба промолвила:

— Она хочет слишком многого. И ничего не получит. Она окажется в своей лачуге и будет жить, как прежде.

И рыбак вернулся к прежней нищенской жизни, к тяжелому рыбацкому промыслу и мрачным вечерам, наполненным брюзжанием и бранью его упрямой и сварливой жены.

тельно, что мудрецы с таким старанием пытались овладеть этим мастерством. Некоторые помнили древнеримского натуралиста Плиния, который писал, что если человек съест белую змею, то станет понимать язык птиц. Другие считали, что для этого нужно положить под язык язычок коршуна. Третьи говорили, что такие способности появятся, если выпить кровь дракона.

Даже у самых близких к человеку животных есть какая-то связь с той жизнью, которая обыкновенно скрыта от человеческих глаз. Круглый год коровы и овцы мирно пасутся на пастбищах, козы обгладывают живую изгородь, а куры деловито роются во дворах. Но сельские жители говорят, что в ночь на Рождество животные могут говорить друг с другом: с полуночи до утра из коровников и овчарен, свинарников и курятников доносится шепот и бормотанье.

Недоверие к покрытым шерстью и перьями существам, которые служат людям, подогрела история о коте, из года в год лежавшем у камина в сельском доме. Он не издавал никаких звуков, кроме мурлыканья и мяуканья, до тех пор, пока хозяин не сказал своим домочадцам, что убит кот, который жил в соседском амбаре.

— В самом деле? — спросил котлежебока, наострив уши. — Значит, теперь я кошачий король!

С этими словами он выскочил из дома, спеша занять свое место в тайном сообществе, о котором можно было лишь догадываться.

Люди лишь изредка проникали в тайную жизнь домашних животных и

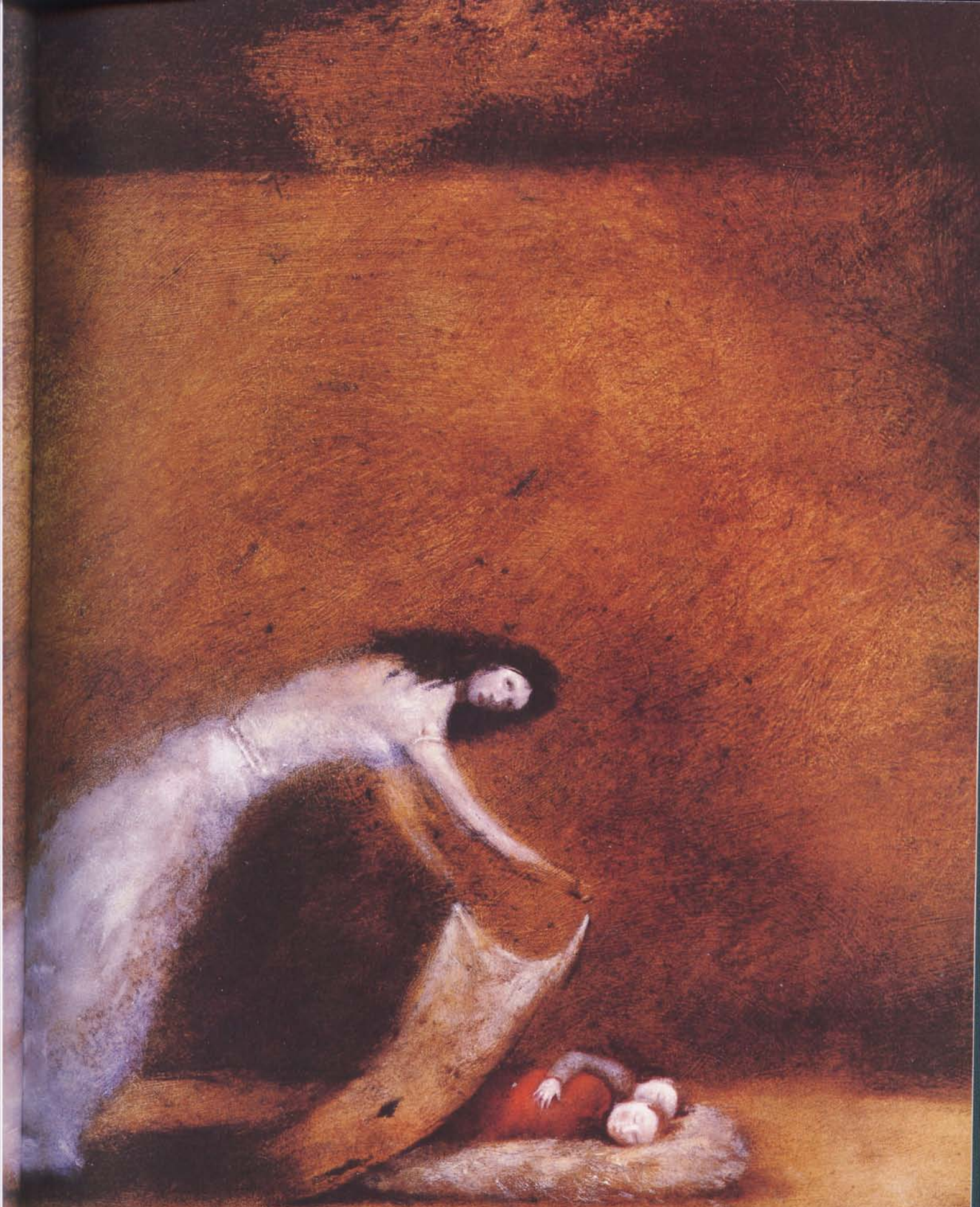
лишь изредка получали от них что-то большее, чем мелкие услуги. Но по меньшей мере один раз животное-слуга стало на защиту своей госпожи с такой самоотверженностью, что победило саму смерть.

Это произошло в Германии в те времена, когда страна была раздроблена на княжества и королевства, большие и малые, процветающие и бедствующие. В одном из таких королевств, размером чуть больше обычного поместья, правила женщина. Королевство это было бедным. Правительница, чувствуя приближение смерти, все же не успела привести в порядок свои дела. Ее утешала только мысль о том, что будущее ее дочери в надежных руках: с самого рождения девочка была помолвлена с сыном царственного кузена. Теперь ей предстояло отправиться ко двору принца, чтобы выйти за него замуж.

Королева послала к своему кузену гонцов, и через несколько дней проводила в дорогу дочь, снабдив ее тем, что имела. Она дала девушке своего коня, положила в переметную суму свои драгоценности, провожающей послала свою фрейлину, молодую даму из почтенной, но обедневшей семьи, которую королева с самого детства осыпала милостями. Королева дала дочери талисман: клочок батиста, на котором засохли три капли ее крови. В те времена считалось, что такие вещи обладают большой силой.

В один из августовских дней молодые дамы отправились в путь. Солнце заливало жаром окрестные поля, и было так тихо, что слышалось жужжание пчел. Вскоре лошади залоснились от пота и перешли на шаг.

Принцесса была девушкой робкой и молчаливой. Все ее мысли витали

Что до колдовской силы матерей, то датчане рассказывают о женщине,
восставшей из могилы, когда с ее детьми стали обращаться дурно.
Угрозами она добилась от муржа, чтобы тот хорошо заботился о них.

Однажды в Германии, по дороге к своему жениху, дочь королевы обронила
в ручей материнский талисман. Завистливая компаньонка, ждавшая как
раз такого случая, заняла место принцессы и заставила ее служить себе.

вокруг покинутого дома, и она со страхом думала о принце, которого никогда не видела. Кроме того, острая на язык фрейлина болтала без умолку. Принцесса устала, ей было жарко. В изнеможении она поникла в седле и погрузилась в свои мысли.

Когда дорога свернула в прохладную рощицу, где бежал ручей, принцесса очнулась. Повернувшись в седле к скакавшей позади нее женщине, она произнесла слабым голосом:

— Сойди, пожалуйста, с коня и принеси мне воды из ручья.

В ее просьбе не было ничего необычного. Фрейлина часто выполняла такие просьбы королевы на охоте. Но на этот раз ответ ее удивил принцессу.

— Сама принеси, — ответила ее спутница.

Принцесса устремила на нее растерянный взор. Но встречный взгляд компаньонки был издевательски-насмешливым, плотно сжатые губы кривила усмешка. Принцесса спешила, соскользнув на землю без поддержки, и склонилась к ручью, чтобы напиться. Она не заметила, как клочок батиста выпал у нее из-за корсажа и был унесен течением. Но ее спутница видела, что талисман исчез. Когда принцесса выпрямилась, за ее спиной стояла фрейлина. Ее рука больно стиснула руку девушки.

— Теперь, детка, — сказала она, — ты станешь моей служанкой и будешь приносить воду, когда прикажу я.

Принцесса отшатнулась, ее лицо исказила гримаса боли. Девушка была слабее фрейлины.

Через четверть часа они поменялись одеждой и ролями. Фрейлина

завладела славным иноходцем королевы, а принцесса села на ее клячу. Под конец фрейлина потребовала:

— Поклянись честью своей матери, что ты не расскажешь об этом ни одной живой душе.

Принцесса тряхнула головой.

— Если не поклянешься, я убью тебя, — сказала женщина. Глаза ее сверкали. И принцесса дала клятву.

Как только слова клятвы были произнесены, фрейлина хлестнула своего коня. Но конь не двинулся с места. Горничная повернулась к принцессе, и та беспомощно произнесла:

— Вперед, Фалада, слушайся ее, как меня.

— Увы, дочь королевы, — ответил конь, — Если бы твоя мать узнала об этом, ее сердце разорвалось бы на части.

И все-таки конь пошел вперед.

Это унылое путешествие заняло много дней. И вот, наконец, молодые женщины прибыли ко двору принца. Красивый замок с множеством башен стоял на холме, возвышаясь над селением, где дома были крыты красной черепицей, а улицы украшены цветами в честь приезда принцессы. Было ясно, что гонимые королевы добрались сюда и отправились обратно: среди встречавших не было ни одного знакомого лица.

Король этой маленькой страны ожидал ее приезда вместе со своим сыном возле ворот замка, и принц помог фрейлине сойти с коня. Он улыбнулся принцессе, сидящей на своей кляче, но горничная предупредила его, сказав:

— Мы должны найти для нее какое-нибудь занятие, милорд. Она была мне хорошей спутницей, но для дома она не годится.

*Низведенную до роли гусятницы дочь королевы мучил
дворовый мальчишка. Но волшебный хранитель освободил ее.*

И, опершись на руку принца, самозванка направилась во дворец.

После этого принцесса не видела свою мучительницу несколько недель. Слуги увели ее лошадь, а для нее положили в сарае, возле кухни, соломенный тюфяк и каждый день посылали на горное пастбище пасти гусей вместе с дворовым мальчишкой. Это была не такая уж плохая жизнь для того, кто связал себя клятвой. Гуси были глупыми и грязными, зато доставляли немного хлопот. Но мальчишка был нагл и дерзок. Он насмехался над ее одеждой, еще более бедной, чем его. Он больно сжимал ее не-

жные руки, дергал ее золотистые волосы, рассыпавшиеся по плечам...

Наконец ей стало невмogu, и она, беспомощно зарыдав, воскликнула:

— Ветер, подуй и унеси подальше шляпу этого мальчишки!

И в тот же миг, как по волшебству, налетел ветер — и соломенная шляпа мальчишки слетела с его головы и понеслась по пастбищу. Он бросился за ней. И пока он догонял шляпу, принцесса заплела свои длинные волосы и

Защитником принцессы-гусятницы стал волшебный конь. Он был так предан ей, что даже после смерти, когда его голову прибили к городским воротам, он заговорил, чтобы защитить ее и сделать тайное явным.

туго уложила их, так, чтобы ни одна прядь не выбивалась.

Эта малоприятная сцена повторялась изо дня в день, но впереди принцессу ждало худшее.

Однажды вечером, гоня перед собой гогочущих, переваливавшихся с лапы на лапу гусей, принцесса увидела голову коня своей матери, прибитую к арке городских ворот. Его только что убили: кровь еще подсыхала на камнях, карие глаза были открыты и смотрели прямо ей в глаза.

Мальчишка, идущий рядом с ней, был болтуном и постоянно торчал на кухне, слушая сплетни слуг.

— Это сделала новая принцесса, — сказал он, — потому что конь бесил ее. Она суровая дама.

Принцесса горько заплакала: вместе с конем умерло ее детство и ее надежды.

— Ах, Фалада... — тихо проговорила она.

Бархатные глаза коня ожили, рот приоткрылся.

— Ах, дочь королевы, — произнес знакомый голос. — Если бы об этом узнала твоя мать, ее сердце разорвалось бы.

Мальчишка изумленно уставился на голову и опрометью бросился на кухню, чтобы рассказать об этом.

На следующий вечер принцесса опять заговорила с головой коня, и снова конь печально назвал ее дочерью королевы. И когда его голос затих, а она снова опустила взгляд на своих гусей, из тени около городских ворот вышел какой-то человек. Это был король. Пристально глядя на принцессу, он сказал:

— Ты не пастушка. Мне хотелось узнать, кто ты, когда я впервые увидел тебя. Я хочу знать правду, а не только сплетни, распускаемые слугами.

Принцесса покачала головой.

— Я дала клятву молчать, господин.

— Сударыня, я ничем не смогу помочь тебе, если ты сама не захочешь ничего для себя сделать. Скажи, есть ли хоть одно живое существо, которому ты можешь поведать о своей беде?

Нет, она поклялась не рассказывать об этом ни одной живой душе.

— Тогда Расскажи об этом чему-нибудь неживому, — промолвил король.

Его речь была отрывистой, но в голосе звучала доброта. Король ушел, а она погнала гусей на скотный двор.

Р

Прошел еще один день. Мальчишка дразнил ее. На арке ворот по-прежнему горестно стонал Фалада. Голос коня стал совсем тихим, жизнь покидала его. Вскоре ей предстояло остаться одной. И вечером, когда огонь в очаге потух и остались лишь тлеющие угли, а посудомойки захрапели на своих соломенных тюфяках, принцесса встала на колени перед камином и шепотом, еле слышно, рассказала все огню. Как только она замолкла, из полумрака вышел человек. Это был король.

Обману был положен конец. Еще до того, как он узнал правду, король спросил у самозваной принцессы, какое бы наказание придумала она для служанки, предавшей ее.

— Я бы посадила ее голой в утыканную гвоздями бочку и возила по улицам, — ответила женщина. И такой стала ее собственная участь.

Что же касается настоящей принцессы, то все вернулось на свои места. Принц стал ее мужем, как это и было решено, когда они были еще детьми. Конь Фалада, верный и негибаемый друг, больше уже не говорил. Волшебство, давшее ему голос, длилось, пока он не выполнил свой долг.

Вечное покровительство

Эта история об одной шотландской девушке, чью жизнь оберегал дух ее покойной матери. Она была совсем маленькой, когда умерла мать, и скоро отец привел в свой дом новую жену. Эта женщина была вдовой, с дочерьми от первого брака, о которых ей надо было заботиться. Зло смотрела она на девочку — дитя своей предшественницы. Вскоре умер и отец, и девочка, напуганная суровостью чужой женщины, которой ей теперь предстояло подчиняться, нашла пристанище в комнате для прислуги, где все были ей знакомы. Но постепенно знакомые лица исчезали, и на их место приходили другие слуги — грубые и неприятные. Им почти не было дела до маленькой девочки. Они прозвали ее Рашин Коти, что по-шотландски означает «камышовая накидка», ведь от холода ее защищала только коротенькая накидка, сплетенная из камыша, какие носили дети беднейших крестьян.

Прошли годы. Камышовая Накидка выросла и часто гуляла теперь по тем местам, где горы Шотландии переходят в зеленые равнины Англии. И где бы она ни бывала, ее неизменно сопровождал товарищ — черный ягненок, который бегал за ней по пятам. Она вполголоса пела ему колыбельные песни, что-то шептала на ухо, и слуги говорили, что ягненок по своему отвечает ей.

Слухи о ее прогулках доходили до мачехи, которая с неудовольствием замечала,

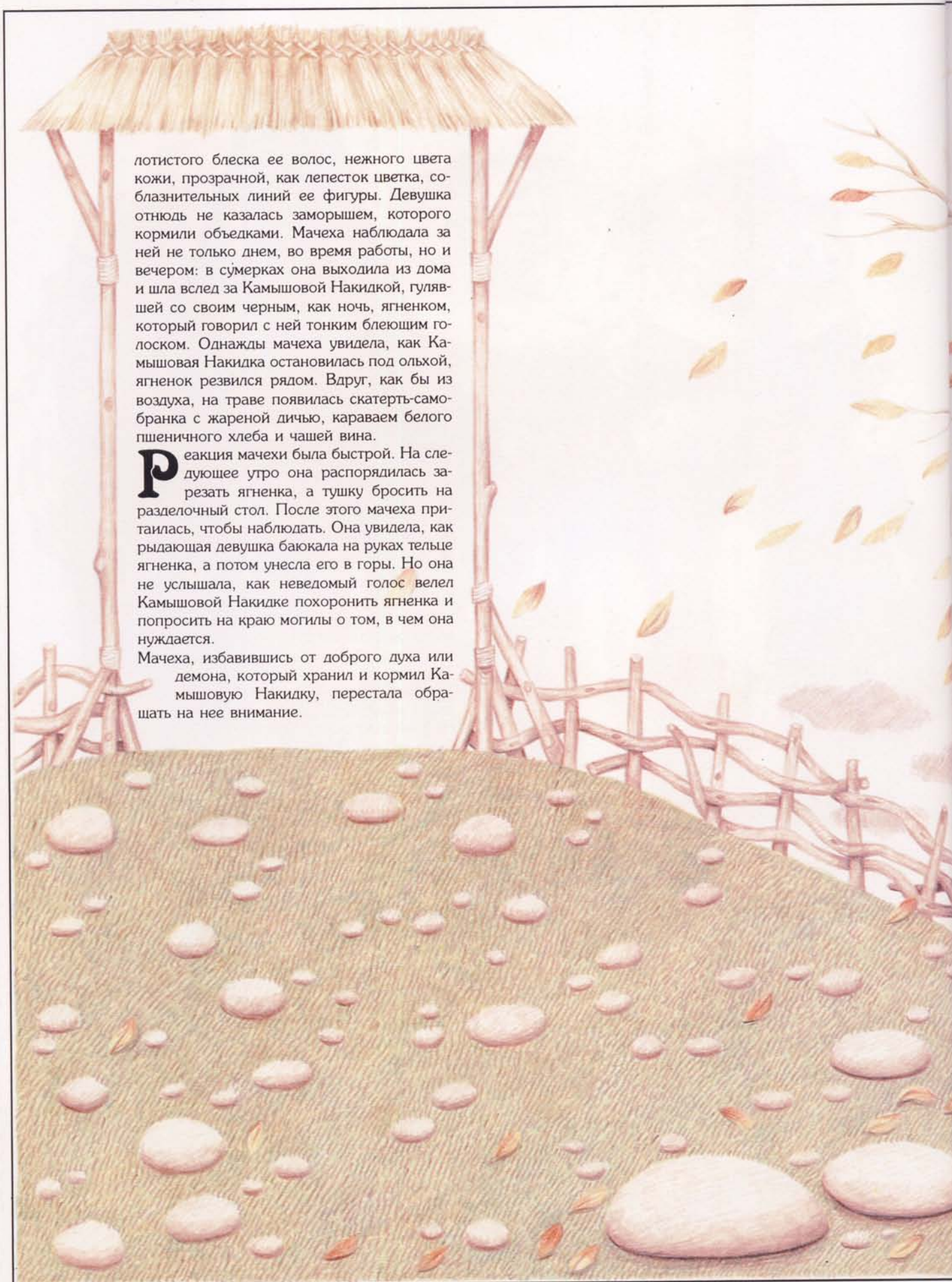

что из неуклюжего подростка выросла ослепительно красивая златовласая дева. Даже в своем истрепанном платье Камышовая Накидка сильно отличалась от сводных сестер-смуглянок. Сурово упрекая падчерицу в бездельи, мачеха «распорядилась» о ней. Домашняя челядь подчинилась, ведь все они знали, кому надо угождать. Так Камышовая Накидка сама стала служанкой, зарабатывающей себе на пропитание.

Она проводила дни на кухне, убирая за своими товарками-служанками. Замерзшими руками она чистила и скоблила курятник, покорно склоняя голову перед сурово отчитывающей ее птичницей: ведь за нее некому было заступиться. Камышовая Накидка осмеливалась заходить в дом только затем, чтобы вычистить камин и выгрести из печи золу. Если мачеха или ее дочери видели, как их служанка метет мостовую, они делали вид, что не замечают и не узнают ее. Они подбирали свои отороченные мехом бархатные одежды, чтобы не запачкаться, и шли дальше — заниматься своими пустячными делами, как будто бы ее здесь не было. Кому интересна работа ничтожнейшей из служанок? Однако мачеха не спускала с нее глаз. Женский глаз не мог не заметить зо-

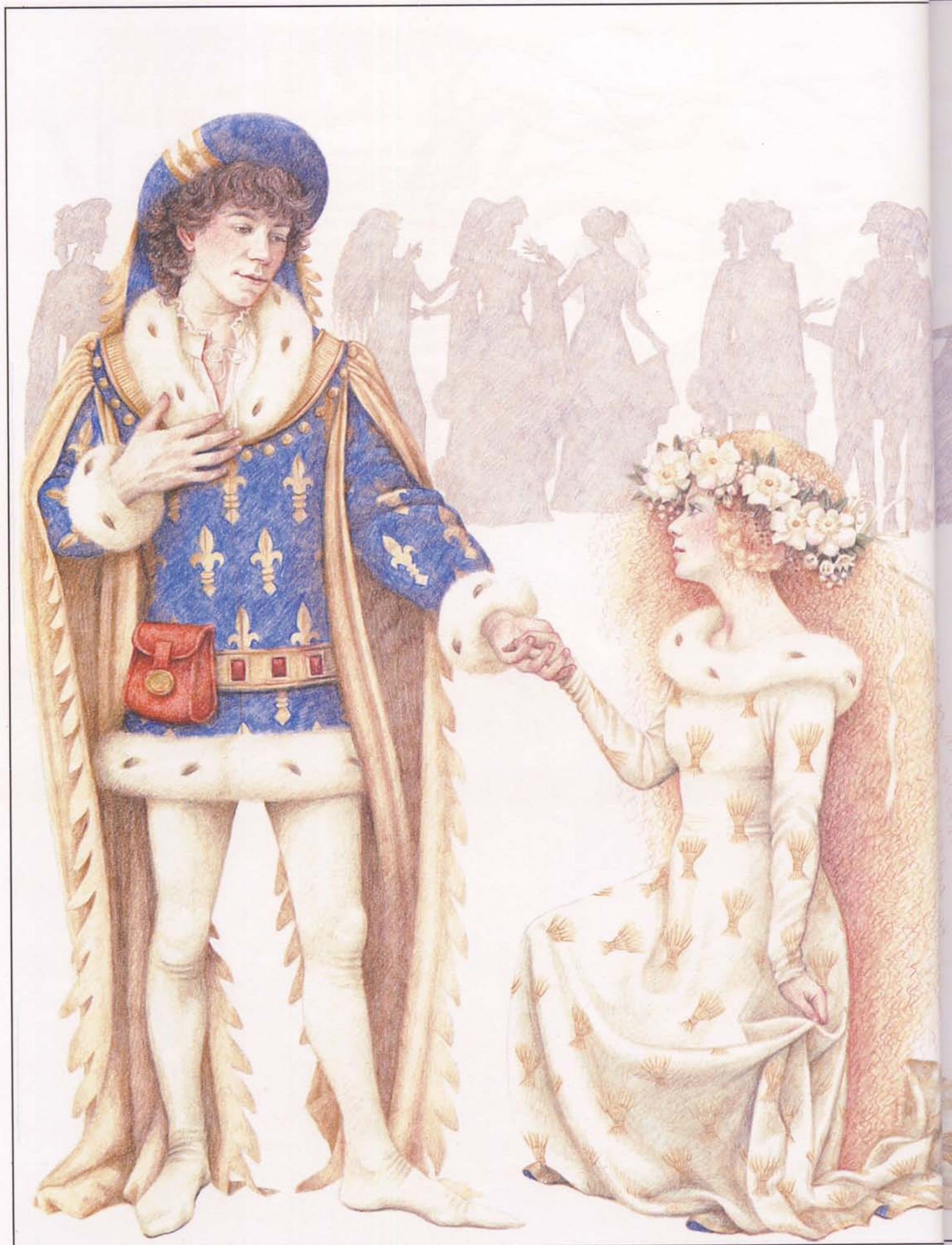

лотистого блеска ее волос, нежного цвета кожи, прозрачной, как лепесток цветка, соблазнительных линий ее фигуры. Девушка отнюдь не казалась заморышем, которого кормили объедками. Мачеха наблюдала за ней не только днем, во время работы, но и вечером: в сумерках она выходила из дома и шла вслед за Камышовой Накидкой, гулявшей со своим черным, как ночь, ягненком, который говорил с ней тонким блеющим голоском. Однажды мачеха увидела, как Камышовая Накидка остановилась под ольхой, ягненок резвился рядом. Вдруг, как бы из воздуха, на траве появилась скатерть-самобранка с жареной дичью, караваем белого пшеничного хлеба и чашей вина.

Реакция мачехи была быстрой. На следующее утро она распорядилась резать ягненка, а тушку бросить на разделочный стол. После этого мачеха притаилась, чтобы наблюдать. Она увидела, как рыдающая девушка баюкала на руках тельце ягненка, а потом унесла его в горы. Но она не услышала, как неведомый голос велел Камышовой Накидке похоронить ягненка и попросить на краю могилы о том, в чем она нуждается.

Мачеха, избавившись от доброго духа или демона, который хранил и кормил Камышовую Накидку, перестала обращать на нее внимание.

Женщину беспокоило другое: год подходил к концу, и в великолепном доме вождя их клана начинались приготовления к Рождеству. Обе ее дочери должны были пойти туда, чтобы пировать и танцевать с приглашенными кавалерами, это могло кончиться удачным браком и переездом в более богатое и обширное поместье. Взглядом, полным неуголимого честолюбия, она оглядывала с ног до головы своих дочерей, сильными руками туго шнуровала их корсажи, драгоценными камнями украшала их волосы, безжалостными пальцами шипала их щеки и губы, чтобы зарделась их кожа.

У ее старания, похоже, не пропали даром. В усадьбе вождя клана, где было тепло от горящих в камине дубовых бревен, музыканты в шутовских костюмах играли гальярду и павану, ее дочери блистали, как две жемчужины. Взгляд королевского сына остановился на младшей. Мать заметила это и улыбнулась.

Но улыбалась она напрасно, потому что в зале в это время появилась дама лучезарной красоты, в венке из летних цветов и белом с золотом платье. При виде ее все затихло. Танцоры расступились, в зале, казалось, остался один королевский сын: было ясно, что они созданы друг для друга. Дама грациозно присела, он подал ей руку и кивнул музыкантам. И они вдвоем, озаренные светом,

закружились в танце, а остальные, словно очнувшись, присоединились к ним.

За часом проходил час, танцы не прекращались: мантии развевались, драгоценные камни блистали, и посреди этого искрящегося разноцветного облака кружилась с королевским сыном сияющая, как звезда, прекрасная незнакомка. Ни одну женщину не удостоил он взглядом, а она не смотрела ни на кого другого. Чары волшебства окутали зал и танцующих. Все кружились, не замечая хода времени, в замысловатых па торжественного танца.

Но время шло. Стоящая в дверях стража сменилась, а на высокой башне начали бить часы. Наступила полночь. Вздох пролетел над собравшимися. И когда раздался вздох, чары волшебства были разрушены. Незнакомка судорожно глотнула воздух и остановилась, как вкопанная, танцоры в смущении расступились. Она вырвала руку из руки королевского сына и, вскрикнув, выбежала из теплого зала в морозную ночь и исчезла, словно золотисто-белое видение растворилось в облаке снега.

Королевский сын бросился за ней, но вернулся ни с чем. В руках у него была лишь маленькая шелковая туфелька, расшитая золотом.

— Это безрассудство, ваше величество, — сказал ему один из рыцарей. — То

была фея, недаром сейчас рождественская полночь...

— Это настоящая туфелька, сшитая для земной женщины, — возразил принц. — Она поможет мне найти ее.

Услышав эти слова, мачеха кое-что задумала.

Прошло несколько долгих недель, но, кроме слухов, не было никаких новостей. Принц объехал все замки, все крепости, все имения. И каждой девушке, будь она красавица или дурнушка, он предлагал померить золотую туфельку. Но башмачок этот был не впору ни одной из них.

И только когда весна вступила в свои права, принц добрался до дома, в котором жила Камышовая Накидка. Посудомойки не было видно. В зале его ожидала мачеха вместе со своими дочерьми. Они трепетали от страха и явно были здесь против своей воли, но они видели свирепый блеск в глазах матери и держали язык за зубами.

На глазах у принца паж примерил туфельку младшей дочери. Туфелька оказалась впору. Посерев лицом, девица едва не упала в обморок. Мать тут же бросилась между ней и принцем. Она прошептала что-то ей на ухо и отступила в сторону. Девица встала и сделала реверанс принцу.

— Вот твоя невеста, милорд, — сказала мать.

Принц озадачено нахмурился, но все же взял девушку за руку и вывел из зала. Усадив ее на лошадь с дамским седлом, он оседлал своего рослого коня. Девушка поникла, хоть мать и не спускала с нее строгих глаз, но тут и мать отвлеклась.

Над головами всадников закружилась маленькая птичка, напевая веселую песенку. Птичка пела о том, что это тот самый дом, да девушка не та, что принц еще не нашел свою невесту. Пусть он взглянет на туфельку еще раз.

Принц слез с коня и хотел было снять туфельку с ноги девушки, но почувствовал, что сквозь шелк ему в ладонь сочится теплая кровь.

— Она покалечила собственного ребенка, — пропела птичка у него над головой.

Сняв с ноги девушки туфельку и чулок, Принц увидел ступню с раздробленными пальцами и подрезанной кровоточащей пяткой.

— Прикажи привести девушку, что носит накидку из камыша, — пропела птичка, взлетела на дерево и принялась чистить перышки, поглядывая на людей своими круглыми, блестящими глазками.

Повернувшись к матери, принц произнес голосом, холодным, как зимний вечер:

— Приведи ту девушку и позаботься о ранах своей дочери.

Женщина молча повиновалась: увела свою дочь и больше не возвращалась.

Вскоре на скотный двор вышла молодая, хрупкая, очень красивая девушка, босая, в залатанном платье. Она сделала реверанс принцу, но смотрела с улыбкой на дерево, где сидела птичка.

— Ты служанка в этом доме, красавица? — спросил принц.

— Я дочь покойного хозяина этого дома, — ответила Камышовая Накидка.

— А кем был твой отец?

Она ответила и добавила:

— Дух матери говорит со мной из тела ягненка, похороненного на том холме, и поет мне голосом маленькой птички, что сидит на этом дереве.

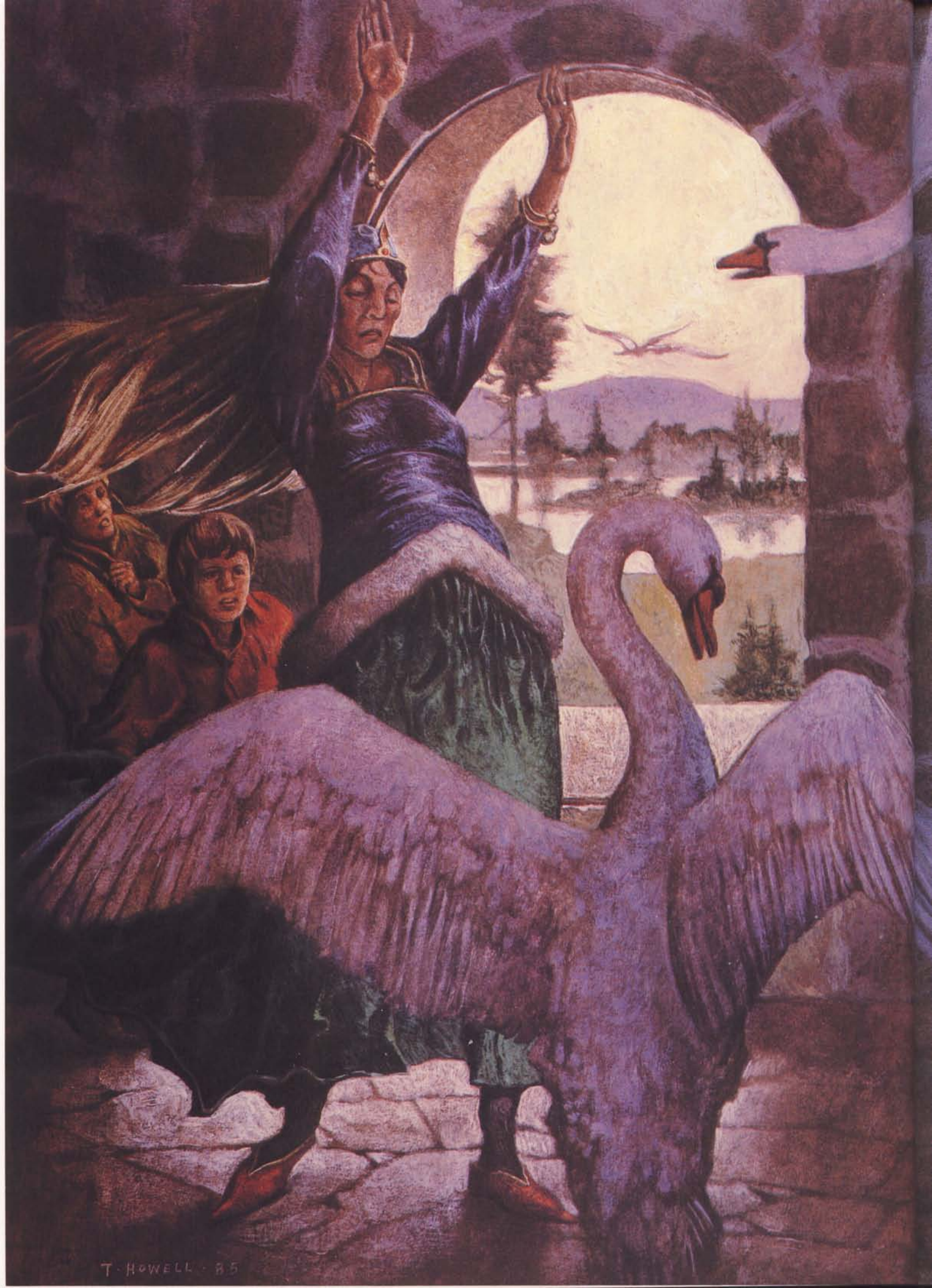
Принц достал окровавленную туфельку. Она была впору девушке. Та улыбнулась, а птичка звонко запела, и к ней присоединился целый птичий хор. На миг девушку озарил яркий свет, и она предстала перед принцем в золотом сиянии, одетая в расшитое золотом платье.

— Ты нашел меня, мой повелитель, и освободил, — сказала она и протянула ему руки.

Вот так, по воле своей матери, служанка-посудомойка стала невестой принца. А что до мачехи, то никто так и не знает, что же случилось с ней.

Глава вторая

В Испытания любви и верности

В богатых семьях дети нередко обитали в благотворном уединении: почти с самого рождения они жили отдельно от родителей в собственных домах, с собственными средствами и штатом прислуги. Такое раздельное существование делало братьев и сестер на редкость преданными друг другу — и об этом как раз говорится в одной из старинных сказок.

На западном побережье Швеции в небольшом дворце жили семеро таких детей. Дворец представлял собой каменное строение с луковичными резными башнями, расположенное в парке с озером и окруженное вечнозеленым лесом. Шесть мальчиков и одна девочка были детьми местного графа. Их мать умерла.

Отец обещал ей содержать их согласно происхождению, выделить им большую часть своих владений и дать соответствующее положение образования. Во всем остальном он уделял им мало внимания. Сам он жил в большом дворце и был целиком поглощен дворцовыми интригами и междоусобными войнами.

Жизнь детей протекала достаточно мирно в окружении слуг, гувернеров и нянек. Мальчики ездили на охоту да и девочка тоже — у нее был

собственный пони и миниатюрный лук. Братьям нравилось брать ее с собой. Когда они бывали вместе, дворец наполнялся их смехом и радостными голосами; они изъяснялись друг с другом на ими же придуманном языке. Если не считать посыльных отца, в их края всего несколько раз приходили известия. Поэтому дети были взбудоражены, когда весенним полднем увидели в парке незнакомку в голубом, скачущую на сером коне. Легкой рысцой конь проскакал через дворцовые ворота. Соскочив на землю, женщина бросила поводья груму и кивнула приветствующему ее слуге. Дети окружили ее. Задержав на них свой взгляд, она сказала:

— Итак, дети, я новая графиня и хочу посмотреть, как вы живете.

С этими словами она направилась во дворец. Обрадованные дети последовали за ней. Они прошли через комнаты и поднялись по лестнице в башню. На самом верху они остановились, глядя на цветущий парк, на темный еловый лес. Затем женщина подозвала мальчиков.

Они охотно подошли. Она коснулась их волос, потом прошептала какие-то слова — и мальчики бросились к окну башни. Один за другим они спрыгнули вниз и исчезли.

отозвался. Огонь в очаге на кухне не горел, в конюшне было пусто. Казалось, что жизнь во дворце уничтожена.

Сигурни взяла свой плащ и сделала так, как ей сказала женщина.

Пройдя через замерший парк, она вышла на дорогу, ведущую к лесу, в котором охотилась вместе с братьями. Темные деревья окружили ее со всех сторон, даря прохладу. Сигурни шла вперед, и зверьки шуршали у нее под ногами, время от времени пели птицы. Она шла без цели и надежды, пока не стемнело и воздух не стал прохладным.

В сумерки она вышла на поляну, где стояла деревянная избушка — возможно, это был дом лесника или охотничий приют. Дверь была открыта, и Сигурни спросила, есть ли кто-нибудь в доме. Не получив ответа, она вошла.

Избушка была бедной, но уютной. Стены были завешаны ковриками, по углам, как принято в деревнях, висели вышитые льняные дорожки. Вдоль стен стояли кровати с резными и расписными спинками, тюфяки и подушки были пуховые. Пол был посыпан еловыми иголками. Здесь можно было заночевать. Сигурни завернулась в свой плащ, легла на скамью и заснула.

Она проснулась от шелеста и

Вскоре шесть больших птиц сделали круг у стен дворца, они были белые, как и облака, проплывающие над ними. Женщина крикнула им что-то на каком-то непонятном языке, лебеди сбились в стаю и полетели на север.

Проводив их взглядом, графиня пристально посмотрела на девочку.

— Как тебя зовут?

— Сигурни.

— Хорошо. Я приказываю тебе, Сигурни, уйти в лес. Твои братья покинули тебя. Здесь тебя никто уже не защитит.

И, усмехнувшись, графиня шагнула мимо девочки. Раздались шаги графини по лестнице и стук копыт ее коня. Наконец все стихло. Больше никогда девочка не видела свою мать и ничего не слышала о своем отце.

Спустя некоторое время Сигурни вышла на лестницу. Она осталась совершенно одна. Пройдя по тихим, пустынным, солнечным комнатам, она стала звать слуг, но никто не

Превращенные в лебедей, шестеро братьев летали год за годом в небе Швеции. Но их сестра знала секрет снятия колдовства: она должна была соткать им рубашки из крапивы и не произносить ни одного слова до тех пор, пока не будет выполнена эта работа.

хлопков лебединых крыльев. И в лунном свете, серебришем стены дома, на землю плавно, друг за другом опустились лебеди. Как только перепончатые лапы лебедей коснулись земли, их оперение пропало, и перед ней предстали братья. В тот же миг они бросились обнимать ее.

— О, наконец-то вы на свободе! — с радостным смехом сказала она. — Теперь мы можем отправиться домой!

Но братья не засмеялись. Они повели ее в дом, усадили и рассказали о своей судьбе — о том, как мачеха заколдовала их, так что только весенними и летними ночами они могут принимать человеческий облик. С наступлением холодов им предстоял перелет на юг, в теплые края.

Есть способ освободить нас, — сказал старший брат, — хотя колдовские чары графини очень сильны. Для того, чтобы мы превратились в людей, ты должна соткать для каждого из нас рубашку. Ты должна соткать их из крапивы, по одной рубашке в год, в течение шести лет, и все это время ты не должна смеяться или проронить хоть слово, потому что если ты сделаешь это, колдовство укрепитя и мы навеки останемся лебедями.

В самом деле, колдовские чары были сильны. Крапива росла повсюду, но изготовить рубашки из крапивы очень сложно, ведь листья и стебли растения покрыты волосками, прикосновение к которым вызывает болезненный ожог. Но Сигурни любила своих братьев больше всего на свете. Без колебаний она сказала:

— Я сделаю эти рубашки.

И на следующий день она взялась за дело. Она нарвала крапивы и оборвала жалящие листья покрытыми волдырями пальцами. Потом стала пропаривать стебли для получения волокна. Все лето она работала. В течение долгих летних дней ее братья летали и плавали в тихих шведских озерах, видя свое скользкое отражение в воде. А с наступлением темноты они возвращались в избушку, где трудилась сестра, сбрасывали оперение, собирались вокруг нее и помогали, чем могли. Она улыбалась им, не произнося ни слова.

Когда листва на буках и осинах стала золотой, а ветер подул с севера, братья стали беспокойными. Вечерами они все позже и позже возвращались в лесную избушку и каждое утро все раньше и раньше улетали. И наконец, когда ударили первые заморозки, они покинули ее. Сигурни смотрела им вслед, пока последнее белое крыло не скрылось из виду. Она молча плакала.

Всю зиму она прожила в избушке. А когда растаял последний снег и молодая крапива показалась из земли, она отважилась повторить все сначала. Собирая крапиву, она непрестанно ждала ударов лебединых

крыльев. Но братья не появлялись, и она провела все лето и следующую зиму за работой, в одиночестве, питаясь пойманной в лесном ручье рыбой и кореньями.

Сигурни было двенадцать лет, когда она поселилась в лесу, и ей исполнилось четырнадцать, когда ее обнаружил охотник. Он был правителем одного маленького, полуварварского королевства, затерянного в глубине дремучих лесов. Суровый, но добрый, он был очарован молчаливой девушкой, прекрасной, несмотря на покрытые волдырями руки и истрепанную одежду. Увидев, что она беззащитна, он сказал, что возьмет ее к себе домой. Она кивнула, не подав голоса, и он терпеливо ждал, пока она вынесет тюк с куделью. Он привязал тюк к седлу, посадил Сигурни на коня, сел позади нее и поскакал в свои владения.

Сигурни попала в совершенно другой мир: в крепость, обнесенную частоколом, с каменным замком, площадью и деревней, состоящей из десятка хижин. Жизнь здесь была сурова и одновременно отмечена грубой пышностью. Платья женщин были увешаны серебром, плечи и локти — филигранными шариками. Рукояти мечей были украшены драгоценными камнями.

Женщины жили в замке на своей половине, и всеми ими командовала выжившая из ума королева-мать. Это была сгорбленная, сварливая старуха, и она весьма неохотно приняла чужеземную нахлебницу. Но, увидев, с каким почтением король обращает-

ся к этой молчаливой девушке, старуха несколько поостыла, хотя и не спускала с Сигурни глаз. Целыми днями она наблюдала, как Сигурни учится ткать на станке, и презрительно усмехалась, видя странную кудель, из которой девушка ткала материю. А по вечерам, когда король посылал за своей находкой, старуха недовольно шипела.

Старая вдова умолкла лишь тогда, когда король женился на Сигурни. Она ожидала упреков со стороны молодой женщины, но этого не произошло. Сигурни хранила обет молчания, продолжая невозмутимо работать днем и проводя ночи с королем. Каждой весной она ждала появления братьев-лебедей. Весной и осенью перелетные птицы пролетали клином над крепостью, но ни одна стая так и не спустилась. На второй год замужества она родила сына.

Этот ребенок исчез из колыбели спустя две ночи после рождения. Сигурни не заговорила даже и тогда, когда вдова, болтавшая без умолку, изрыгала ядовитые слова в королевском зале. Старуха говорила, что жена короля в сговоре с ведьмами и поэтому не может говорить с людьми, что именно она убила королевского сына.

Сигурни беспомощно плакала, потому что видела, как из ее комнаты выходила сгорбленная старуха, неся в руках завернутого в пеленки сына. Но она не сказала ни слова, будучи связана обетом молчания, данным несколько лет назад.

— Я в это не верю, — сказал король, выслушав обвинения матери, и взял свою жену за руку. Так Сигурни была спасена от наказания.

Спустя два года она родила королю второго сына — и этот ребенок исчез из колыбели! И снова вдова обвинила ее в убийстве, и снова королева хранила молчание. Придворные отвернулись от нее, и король приговорил ее к смертной казни.

В солнечное весеннее утро, в день ее восемнадцатилетия, Сигурни вывели из замка и повели к месту казни, за крепостную стену. Король ждал там вместе с придворными. Около плахи стоял палач, его топор был спрятан в соломе, чтобы не напугать приговоренную.

Сигурни медленно подошла к плахе, одетая в грубое платье, держа стопку сотканных ею рубашек. Поднявшись на эшафот, она стояла неподвижно, пока прислуживающие женщины закололи на затылке ее волосы, оголив шею. Они хотели забрать у нее рубашки, но Сигурни мотнула головой, и женщины отступили.

— Жена, не хочешь ли ты что-нибудь сказать? — спросил король. Но она была нема.

Палач подал знак. Повинуясь ему, Сигурни встала на колени перед плахой. Палач вытащил топор из соломы.

И в этот миг над головами собравшихся раздался пронзительный крик, ему вторили другие — до тех пор, пока воздух не наполнился непрерывным криком. Этот крик был тревожным сигналом лебедей. Известно, что диких лебедей в Европе зовут молчунами, хотя они могут кричать. Шесть белых птиц, рассекаю-

щих воздух большими крыльями, кружились над самой плахой. Палач в растерянности заколебался, по толпе пробежал ропот.

Этот ропот перешел в возгласы удивления: Сигурни встала и набросила рубашки, одну за другой, на птиц. Лебединое оперение упало белым облаком на землю и исчезло, на месте лебедей оказались шесть юношей. У самого младшего из них вместо руки было лебединое крыло: на его рубашке не хватало рукава.

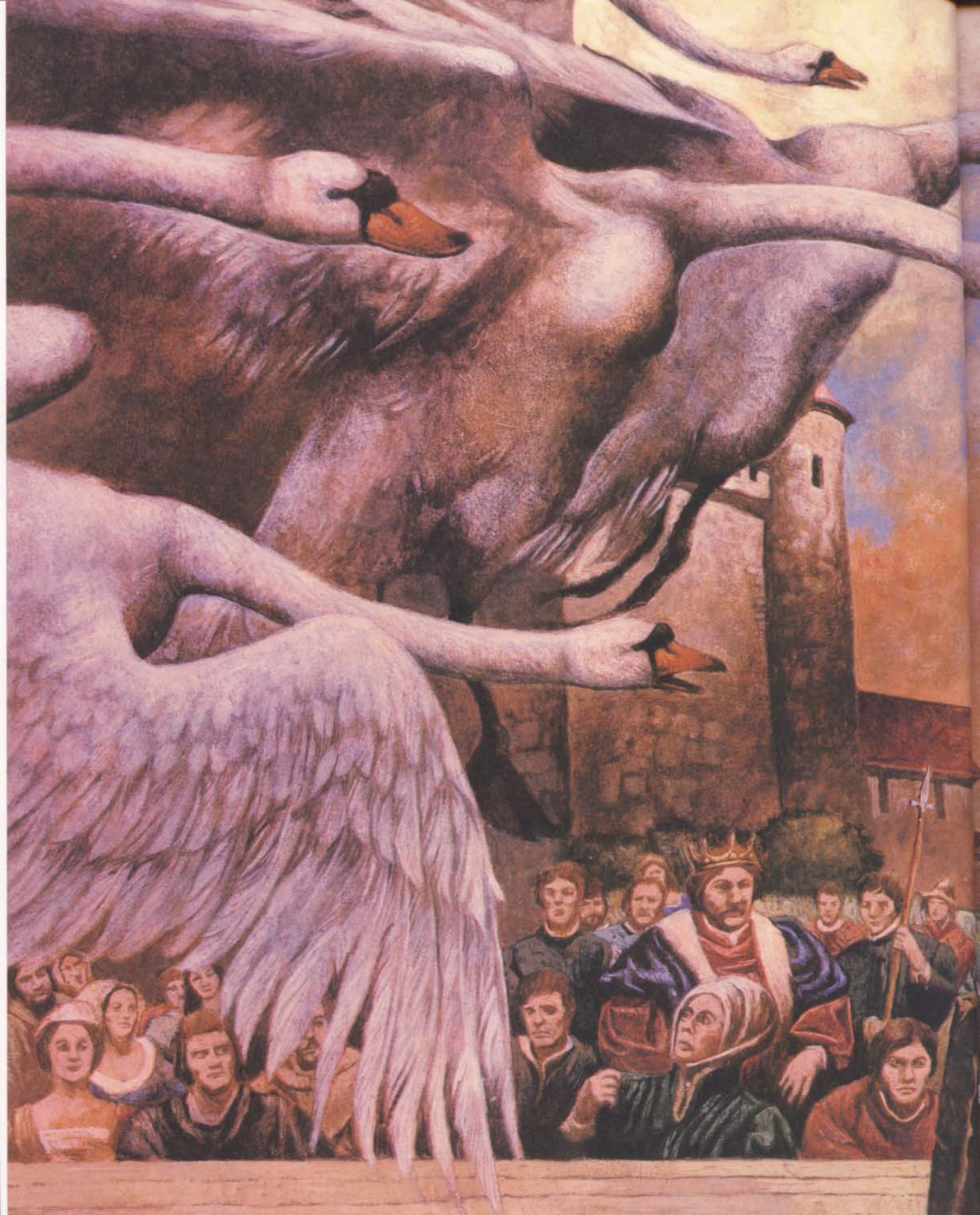
Гордо встав рядом со своими братьями, Сигурни улыбнулась королю и сказала:

— Итак, мой муж, я хочу тебе кое-что рассказать.

И она рассказала любимому про обет молчания, данный ею, чтобы расколдовать братьев, рассказала про обман старухи и про убийство ею королевских сыновей. Так что, в конце концов, голова старухи слетела с плеч. Сигурни была оправдана королем, а ее братья стали его приближенными, которых уважали при дворе. И вся семья навсегда обрела здесь свой дом.

Подобные истории о преданности часто рассказывались в те времена, когда миром правила магия. На ранних этапах человеческой истории, когда могущество людей во многом уступало колдовским силам, проявлявшим себя повсюду, люди держались вместе. Защищая друг друга, они обретали силу, которая их спасала.

Угроза человечеству исходила отовсюду. Иногда, как это было в случае обмана мачехой Сигурни и ее братьев, люди превращались в животных, понимая секреты колдовства и стараясь его превозмочь,

Перед самой казнью сестра братьев-лебедей сохранила обет молчания. Прилетевшие лебеди спасли ее и самих себя.

*Все братья-лебеди были расколдованы, но у младшего на всю жизнь вместо руки
осталось крыло: у волшебной рубашки, сотканной его сестрой, не хватало рукава.*

иногда — запутываясь в паутине ложных представлений. Очень часто врагами людей становились выходцы из другой расы, более древней, чем человеческая. Это были существа, чьи предки когда-то правили миром, но которых человеческое честолюбие и сила, уничтожение лесов и возделывание полей, строительство крепостей, деревень и городов заставили уйти. Теперь эти существа, которых люди называют феями, эльфами, домовыми, или, выражаясь красочно, «сказочный народ» — скрываются в глубинах земли и на дне морском. Некоторые из них обитают среди людей, оставаясь невидимыми. Время их великой славы миновало, но они еще не лишились своей силы и не останавливаются перед тем, чтобы завладеть ею снова. Мужчины и женщины прекрасно знали про эту опасность. Они рассказывали сказки о заколдованных детях, которые навсегда исчезают, о матерях, у которых отбирают новорожденных детей и заставляют вскармливать своим молоком детенышей древней расы, о девушках и юношах, которых переманивают в другой мир, чтобы взять в жены или мужья. Часто люди попадают в сети колдовства по своей неосмотрительности. Ведь завеса над потусторонним миром иногда приоткрывается, так что непосвященные

имеют возможность увидеть отсвет его таинств. Но это чревато опасностью.

Жители Сомерсета рассказывали, что на высоком холме, называемом Блекдаун, что в окрестностях Таунтона, по ночам иногда появляются толпы маленьких человечков, одетых в яркие красно-сине-зеленые одежды и носящих старомодные высокие шляпы. Сборы это напоминает сельскую ярмарку: среди них есть и лоточники, и лудильщики, и продавцы безделушек, еды и пива. Это загадочное видение то становится ярче, то совсем пропадает; и люди называют его Волшебным рынком, полагая, что он намного богаче их собственного.

Однажды какой-то крестьянин, привлеченный ночным видением, решил поскакать верхом в самую гущу происходящего. Едва увидев свет и услышав музыку, он повернул коня к холму, но стоило ему доехать до того места, как видение исчезло. Какие-то невидимые руки колотили его до тех пор, пока он не повернул обратно к дому. Отъехав от холма, он, несмотря на удары, обернулся назад и снова увидел огни и маленьких человечков. Когда же он вернулся домой, одна сторона его тела, по которой наносились колдовские удары, оказалась полностью изувечена.

Этому человеку повезло, потому что он быстро повернул обратно и не прикоснулся к тому, что принадлежало царству волшебства. Каждому известно, что смертный, проникший в мир волшебства, может возвратиться. Но если он прикоснется к

волшебному золоту или попробует волшебную еду, он попадет под власть колдовских сил.

Такой случай произошел с крестьянином из Корниша в одну из теплых летних ночей. Он забрел в сад, где танцевала компания светящихся человечков. Привлеченный музыкой, он подошел совсем близко к сливовым деревьям, сверкающим и переливающимся каждым своим листком. Сливы были крупными и сочными, его пальцы почувствовали их теплую мягкость.

Пронзительный крик остановил его. Из темноты вышла женщина, на которой он собирался жениться и которая исчезла три года назад. Она подала ему знак, чтобы он не ел заколдованных плодов, потому что это была пища танцующих оборотней. Она печально поведала ему о том, что однажды ночью сама пришла в этот чудесный сад и попробовала слив. Поэтому ею завладело волшебство, сделав ее навечно своей рабыней. Сказав это, она исчезла. Музыка затихла, человечки исчезли, и крестьянин остался один в темноте.

В подобных сказках говорится, что волшебные существа подстерегают любопытных и безрассудных, чтобы напиться человеческой крови и стать сильными. Это помогает им удерживать власть темных сил над добром. Нередко мужчины и женщины вступали в смертельную схватку с волшебной силой, проявляя сверхчеловеческую силу и изменяя свою судьбу.

Такая история произошла однажды в Шотландии, и она свидетельствует о том, что преданность людей — их самая надежная защита. Эта история началась в деревне Бордер, недалеко от феодального поместья, где жили

трое братьев со своей сестрой. Небольшое поместье стояло на холме, на склоне которого располагалась деревня, окруженная лугами и лесами. Был обычный день, деревня утопала в солнечных лучах. Вместе со своей сестрой братья отправились на луг, расположенный неподалеку от приземистой деревенской церкви. В последние дни они редко бывали вместе: юноши обучались военному искусству в замке графа, а сестра оставалась дома вместе с матерью. Поэтому теперь они резвились на траве, играли, смеялись, поддразнивая друг друга.

— Посмотрите-ка на Рыжую Хелен! — воскликнул один из братьев на грубом шотландском наречии, указывая на красно-золотистые волосы девушки.

«Рыжая» — это прозвище дворянской дочери, оно означало также и «колдовская». Лежа на траве, он зашвырнул кожаный мяч на крышу церкви и добавил:

— А ну-ка достань его!

Засмеявшись, Хелен приняла его вызов: стала обходить церковь против часовой стрелки. Но стоило ей зайти за угол, как солнце засветило в лицо, а ее собственная тень оказалась позади. Больше она не появлялась.

Спустя некоторое время братья стали громко звать ее. Ответа не было. Переглянувшись, они направились к церкви. Они обошли вокруг здания, зовя сестру и посмеиваясь. Они обыскали окрестный луг и лес, но поиски были напрасными.

— Ее тень была позади нее, так что она не могла ее видеть, — сказал один из братьев.

И они прекратили поиски, отправившись домой с мрачными лицами.

В те времена люди оберегали собственную тень, зная, что в ней заключена частица их духа. Многие верили в то, что человека можно убить, ударив по его тени, и это поверье бытовало и в более поздние века в виде присказки о том, что человек, наступив на собственную тень, может накликасть на себя несчастье. Тень Хелен, повторяющая ее движения, была ей не видна! Невидимая своей обладательницей, тень стала уязвимой и попала в ловушку. И кто-то или что-то, заметив ничем не защищенную тень Хелен, присвоил ее, а заодно и саму девушку.

И старший брат заявил:

— Я поеду на ее поиски.

— Мы все отправимся на поиски, — сказали двое других.

— Поеду я, — настаивал старший брат, — потому что я старше вас. Если через месяц я не вернусь, на поиски отправляйтесь вы.

И через месяц, когда он не вернулся, на поиски отправился средний брат, поскакав на север через поля и горы. Он тоже не вернулся.

У тогда на поиски отправился третий брат. Его звали Чайльд Роланд.

Он был почти одних лет с Хелен и самым близким ей по духу из трех братьев. Два месяца провел он в пути. На самой границе графства он сделал привал. Неподалеку, у подножия холма, где начинался лес, стоял каменный домик. В домике жил отшельник — то ли книжник, то ли колдун.

Привязав коня, Роланд отворил деревянную дверь. В единственной комнате было пусто, но, судя по всему, отшельник был где-то поблизости. В камине трещали ароматные яблоневые поленья. На гладкой поверхности стола лежали пергаментные свитки — ученые книги. На подоконнике сидела сова, спрятав голову под крыло.

— Уходи отсюда, — раздался приглушенный голос.

Роланд уставился на сову.

— Он уйдет, — ответил другой голос, и рыцарь быстро обернулся. Позади него стоял старик в потрепанной рясе с корзиной яблок в руке. Поставив корзину на стол, он вытер руки о рясу и сел.

— Я следил за тобой, молодой рыцарь, — сказал старик, — твои братья уже побывали здесь.

— Где они сейчас? — спросил Роланд.

— Они там же, где их сестра: в замке короля эльфов, — ответил старик, жестом приглашая гостя сесть.

— Откуда вы знаете об этом, сэр?

— Маленькая птичка принесла мне весть, — с усмешкой ответил книжник.

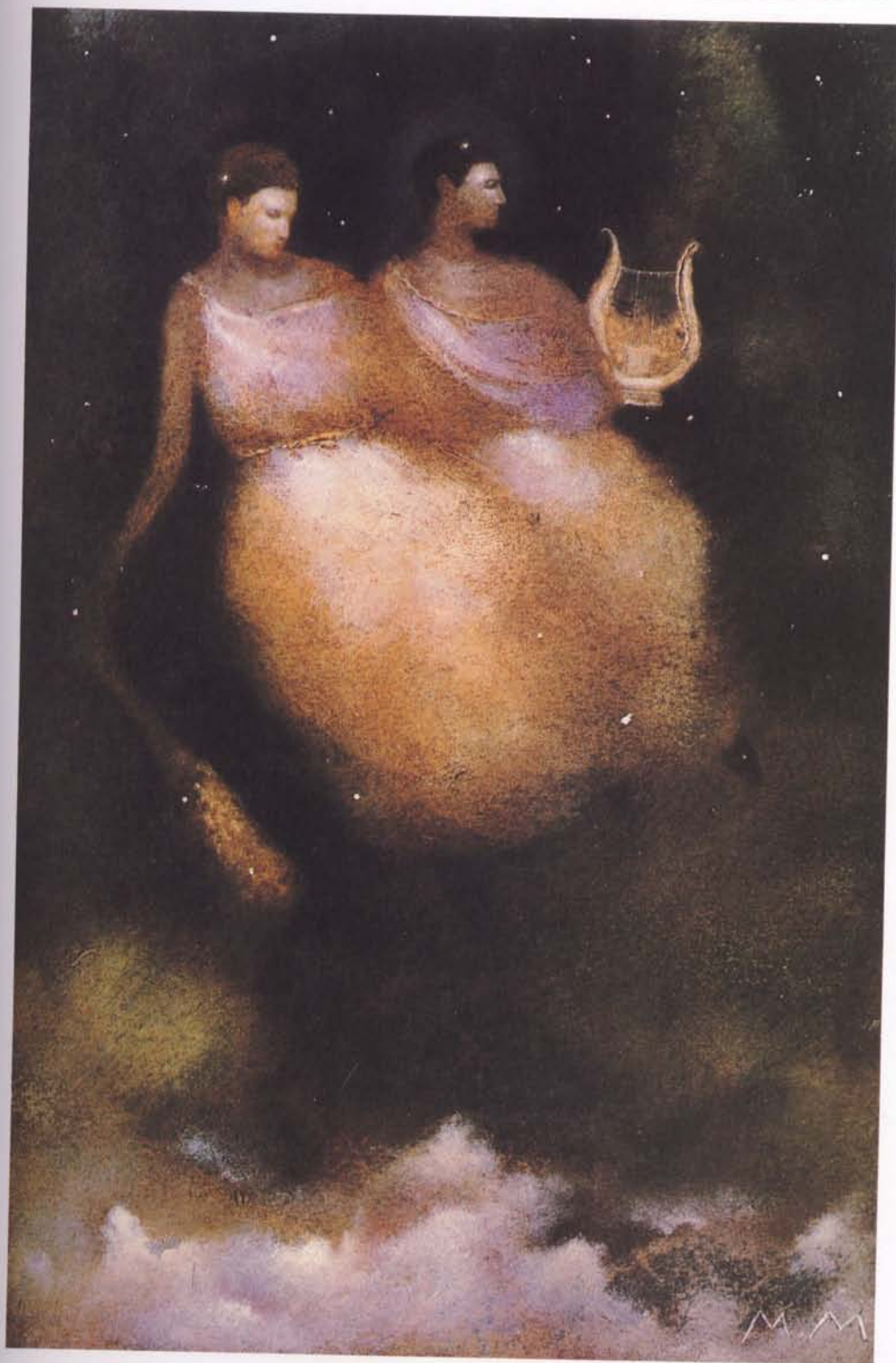
Сова на окне высунула голову из-под крыла, села на жердочку и принялась качаться, не открывая глаз.

— Скажи, как мне найти их и вернуть домой.

— Сын мой, — ответил книжник, — о некоторых вещах легко говорить, зато их трудно сделать, — и добавил: — Карта!

И тут один из пергаментных свитков сам развернулся перед ним на столе.

— Тебе нужно ехать вот сюда, — сказал книжник, указывая на дорогу, ведущую к северу от дома в горы. За

Звездные братья на северном небосклоне

Чтобы показать необычайную силу братской любви, греки придумали сказку про Кастора и Поллукса, известных под именем Diosкуров или «сыновей Зевса». В сказке говорится, что Зевсу эту двойню родила обычная женщина, при этом один из сыновей получился бессмертным, как его отец, а второй — смертным, как мать. Близнецы были неразлучны и на войне, и в мирное время. Кастор прославился как укротитель диких коней, а Поллукс — как кулачный боец.

Будучи смертным, Кастор пал в битве, сражаясь бок о бок с братом. В скорби и печали Поллукс обратился к своему отцу с просьбой, чтобы тот и ему послал смерть, позволив сойти в подземное царство вместе со своим братом. Но даже Зевс не мог послать смерть бессмертному. Поэтому бог превратил близнецов в звезды, чтобы те вечно сияли на небосводе.

Звезды Кастор и Поллукс можно увидеть в северо-западной части зимнего неба: яркая двойная звезда в созвездии Гемини (Близнецов). Спартанские воины поклонялись им, поскольку они были покровителями мужества; греческие моряки взывали к ним, потому что их сияние усмиряло шторм на море.

линией, обозначающей горы, на бумаге ничего не было: где-то в этих неведомых землях находились владения короля эльфов. Когда пересечешь границу, пусть кто-нибудь доведет тебя до его замка. Ступив в его владения, сделай вот что: руби головы всем, кто заговорит с тобой. Всем без исключения! И вот что еще — не бери ни от кого ни еды, ни питья. Стоит тебе отведать мяса или вина в стране эльфов, и ты навеки останешься там.

Роланд ждал, но больше старик ничего не сказал. Склонив седую голову набок, как его сова, книжник дремал. Тем не менее, когда Роланд встал, чтобы уйти, спящий поднял голову и сказал:

— Помни!

И Роланд поскакал на север, делая краткие остановки, питаясь дичью, ночуя под деревьями. За горами лес сменился холмистой местностью, наступила золотая осень. За холмами показались ржаные и ячменные поля, обещавшие богатый урожай, но поблизости не было никакой деревни. Роланд скакал по тропинке, петляющей среди высокой травы и ведущей на луг, где паслись лошади и росли деревья — и тут он наткнулся на табунщика.

Это был старый мужчина, одетый в серое, с длинным кнутом. При виде незнакомца и чужой лошади животные бросились им навстречу с радостным ржанием. Они окружили молодого рыцаря, и он увидел их глаза: в них сверкало пламя и отсвет иного мира. Это были лошади эльфов. Он попал во владения короля эльфов.

— Эй, приятель! — крикнул Роланд. — Как можно проехать к замку короля эльфов?

— Этого я не знаю, господин, но если вы поскачете на запад, то можете найти там провожатого, — ответил человек, косясь на чужеземца.

Роланд кивнул и развернул коня так, чтобы табунщик не видел, как он вынимает меч. Потом, наклонясь в седле, он взмахнул мечом — и голова табунщика скатилась на землю, а окровавленное тело, закачавшись, рухнуло. Перепуганные лошади разбежались.

Не обращая на них внимания, Роланд поскакал на запад. Через несколько часов он встретил пастуха со стадом коров, у которых были такие же пылающие глаза. Он спросил пастуха о том же, о чем спрашивал табунщика, и получил такой же ответ. Обезглавив и этого человека, Роланд поехал дальше.

У вот, наконец, на травянистой лужайке посреди фруктового сада с яблоневыми и персиковыми деревьями он увидел женщину с посохом и стаей цыплят под ногами. Эта птичница выглядела совершенно безобидно. Один цыпленок поднял голову и пристально посмотрел на него круглым глазом — и в этом крошечном глазу бушевало пламя.

— Добрый день, матушка, — сказал Роланд. — Где находится замок твоего короля?

— На западе за деревьями, — ответила она, — ты увидишь холм, окруженный крепостной стеной. Обходи его против часовой стрелки, чтобы солнце светило тебе в лицо. У крепостных ворот крикни, чтобы тебе открыли. И тебе откроют, если ты храбрец.

Он кивнул и повернул коня. В конце концов, это была просто старуха, и у него не поднималась рука убить ее. Он обернулся. Она смотрела на него сверкающими глазами, такими же круглыми и красными, как и у курочек, которых она пасла. Одним ударом он обезглавил ее, и голова скатилась на землю и исчезла в стае кудахчущих птиц.

Наконец, вечером этого осеннего дня, Роланд увидел зеленый холм, на котором стоял замок короля эльфов. Спешившись, он направился к крепостной стене, освещенной заходящим солнцем. Ворота оказались открытыми, и Роланд вошел в их тень. Он шел по сводчатому коридору, слыша лишь звук своих шагов и позвякивание шпор. Коридор уходил под землю. Фонарей нигде не было, но откуда-то струился какой-то слабый свет.

Наконец он вошел в просторный зал с множеством балконов и дверей, где было тепло, как весной, и все сверкало перламутром. И здесь, вдали от дома, он увидел свою сестру Хелен, прекрасную как никогда. Она сидела на королевском ложе, раздетая в шелка. Когда он вошел, глаза ее устремились на него — они были тусклы и пристальны, словно у безумца или зачарованного.

Роланд молча подошел. Слезы стояли в его глазах. Он нагнулся и взял ее ледяные руки.

— Слава Богу, что ты смог сюда добраться, брат.

Голос ее был тихим и безжизненным. Но она заговорила! Он вынул из ножен меч. Она не шелохнулась — и он зажмурился, нанося удар.

Когда же он открыл глаза, она стояла перед ним — его собственная сестра, с глазами, полными жизни.

— Ты освободил меня, Роланд, — сказала она, улыбаясь ему.

— Где наши братья?

Вместо ответа Хелен показала рукой в тень, где стояли два гроба.

— Они не решились нанести по мне удар, разрушающий колдовские чары, — сказала она, — и король эльфов отправил их в темницу сна.

Все было непросто. Он нашел свою сестру, нашел братьев, но они могут умереть в этом зале или в лабиринте коридоров. А врага нигде не было видно.

— Хорошо, сестра, — сказал Роланд, — нам следует все это обдумать.

Хелен кивнула. Но ей был неизвестен план замка, да и о короле эльфов она знала очень мало. Окутанная колдовскими чарами, она спала наяву. Последнее, что она помнила, был бег лицом к солнцу и встреча с высоким человеком, перекинувшим через руку ее тень, словно только что снятую одежду.

Роланд внимательно слушал ее. Наконец он сказал:

— Я хочу пить. Принеси, если можешь, чего-нибудь, а я пока обдумаю все.

Хелен принесла ему молока в золотой чаше. Он поднес было чашу к губам, но заметил отчаянный взгляд сестры. Зачарованная королем эльфов, она вынужденно принесла ему колдовской напиток. Роланд с проклятием швырнул чашу на пол.

И со звоном металла о камень дверь отворилась. В зал ворвался высокий человек в черных доспехах и с воинственным кличем поднял над го-

В те времена считалось опасным ходить навстречу солнцу и оставлять без присмотра свою собственную тень, потому что злые духи могли завладеть ею и унести в свою страну. Именно так красавица Хелен из Шотландии стала пленницей короля эльфов.

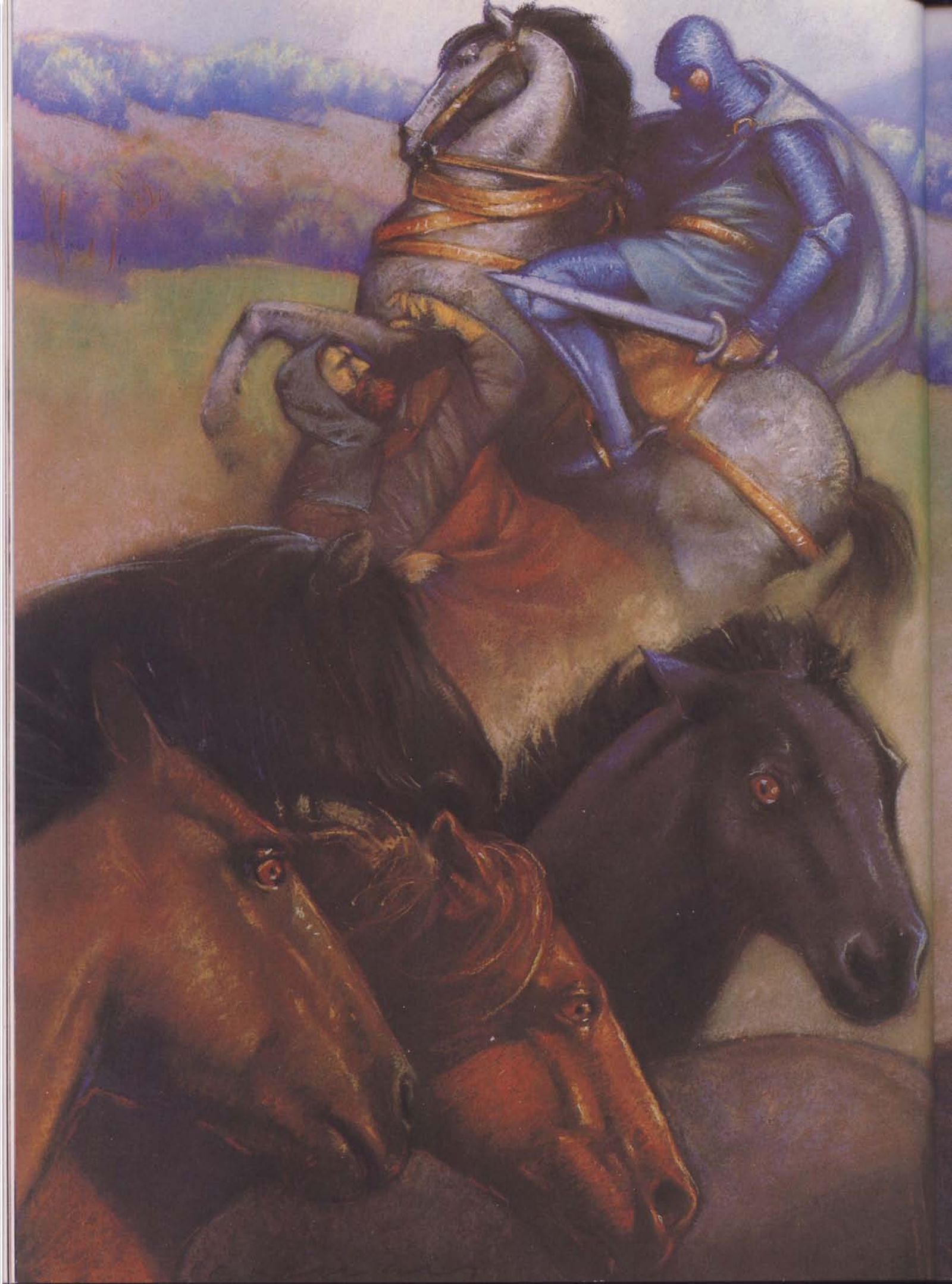
ловой меч. Это был сам король эльфов, жаждущий крови Роланда. Будучи всю свою жизнь в боевой готовности, Роланд бросился ему навстречу.

Удар и выпад, взмах и еще удар — два рыцаря кружили по залу, слышалось только хриплое тяжелое дыхание и скрежет мечей. Казалось, король эльфов не пользуется колдовством: честь колдуна требовала поединка на равных — со смертным он должен был сразиться оружием смертного. Но он был сильным, проворным и хитрым воином. Его тяжелый меч дважды опустился на плечо Роланда. Молодой рыцарь пошатнулся и упал на колени. Меч поднялся,

чтобы нанести последний удар, но Роланд, заметив обнаженную, незащищенную броней полоску на теле короля, нанес удар снизу. Король эльфов вскрикнул. Меч выпал из его руки. Роланд бросился на своего врага, повалил на пол, подмял под себя и приставил к горлу меч. И не

Отправившись на поиски своей сестры Хелен, воин по имени Чайльд Роланд попал в страну эльфов и убил прислужников короля. Его первой жертвой был табунщик.

успел еще Роланд отдышаться, как король эльфов сказал ясным и спокойным голосом:

— Прекрасно сработано, смертный. Я сдаюсь.

— Освободи нас.

— Хорошо.

Роланд встал и отступил назад. Потемневший король тоже встал. Прекрасно сложенный, рослый, он обошел зал, коснулся рукой Хелен и обоих братьев. И когда они — сестра и братья, освобожденные из тьмы, — встали перед ним, он сказал:

— Не бегай больше навстречу солнцу, девушка, если хочешь остаться в своем собственном мире. Мы жаждем твоей крови, и мы всегда следим за тобой. А теперь уходите!

Он указал им на дверь, в которую вошел сам. Окружив сестру, братья направились к выходу.

Пройдя через ворота, они оказались на лугу, усыпанном опавшей листвой. Чуть поодаль виднелась приземистая башня их деревенской церкви, а на холме — стены родной усадьбы. Оглянувшись, они увидели призрачный образ: контуры массивной двери, висящей в воздухе. Они наблюдали до тех пор, пока этот образ не растворился и не исчез без следа.

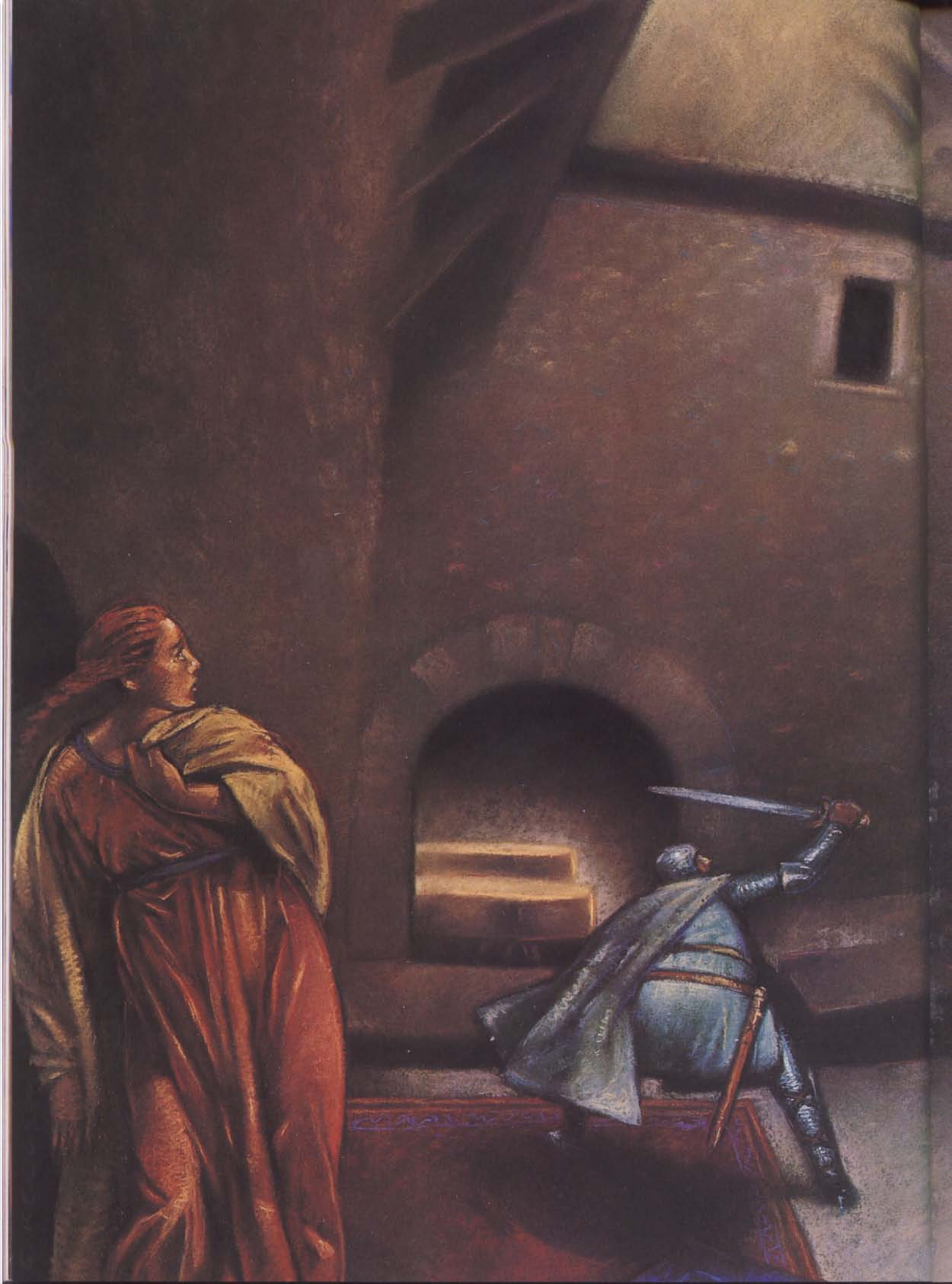
Братья и сестра жили в мире и согласии. Любовь помогла Роланду найти их, а ум и находчивость — освободить их от колдовских чар. Такая преданность встречалась и в других семьях. И в те времена, когда человечество составляло лишь малую часть населения земли, подобная верность встречалась и среди людей, не связанных кровным родством. Все человеческое сообщество было связано узами преданности. Крестьяне обрабатывали землю и служили свое-

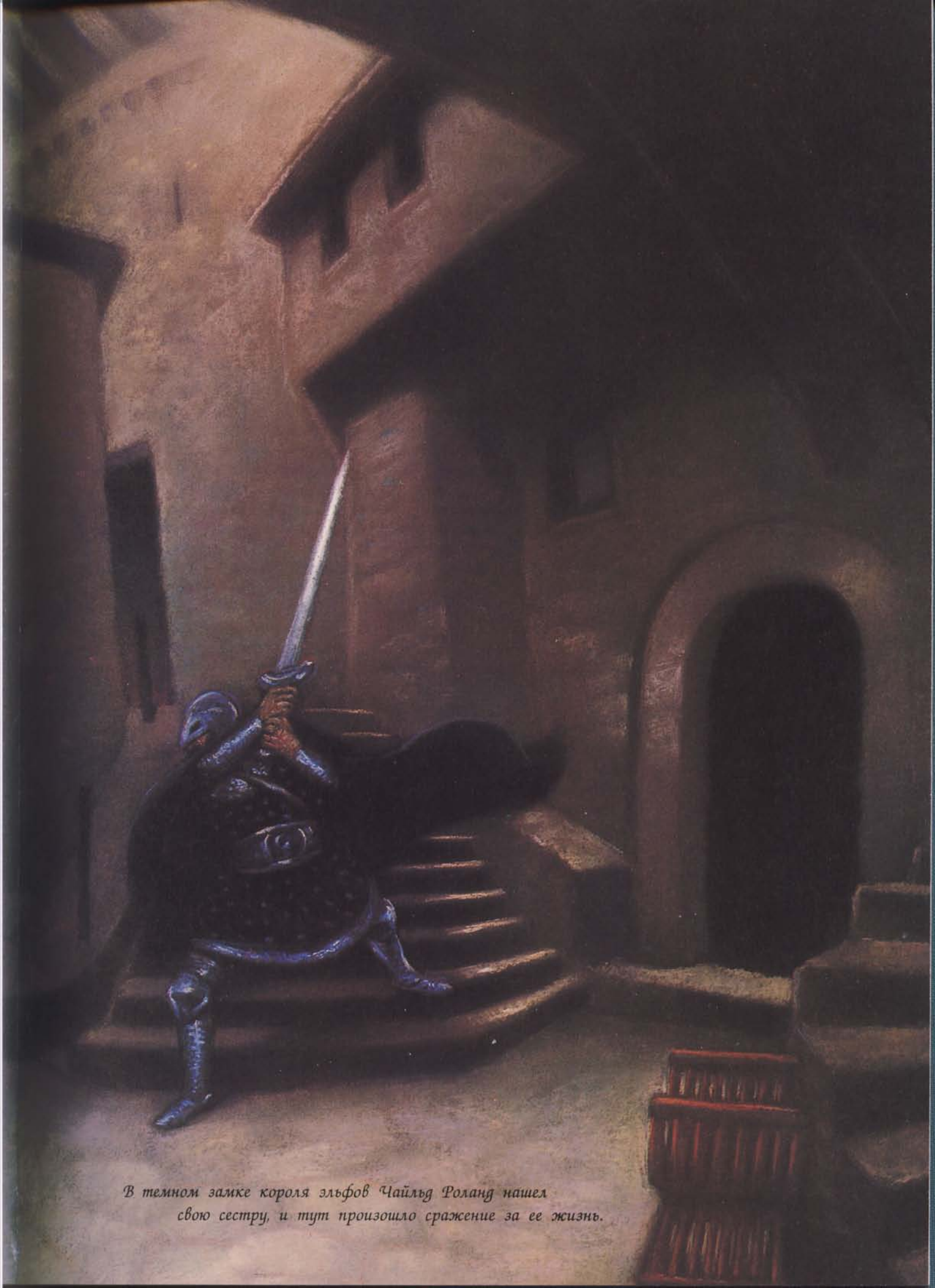
му феодалу. Феодал, в свою очередь, служил более крупному феодалу, а тот — еще более крупному... В награду за свою верность стоящий ниже получал поддержку стоящего выше. Каждый сюзерен был обязан защищать своих подданных.

В те беспокойные времена трудно было найти более верных людей, чем воины, сражавшиеся плечом к плечу против общего врага. Между теми, кто прошел вместе огонь и воду, завязывалась дружба, крепкая, как братство. В сохранившихся легендах о великих воинах воспеваются их преданность, сравниваемая лишь с их храбростью и доблестью.

Что касается военных кампаний, то мало кто продемонстрировал такой же боевой дух, как армия Фианна из Ирландии. Эта армия служила Верховному Королю острова, улаживала споры между вассалами, защищала подданных и охраняла побережье от вторжения захватчиков. В период своего процветания армия Фианна насчитывала свыше четырех тысяч солдат: сто пятьдесят военачальников, в распоряжении каждого из которых находилось по двадцать семь человек. Солдаты вербовались на рыцарских турнирах, проводимых несколько раз в году. На этих турнирах молодые парни со всей Ирландии пробовали свои силы, девушек же привозили, чтобы удачно выдать замуж. Там бойко шла торговля.

Воины Фианны проходили множество испытаний, демонстрируя свои познания в поэзии, свою храбрость, свое искусство в метании ко-

В темном замке короля эльфов Чайльд Роланд нашел
свою сестру, и тут произошло сражение за ее жизнь.

пья и в стрельбе из лука. И если испытания были преодолены, обрывалась связь юноши с семьей — самая прочная связь в те времена. В Ирландии бытовала кровная месть. Однако семьи воинов Фианны оставались в стороне, если был убит или как-то ущемлен в правах воин: за юношей, вступивших в боевое братство, мстили воины Фианны. Их образ жизни описан во множестве легенд. Летом воины странствовали по стране, промышляя охотой, спали под открытым небом на трех «постельных принадлежностях Фианны»: ветках, соломе и мхе. Мылись в ручьях, готовили пищу на походных кострах и слушали песни своих менестрелей и бардов. Зимой они жили среди простых людей или в крепостях своих военачальников.

Величайшая слава пришла к Фианне, когда армия сражалась под предводительством Финна Мак Кумала, человека столь сильного характера, что имя его оставалось на устах ирландских поэтов столетия спустя после его смерти.

Финн был самым смелым из них. Говорили, что он самый мудрый, потому что питался лососем, чье мясо вбирает в себя всю мудрость мира. Он был лучшим охотником, лучшим поэтом, самым справедливым судьей. Более великодушного человека, чем Финн, трудно было найти. Если бы осенние листья, падающие с деревьев, превратились в золото, а морская пена — в серебро, пели барды, Финн раздарил бы все это людям.

Среди приближенных Финна был и его сын Ойзин, сладкоголосый певец, а также его внук Оскар, красавец из красавцев; был также Даймьюид, самый статный и щедрый из лю-

дей; был еще одноглазый Голл из Коннекта, лучший воин Фианны после самого Финна, а также Каойлт, худощавый седой человек, способный обогнать ветер. Финн заботился о них, и они отвечали ему тем же.

Среди них самое благородное сердце было у Каойлта. И вовсе не потому, что ему не хватало храбрости или свирепости. Рассказывали, что в юности он убил пятиголового великана, а также борова-оборотня, к которому никто из его товарищей не осмеливался приблизиться. Кроме того, у него была удивительная связь с природными силами. Кажется, он посвящен в таинство жизни, и это дает ему власть над нечистью. К тому же он разбирался в травах, знал, какие травы дают мудрость, какие привораживают. Слух у него был такой острый, что во время охоты он мог определить, сколько собак преследуют дичь и что это за дичь: олень, заяц, кабан или барсук.

Это случилось во времена Финна, когда в армии начались волнения. В этой хорошо обученной армии в периоды бездействия иногда возникало недовольство. Бывало, местные ирландские короли разбивались на враждующие группировки. Однажды летом, желая пресечь бунт и продемонстрировать свою силу, Верховный Король Ирландии схватил Финна и посадил его под арест в своем замке в Таре.

Весть об этом достигла Каойлта, находящегося в крепости Финна в Аллене, что на границе с Лейнстером. Потрясенный этим известием, он повел войска в Тару. Он срывал

свой гнев, убивая королевских крестьян в их жилищах и сжигая посевы, но это не помогло освобождению предводителя. И когда у Каойлта прошел первый приступ ярости, он сам отправился в крепость Тара. Он вошел в королевский зал с двенадцатью дверьми, убив часового, переодевшись в его платье и держа в руке подсвечник с сальной свечой.

Отсветы камина и свечей отражались на поверхности шитов, висящих на фресках, украшавших стены, падали на раскрасневшиеся лица воинов короля, сидевших на длинных скамьях. И Каойлт направился через толпу слуг и жонглеров, арфистов и бардов в другой конец зала, где сидел сам Верховный Король. И он увидел своего предводителя, сидевшего на почетном месте, но закованного в цепи и под стражей. Король пристально посмотрел на Каойлта: он хорошо знал окружение Финна.

— Мне кажется, я вижу глаза Каойлта в пламени свечей, — сказал Король, кивнув в сторону переодетого воина.

— Этот человек высокого происхождения, — ответил Финн, — ему не пристало носить свечи как лакею.

Но Каойлт, пришедший в ярость при виде закованного в цепи Финна, сам выдал себя.

— Скажи, как мне освободить моего господина? — спросил он, опустив подсвечник и направив свет прямо в глаза Короля.

Покоренный смелостью этого человека, пришедшего в одиночку в его хорошо охраняемый замок, Верховный Король задумался. Потом сказал:

— Фианна стала неуправляемой. Покажи мне, что ты способен усмирить целую армию: приведи мне

сюда живыми по паре диких зверей, обитающих в Ирландии.

— Ни один человек не сможет сделать этого, — сказал Финн.

— Я сделаю это ради спасения моего господина, — сказал Каойлт.

Не сказав больше ни слова, он поставил подсвечник на пол и вышел из зала.

Он отсутствовал все лето и начало осени. Королевские гонимые докладывали о том, что он направился на север и двигался вдоль морского побережья, к большим озерам; о том, что его видели в горах и в лесных долинах; о том, как он бесстрашно спускался в глубокие пропасти и заходил в пещеры. И, наконец, пришло известие о том, что он возвращается в Тару, в замок Верховного Короля. Вдоль пяти главных дорог, ведущих к белокаменным стенам крепости, были поставлены часовые. Они первыми увидели процессию Каойлта — и едва смогли удержаться от смеха.

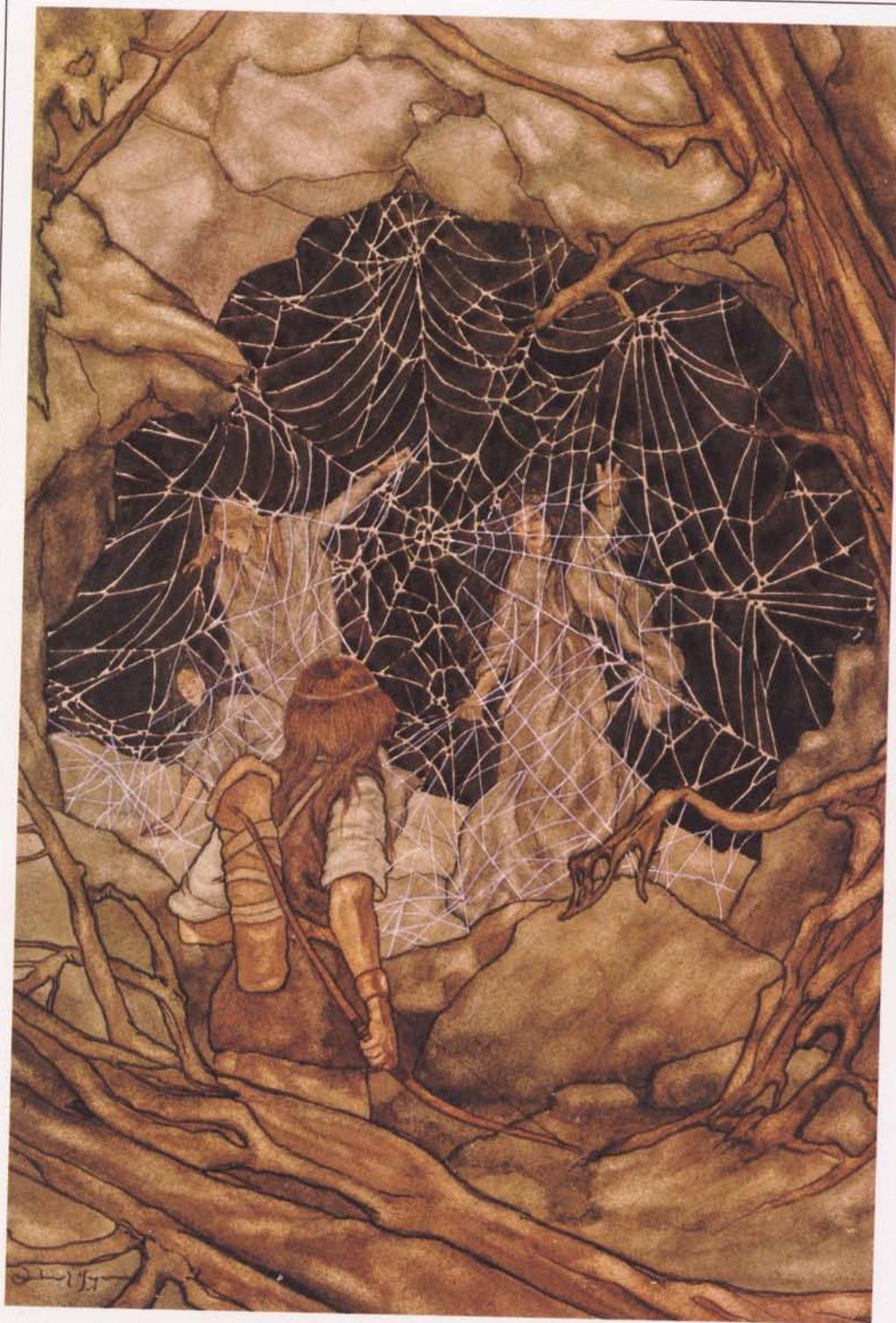
Когда Каойлта увидели из крепости, всем стало ясно, почему смеялись часовые. По мощной камнями дороге шагал воин — высокий, худой, с седыми, как зимнее море, волосами. А позади него бежала рысью и шла вразвалку, прыгала и летела, пронзительно кричала и пела, рычала и хрюкала многочисленная компания, направляясь прямо в Тару. Возле ног Каойлта, весело сверкая глазами, бежали две выдры, позади них прыгали зайцы, временами бросаясь в сторону, но тут же возвращаясь на зов воина. Была здесь и пара камышовых котов, и пара барсуков, то и дело припадав-

Для освобождения Финна Мак Кумала Верховный Король
предложил привести в свой замок по паре каждого вида птиц
и зверей, обитающих в Ирландии. Воин Каойлт выполнил это условие.

Дмитрий

Однажды Финн Мак Кумал и его воины рискнули вернуться на заколдованную территорию и попали в ловушку: они запутались в паутине, сплетенной тремя пещерными ведьмами. Один из них избежал сетей и спас товарищей по оружию.

ших к земле. В авангарде процессии шли волки, на флангах беспокоились пугливые олени, в тылу беспорядочно теснились овцы и свиньи. На руках у Каойлта две дикие утки хлопали крыльями, а над его головой вились всевозможные птицы, какие только водятся в Ирландии: совы и лебеди, чайки и дрозды, вороны и соловьи, шеглы и ласточки, каменки, бакланы, чибисы...

И вся эта разномастная, беспорядочная ватага прошла по улицам тары и направилась прямо в замок, производя неимоверный шум.

Король стоял в зале рядом с Финном. Он был изумлен, но это зрелище его тоже рассмешило.

— Вот тебе и Каойлт, — только и произнес он.

— Взгляните на этих животных, милорд, и освободите моего господина. Я выполнил ваше поручение.

— Он свободен.

— Ступайте на волю! —скомандовал Каойлт и отпустил диких уток, которые тут же взлетели с тревожным криканьем. Остальные птицы заметались среди стен, животные устремились к дверям — рысью, галопом, прыжками. Зал мгновенно опустел. Остались только лужи, кучи нечистот, клочья шерсти и выпавшие перья. А со двора доносились крики и визг придворных, разбегавшихся при виде мчащихся диких животных.

Как Каойлту удалось пройти это испытание, никто не знал, да и сам он ничего не говорил об этом, заметив лишь, что это его немного утомило. Эту историю любили рассказывать в замке Финна, чтобы потешить людей в долгие зимние вечера, когда за окнами завывал холодный ветер.

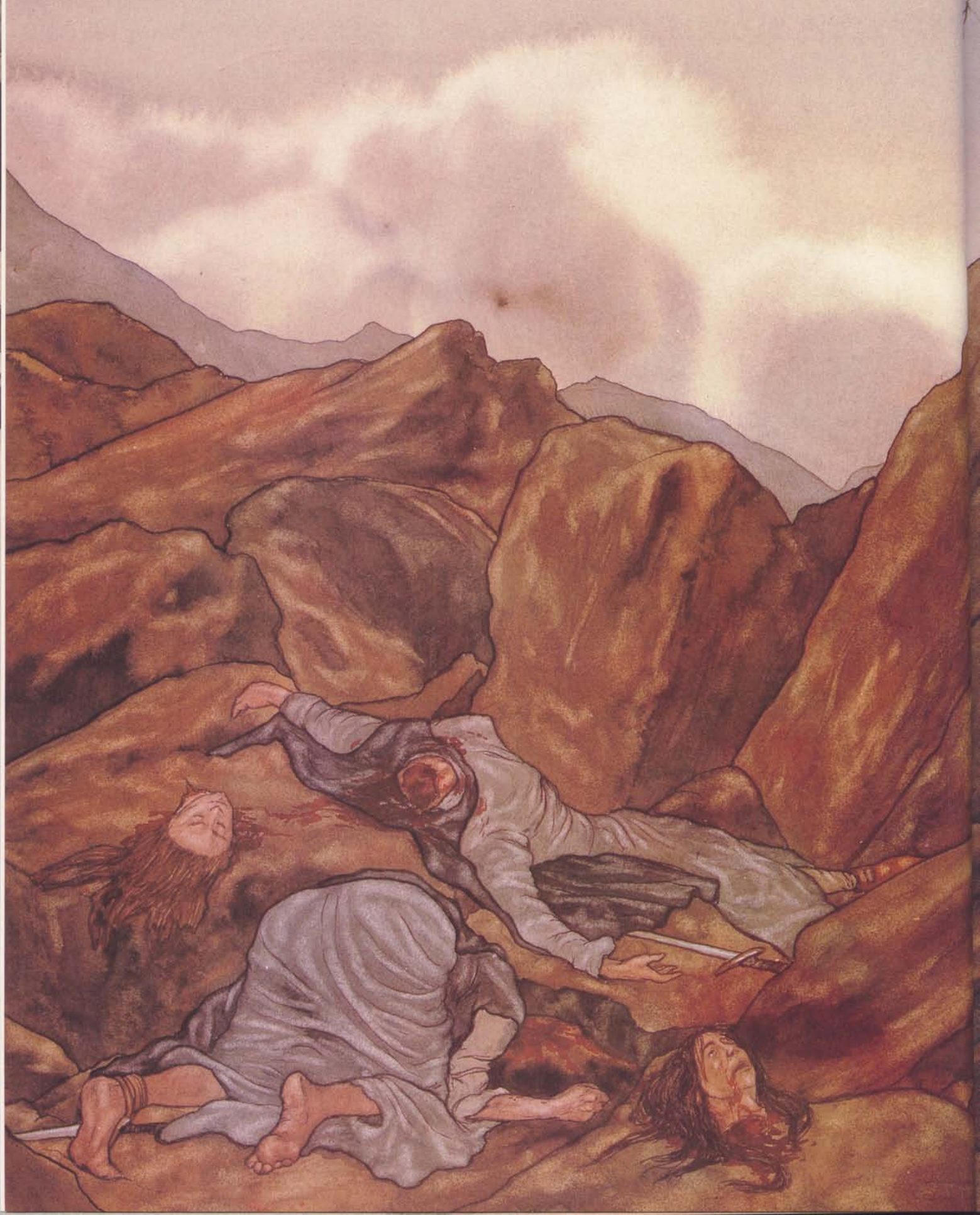
Большинство же происшествий в

Фианне были более мрачными, чем история с Каойлтом. В те времена колдовская сила, называемая Потусторонним миром, обитала в королевстве под зелеными холмами Ирландии или на дне холодных морей, омывающих ее берега. Эти злые создания, возможно оборотни, пристально следили за ирландцами. Некоторые из них вели себя странно, время от времени вступая в контакты с Фианной. Некоторые из них любили смертных мужчин: жена Финна и мать его сына Ойзина была дочерью Потустороннего мира. Воин Даймьюид любил колдунью. Жена Каойлта тоже принадлежала к древнейшей расе. Но чаще всего колдовской народец был настроен враждебно по отношению к людям: в любой момент человек мог попасть в ловушку и распрощаться с белым светом, навеки погрузившись во тьму.

Подобный случай произошел однажды на горе, называемой Сискорен и расположенной на равнине Мэг Чонэлл, что в графстве Коннект. В один из летних дней Финн отправился на охоту. Летописец отмечает, что охотников и собак было так много, что они нарушили покой в природе: олени ушли с пастбищ, барсуки и лисы покинули норы и разбежались, птицы поднялись в воздух.

Были потревожены и другие существа. Заехав в лес, Финн и его люди спешили, чтобы напиться из ручья. Заметив в тени деревьев какое-то движение, Финн пошел посмотреть, что там такое. Странное видение открылось ему. Скала раз-

Сражаясь в одиночку, Толл из Коннекта встретился лицом к лицу
с колдовской силой и оправдал свое славное прозвище «Пламя битвы».

верзлась, светящийся вход пещеры был опутан, словно паутиной, грубой пряжей. У входа сидели три сгорбленные фигуры — старухи с пепельно-серыми лицами и растрепанными волосами. Глаза их были красны и, казалось, слепы, в уголках дряблых губ скопилась слюна. Они не обратили на Финна никакого внимания, занятые прядением — в руках каждой было веретено размером не больше маленького листика.

Финн вернулся и собрал своих людей. Вся компания двинулась к пещере, чтобы поприветствовать ведьм и посмотреть на их работу.

— Мир вам, матушки, — сказал Финн.

Но старухи лишь покачали головами и пробормотали что-то, продолжая прядь. Финн протянул руку к пряже, загораживающей вход в пещеру. Как только он прикоснулся к ней, с ним произошла внезапная перемена. Его сильное тело задрожало, он побледнел, упал на грязную землю, сморщился и зашелся в плаче, как дитя в колыбели. Один за другим, словно их что-то подталкивало, его воины последовали за ним, прикоснулись к ведьминой пряже и рухнули на землю. Каойлт был среди них, и Даймьюид, и сын Финна Ойзин.

Только не было Голла, одноглазого воина, правой руки Финна. Он задержался на равнине и прибыл лишь час спустя, привлеченный неистовым лаем собак.

Странную картину увидел он. Перед входом в пещеру бесновались и лаяли псы, а внутри лежали закутанные в коконы из пряжи воины: его предводитель со своими товарищами. Они лежали словно мертвые. Вокруг них танцевали, что-то бормоча и шепча, три черные фигуры, воору-

женные огромными мечами. И когда Голл крикнул, они обернулись, но тут же с воинственными криками бросились к нему, увеличиваясь по мере приближения в размерах.

Голл, носивший прозвище «Пламя битвы», не растерялся. Он метнул охотничьи копыя, а затем выхватил меч. Ведьмы с хрюканьем окружили его. Он старался держать всех в поле зрения своего единственного глаза. Двое из них были справа от него, и пока они не исчезли из поля зрения, Голл взмахнул мечом и отсек голову одной, а потом и другой ведьме. Обезглавленные тела упали на землю, обагрив ее темной кровью и дергаясь в конвульсиях. У Голла не было времени разглядывать их. Кто-то набросился на него сзади, невидимые руки и ноги обвивались вокруг него, слышалось мерзкое бормотание.

Замахнувшись мечом, он ухватился за вцепившиеся в него руки, но не смог оторвать их. Пошатываясь, он выбрался из пещеры, направился к деревьям и ударил свою ношу о ствол дерева. Мерзкие руки продолжали цепляться за него. Тогда Голл свалился на спину. Придавленная его тяжестью, ведьма ослабила, наконец, хватку. Голл встал, схватил ее за волосы и потащил к пещере. С помощью кожаных ремней, прикрепленных к шиту, он связал ее, швырнул наземь недалеко от ее обезглавленных сестер и занес над ней меч.

— О, пощади меня, победитель, самый сильный, никогда не бегущий с поля битвы воин, — захныкала она.

Голл недоверчиво глянул на нее.

— Я отдаю свою жизнь в твою

распоряжение. Клянусь святыми моего народа, что верну Финна и воинов Фианны в целости и сохранности, если ты оставишь меня в живых.

— Сначала освободи их, — сказал Голл.

Она принялась бормотать слова, смысла которых он не понимал. И пока она бормотала, паутина, опутывающая Финна и остальных воинов, исчезла, пленники поднялись с земли. Голл позвал своих товарищей и разрезал ремни, которыми была связана ведьма. Не говоря ни слова, она заковыляла туда, где лежали тела ее сестер. Обезглавленные тела встали на четвереньки и поползли за ней, следом покатались окровавленные головы, и три ведьмы исчезли в темноте.

Летописцы спорили об этих ведьмах. Одни говорили, что они солдаты Потустороннего мира, владевшие этими местами и покинувшие их после прихода охотников. Другие говорили, что это была Морриган, древняя богиня войны и смерти, которая время от времени появляется то в виде трех ведьм, то в виде трех красавиц, то в виде черных воронов. Морриган питалась человеческой кровью, и в те дни, когда ее власть была безгранична, она пользовалась всяким удобным случаем, чтобы утащить человека ночью, как вор.

Кто бы ни были эти ведьмы, Голл уничтожил эту нечисть и спас своего предводителя и товарищей. И пока они вместе были в Фианне, они побеждали злые силы.

Но, к сожалению, в Фианне не всегда царило единство, и враги ее не всегда бывали из Потустороннего мира. Часто братству угрожали внутренние раздоры. Будучи прирожденными воинами, его члены то и дело ссорились. Даймьюид и Финн стали

врагами из-за женщины, и Даймьюид был убит по приказу Финна. Голл повздорил с одним из сыновей Финна и убил его; узнав затем, что Финн жаждет отомстить ему, воин, приговорив себя к смерти, бросился со скалы в море. Ойзин исчез в потустороннем мире, движимый любовью к прекрасной женщине, и Финн больше никогда не видел своего сына.

И, наконец, остатки Фианны — сборище усталых и обнищавших людей — попытались отнять власть у Верховного Короля. Объединившись с войском одного из ирландских королей, они подняли восстание, но были разгромлены армией Верховного Короля. Оставшиеся в живых доживали свой век дома.

Воины умирали один за другим, пока в живых не остался один лишь Каойлт, который и поведал миру о Финне Мак Кумале и днях его славы. Говорят, что на старости лет, одинокий и больной, лишившись сыновей и товарищей по оружию, Каойлт оставил этот мир и отправился в Потусторонний мир.

Никто не знает, правда ли это. Но человек, ставший Верховным Королем Ирландии несколько веков спустя после распада Фианны, рассказывал, как был остановлен однажды в дремучем лесу безлунной ночью. Высокий худой седовласый человек внезапно появился из тьмы и остановил королевского коня.

— Я — свеченосец Короля, — сказал дух и улыбнулся, — когда-то я был рядом с Финном...

И сказав это, он исчез. То был последний из братства, сохранивший память о былом.

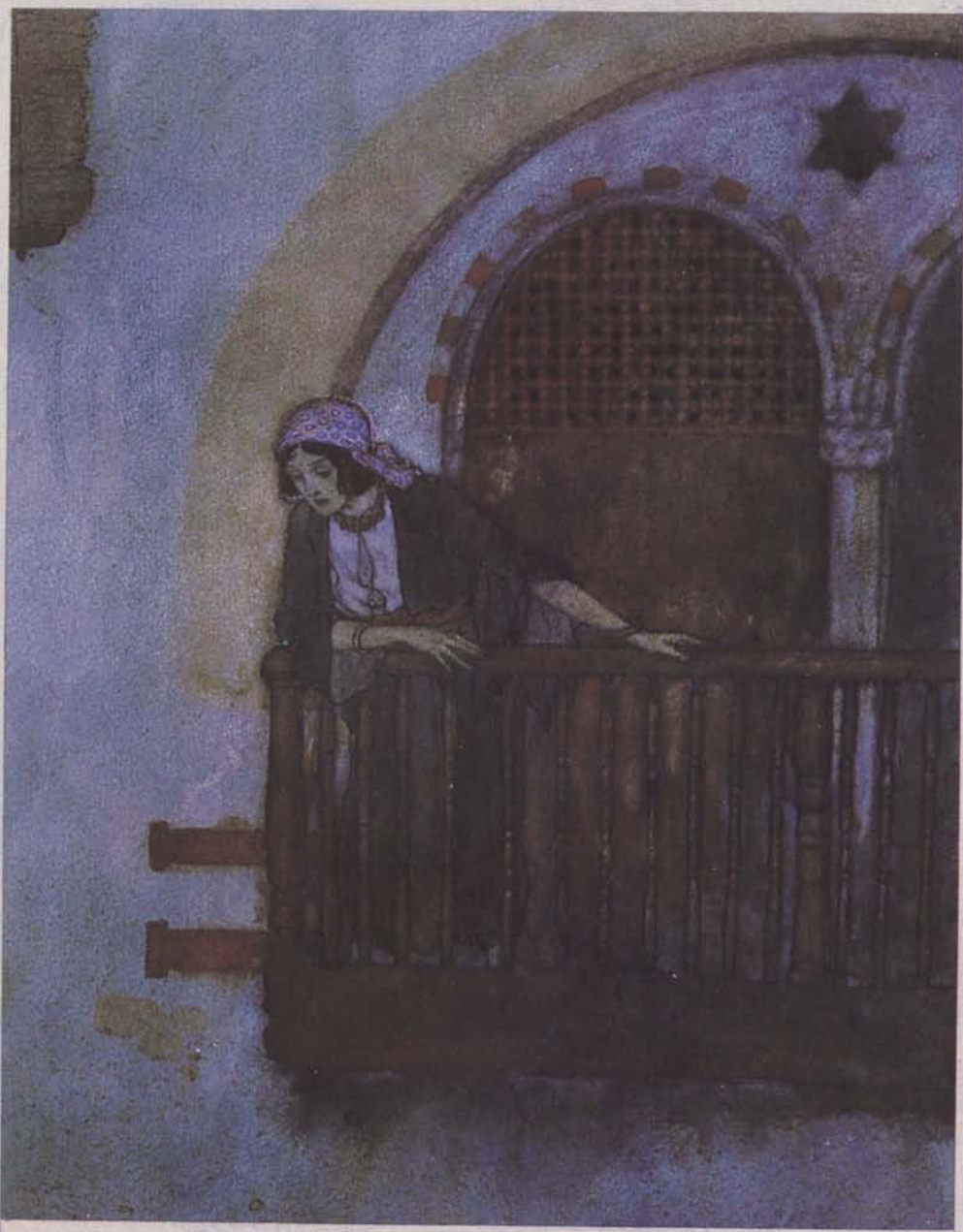

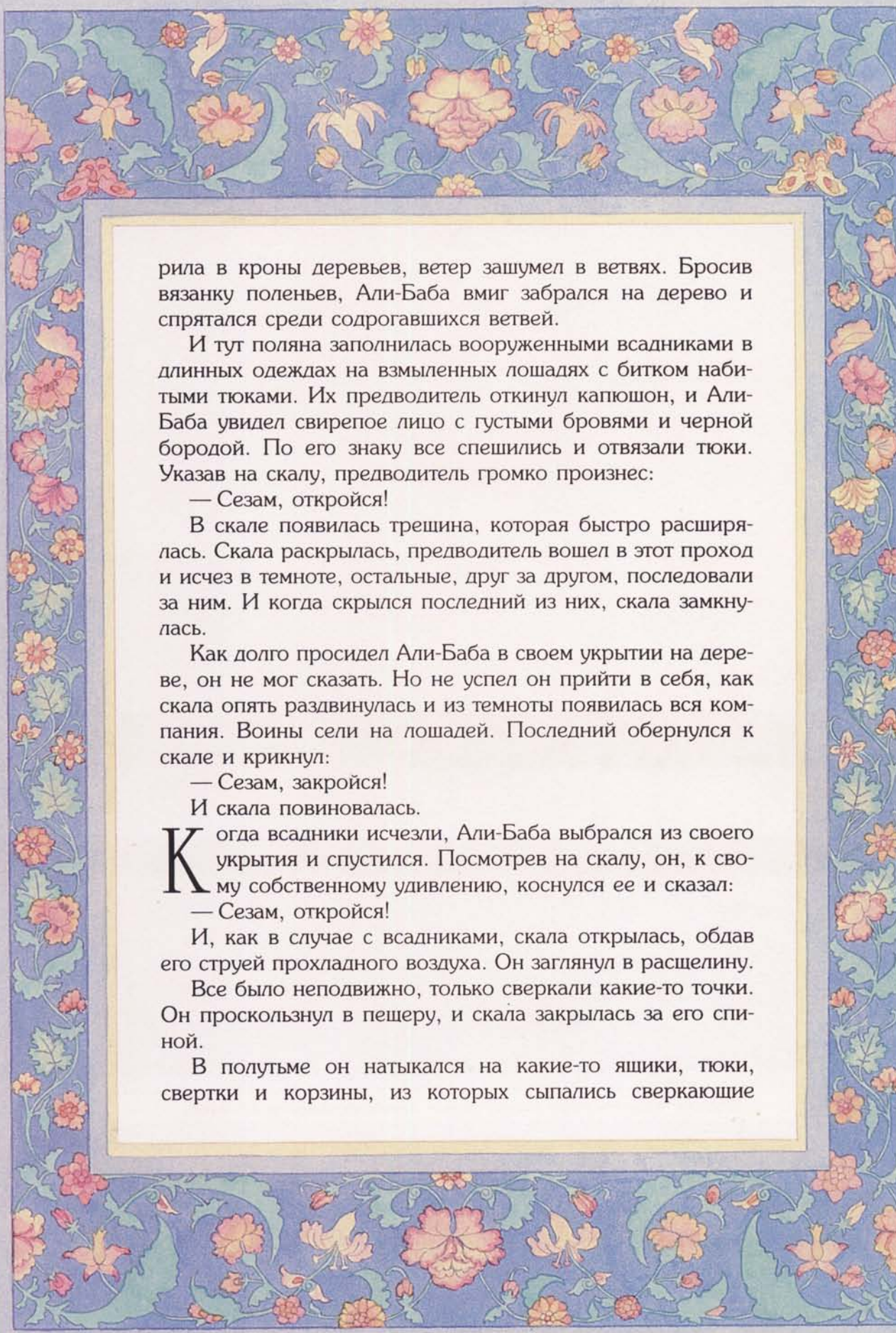
Недремлющее око Рабыни

Издавна у людей было мало оружия для защиты от всемогущего дьявола, но нередко самым мощным оружием становились ясный ум, осмотрительность и преданность. В одной из персидских сказок говорится о человеке по имени Али-Баба, который жил в горах Эльбурз и добывал себе пропитание тем, что рубил лес в окрестностях своей деревни. У него был брат по имени Касим, купец, который выгодно женился и обзавелся домом с множеством комнат. Впрочем, ни бедный брат, ни богатый не являются истинными героями этой сказки. Эта роль по праву принадлежит одной из рабынь Касима по имени Марджана. Она была проницательной и сообразительной девушкой, одержимой стремлением угодить хозяину.

История эта началась в дубовом лесу, в нескольких часах езды от деревни. Люди редко заходили в этот дремучий лес. Одни говорили, что это логово волчьих каркаданов — местных единорогов. Тем не менее Али-Баба однажды отправился туда на своем тощем муле, привязал животное к дереву и принялся за работу. Он чувствовал опасность, то и дело нервно оглядывался по сторонам при малейшем шелесте листвы или треске упавшей ветки. Но у него не было повода для тревоги до тех пор, пока он не вышел на поляну, где деревья подходили вплотную к скале. Земля вдруг задрожала у него под ногами, молния уда-

Преданная Марджана, рабыня Хасима, неусыпно охраняла своего хозяина и Али-Бабу.

рила в кроны деревьев, ветер зашумел в ветвях. Бросив вязанку поленьев, Али-Баба вмиг забрался на дерево и спрятался среди содрогавшихся ветвей.

И тут поляна заполнилась вооруженными всадниками в длинных одеждах на взмыленных лошадях с битком набитыми тюками. Их предводитель откинул капюшон, и Али-Баба увидел свирепое лицо с густыми бровями и черной бородой. По его знаку все спешили и отвязали тюки. Указав на скалу, предводитель громко произнес:

— Сезам, откройся!

В скале появилась трещина, которая быстро расширялась. Скала раскрылась, предводитель вошел в этот проход и исчез в темноте, остальные, друг за другом, последовали за ним. И когда скрылся последний из них, скала замкнулась.

Как долго просидел Али-Баба в своем укрытии на дереве, он не мог сказать. Но не успел он прийти в себя, как скала опять раздвинулась и из темноты появилась вся компания. Воины сели на лошадей. Последний обернулся к скале и крикнул:

— Сезам, закройся!

И скала повиновалась.

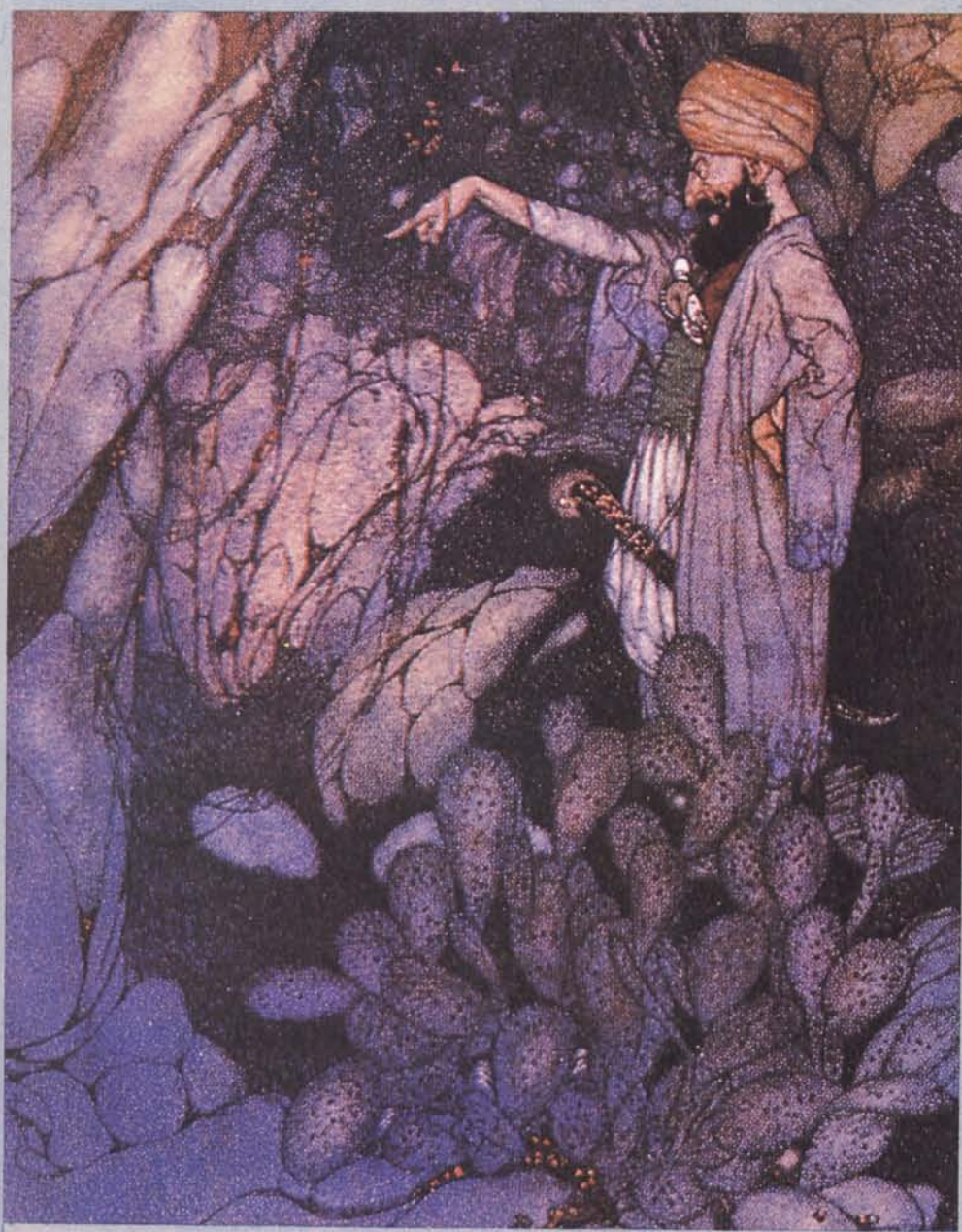
Когда всадники исчезли, Али-Баба выбрался из своего укрытия и спустился. Посмотрев на скалу, он, к своему собственному удивлению, коснулся ее и сказал:

— Сезам, откройся!

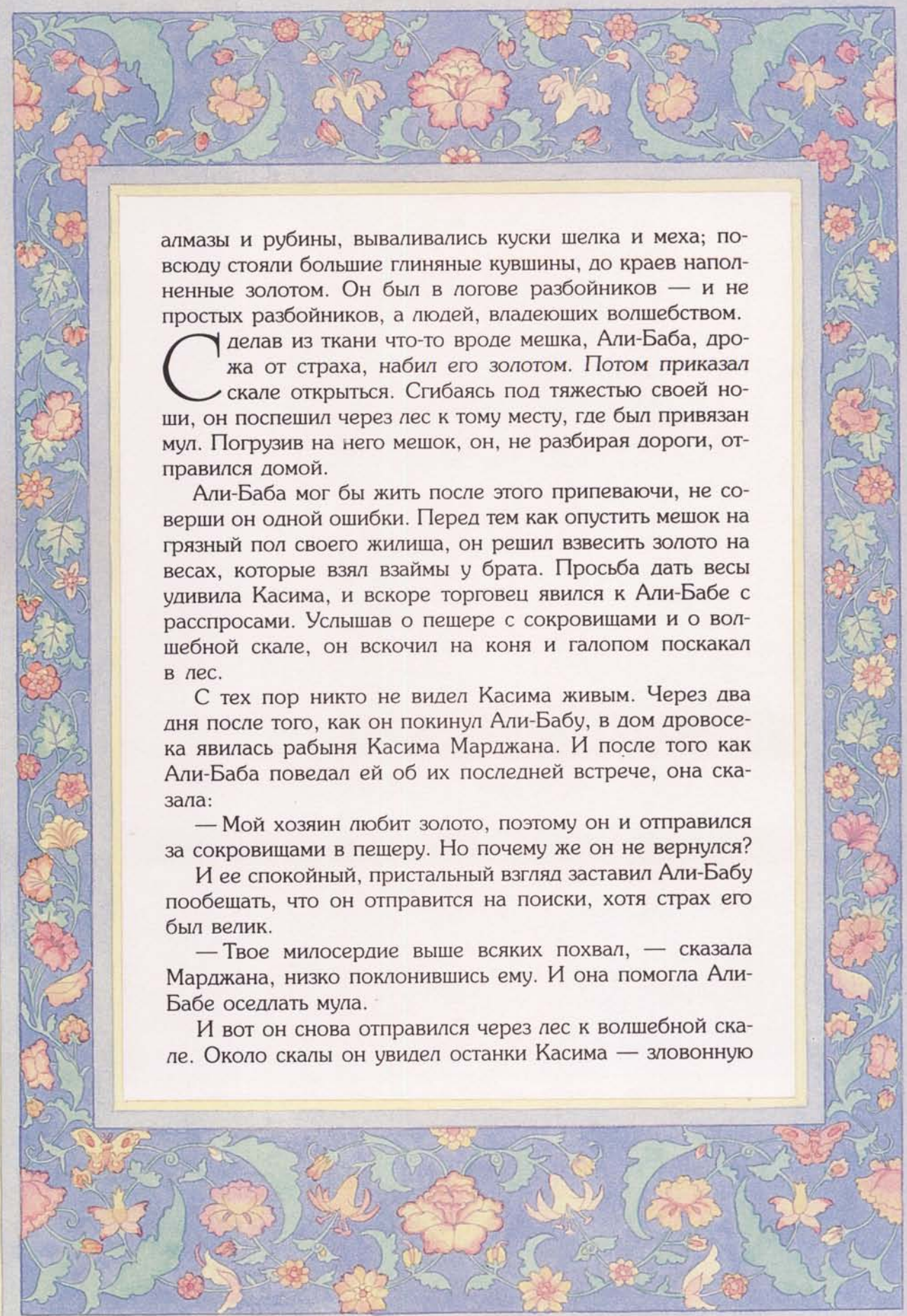
И, как в случае с всадниками, скала открылась, обдав его струей прохладного воздуха. Он заглянул в расщелину.

Все было неподвижно, только сверкали какие-то точки. Он проскользнул в пещеру, и скала закрылась за его спиной.

В полутьме он натыкался на какие-то ящики, тюки, свертки и корзины, из которых сыпались сверкающие

Али-Баба видел, как главарь разбойников открывал дверь с помощью заклинания.

алмазы и рубины, вываливались куски шелка и меха; повсюду стояли большие глиняные кувшины, до краев наполненные золотом. Он был в логове разбойников — и не простых разбойников, а людей, владеющих волшебством.

Сделав из ткани что-то вроде мешка, Али-Баба, дрожа от страха, набил его золотом. Потом приказал скале открыться. Сгибаясь под тяжестью своей ноши, он поспешил через лес к тому месту, где был привязан мул. Погрузив на него мешок, он, не разбирая дороги, отправился домой.

Али-Баба мог бы жить после этого припеваючи, не соверши он одной ошибки. Перед тем как опустить мешок на грязный пол своего жилища, он решил взвесить золото на весах, которые взял взаймы у брата. Просьба дать весы удивила Касима, и вскоре торговец явился к Али-Бабе с расспросами. Услышав о пещере с сокровищами и о волшебной скале, он вскочил на коня и галопом поскакал в лес.

С тех пор никто не видел Касима живым. Через два дня после того, как он покинул Али-Бабу, в дом дровосека явилась рабыня Касима Марджана. И после того как Али-Баба поведал ей об их последней встрече, она сказала:

— Мой хозяин любит золото, поэтому он и отправился за сокровищами в пещеру. Но почему же он не вернулся?

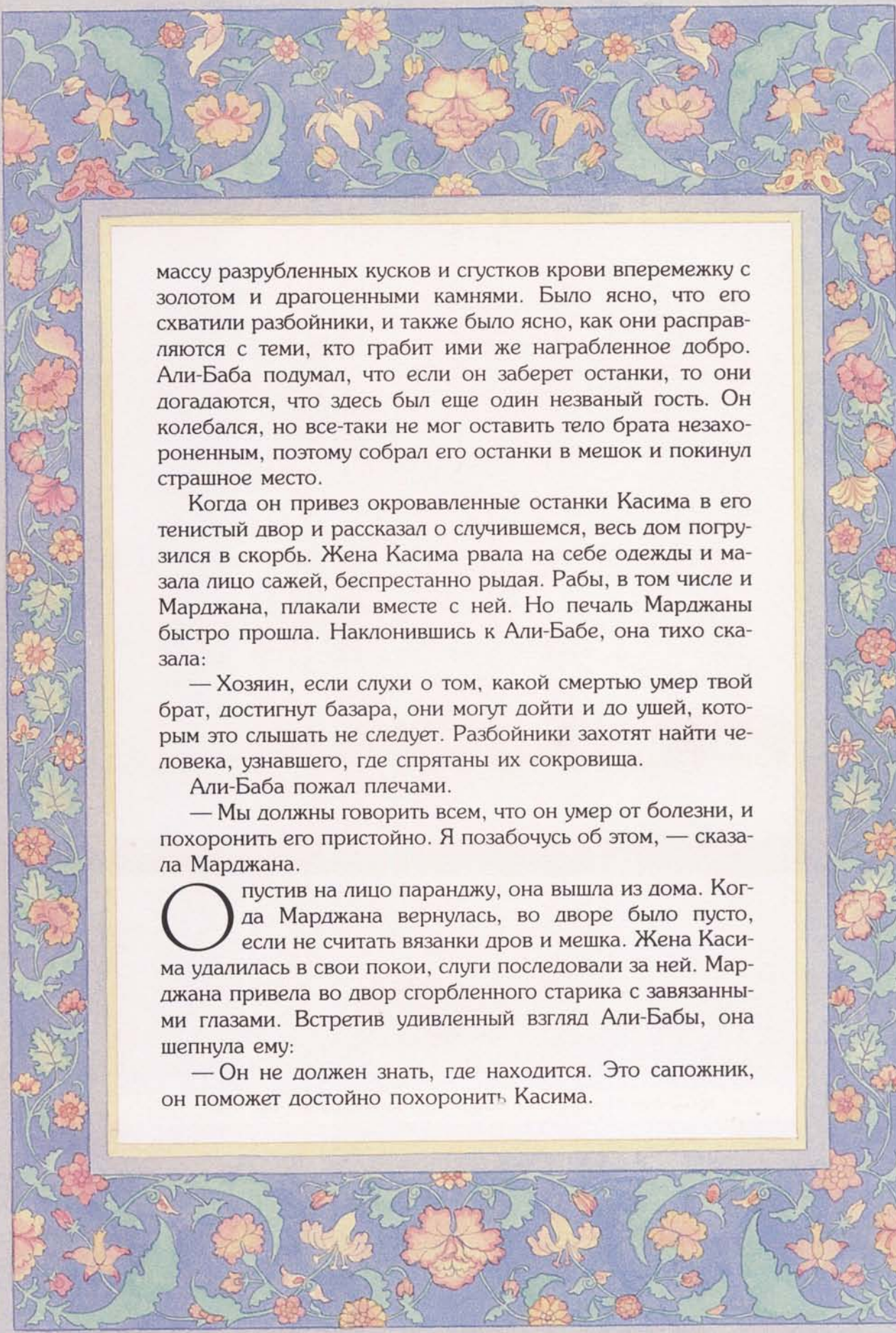
И ее спокойный, пристальный взгляд заставил Али-Бабу пообещать, что он отправится на поиски, хотя страх его был велик.

— Твое милосердие выше всяких похвал, — сказала Марджана, низко поклонившись ему. И она помогла Али-Бабе оседлать мула.

И вот он снова отправился через лес к волшебной скале. Около скалы он увидел останки Касима — зловонную

Хасим, брат Али-Бабы, нашел в пещере сокровища разбойников и там погиб.

массу разрубленных кусков и сгустков крови вперемежку с золотом и драгоценными камнями. Было ясно, что его схватили разбойники, и также было ясно, как они расправляются с теми, кто грабит ими же награбленное добро. Али-Баба подумал, что если он заберет останки, то они догадаются, что здесь был еще один незванный гость. Он колебался, но все-таки не мог оставить тело брата незахороненным, поэтому собрал его останки в мешок и покинул страшное место.

Когда он привез окровавленные останки Касима в его тенистый двор и рассказал о случившемся, весь дом погрузился в скорбь. Жена Касима рвала на себе одежды и мазала лицо сажей, беспрестанно рыдая. Рабы, в том числе и Марджана, плакали вместе с ней. Но печаль Марджаны быстро прошла. Наклонившись к Али-Бабе, она тихо сказала:

— Хозяин, если слухи о том, какой смертью умер твой брат, достигнут базара, они могут дойти и до ушей, которым это слышать не следует. Разбойники захотят найти человека, узнавшего, где спрятаны их сокровища.

Али-Баба пожал плечами.

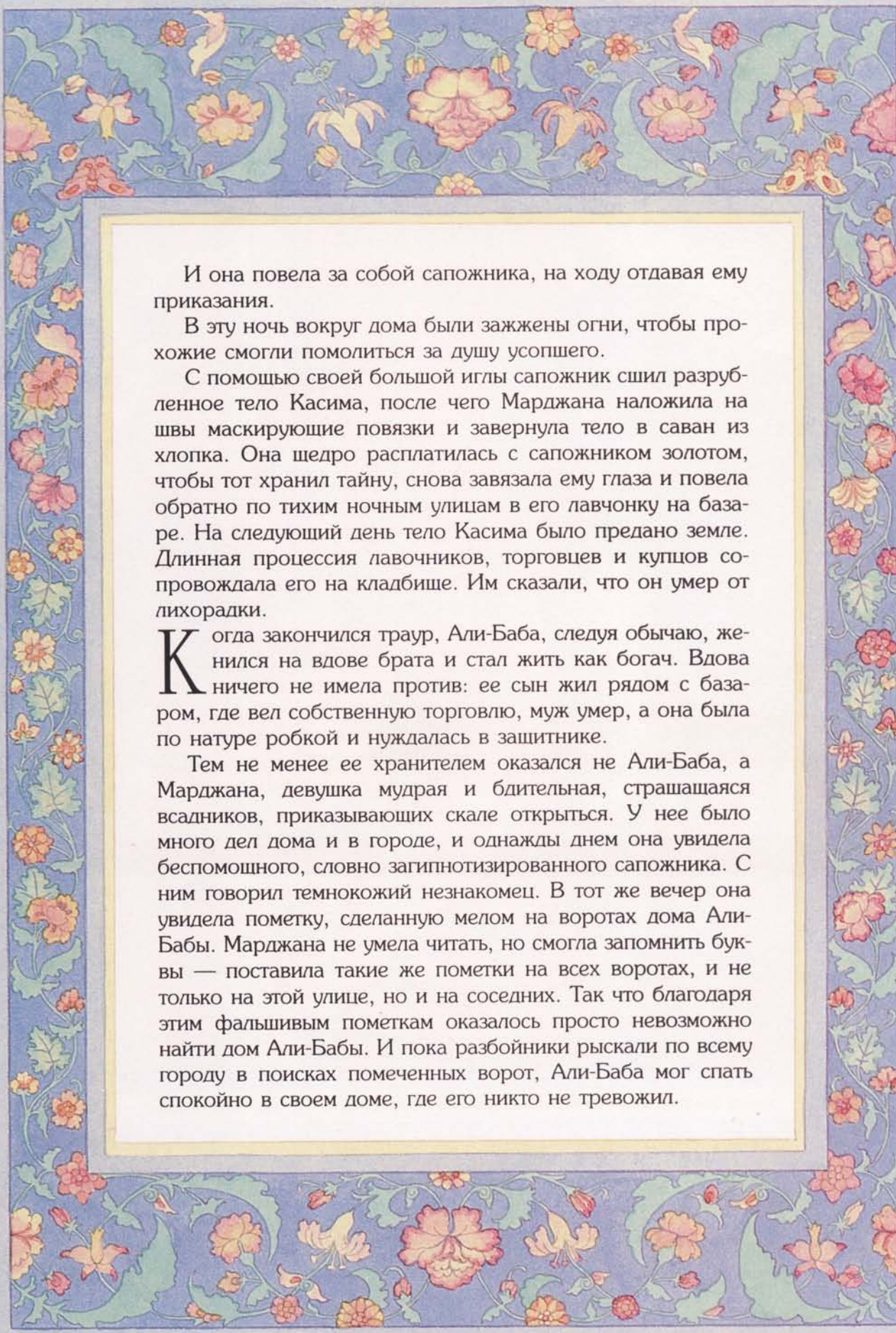
— Мы должны говорить всем, что он умер от болезни, и похоронить его пристойно. Я позабочусь об этом, — сказала Марджана.

Опустив на лицо паранджу, она вышла из дома. Когда Марджана вернулась, во дворе было пусто, если не считать вязанки дров и мешка. Жена Касима удалилась в свои покои, слуги последовали за ней. Марджана привела во двор сгорбленного старика с завязанными глазами. Встретив удивленный взгляд Али-Бабы, она шепнула ему:

— Он не должен знать, где находится. Это сапожник, он поможет достойно похоронить Касима.

Спасая Али-Бабу, Марджана заплатила сапожнику за то, чтобы тот никому ничего не сказал.

И она повела за собой сапожника, на ходу отдавая ему приказания.

В эту ночь вокруг дома были зажжены огни, чтобы прохожие смогли помолиться за душу усопшего.

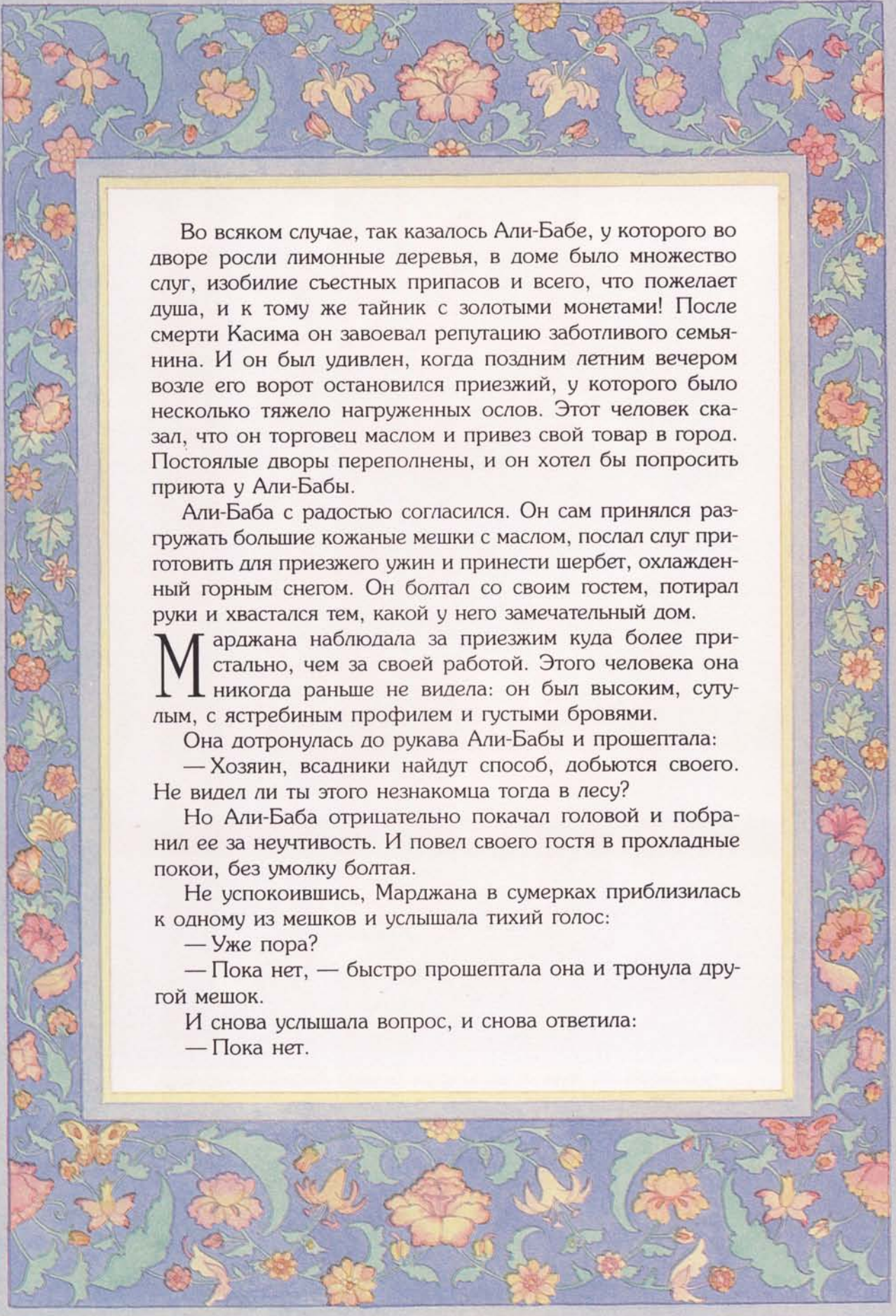
С помощью своей большой иглы сапожник сшил разрубленное тело Касима, после чего Марджана наложила на швы маскирующие повязки и завернула тело в саван из хлопка. Она щедро расплатилась с сапожником золотом, чтобы тот хранил тайну, снова завязала ему глаза и повела обратно по тихим ночным улицам в его лавчонку на базаре. На следующий день тело Касима было предано земле. Длинная процессия лавочников, торговцев и купцов сопровождала его на кладбище. Им сказали, что он умер от лихорадки.

Когда закончился траур, Али-Баба, следуя обычаю, женился на вдове брата и стал жить как богач. Вдова ничего не имела против: ее сын жил рядом с базаром, где вел собственную торговлю, муж умер, а она была по натуре робкой и нуждалась в защитнике.

Тем не менее ее хранителем оказался не Али-Баба, а Марджана, девушка мудрая и бдительная, страшась всадников, приказывающих скале открыться. У нее было много дел дома и в городе, и однажды днем она увидела беспомощного, словно загипнотизированного сапожника. С ним говорил темнокожий незнакомец. В тот же вечер она увидела пометку, сделанную мелом на воротах дома Али-Бабы. Марджана не умела читать, но смогла запомнить буквы — поставила такие же пометки на всех воротах, и не только на этой улице, но и на соседних. Так что благодаря этим фальшивым пометкам оказалось просто невозможно найти дом Али-Бабы. И пока разбойники рыскали по всему городу в поисках помеченных ворот, Али-Баба мог спать спокойно в своем доме, где его никто не тревожил.

Предусмотрительная Марджана вела по улицам сапожника с завязанными глазами.

Во всяком случае, так казалось Али-Бабе, у которого во дворе росли лимонные деревья, в доме было множество слуг, изобилие съестных припасов и всего, что пожелает душа, и к тому же тайник с золотыми монетами! После смерти Касима он завоевал репутацию заботливого семьянина. И он был удивлен, когда поздним летним вечером возле его ворот остановился приезжий, у которого было несколько тяжело нагруженных ослов. Этот человек сказал, что он торговец маслом и привез свой товар в город. Постоялые дворы переполнены, и он хотел бы попросить приюта у Али-Бабы.

Али-Баба с радостью согласился. Он сам принялся разгружать большие кожаные мешки с маслом, послал слуг приготовить для приезжего ужин и принести шербет, охлажденный горным снегом. Он болтал со своим гостем, потирал руки и хвастался тем, какой у него замечательный дом.

Марджана наблюдала за приезжим куда более пристально, чем за своей работой. Этого человека она никогда раньше не видела: он был высоким, сутулым, с ястребиным профилем и густыми бровями.

Она дотронулась до рукава Али-Бабы и прошептала:

— Хозяин, всадники найдут способ, добьются своего. Не видел ли ты этого незнакомца тогда в лесу?

Но Али-Баба отрицательно покачал головой и побранил ее за неучтивость. И повел своего гостя в прохладные покои, без умолку болтая.

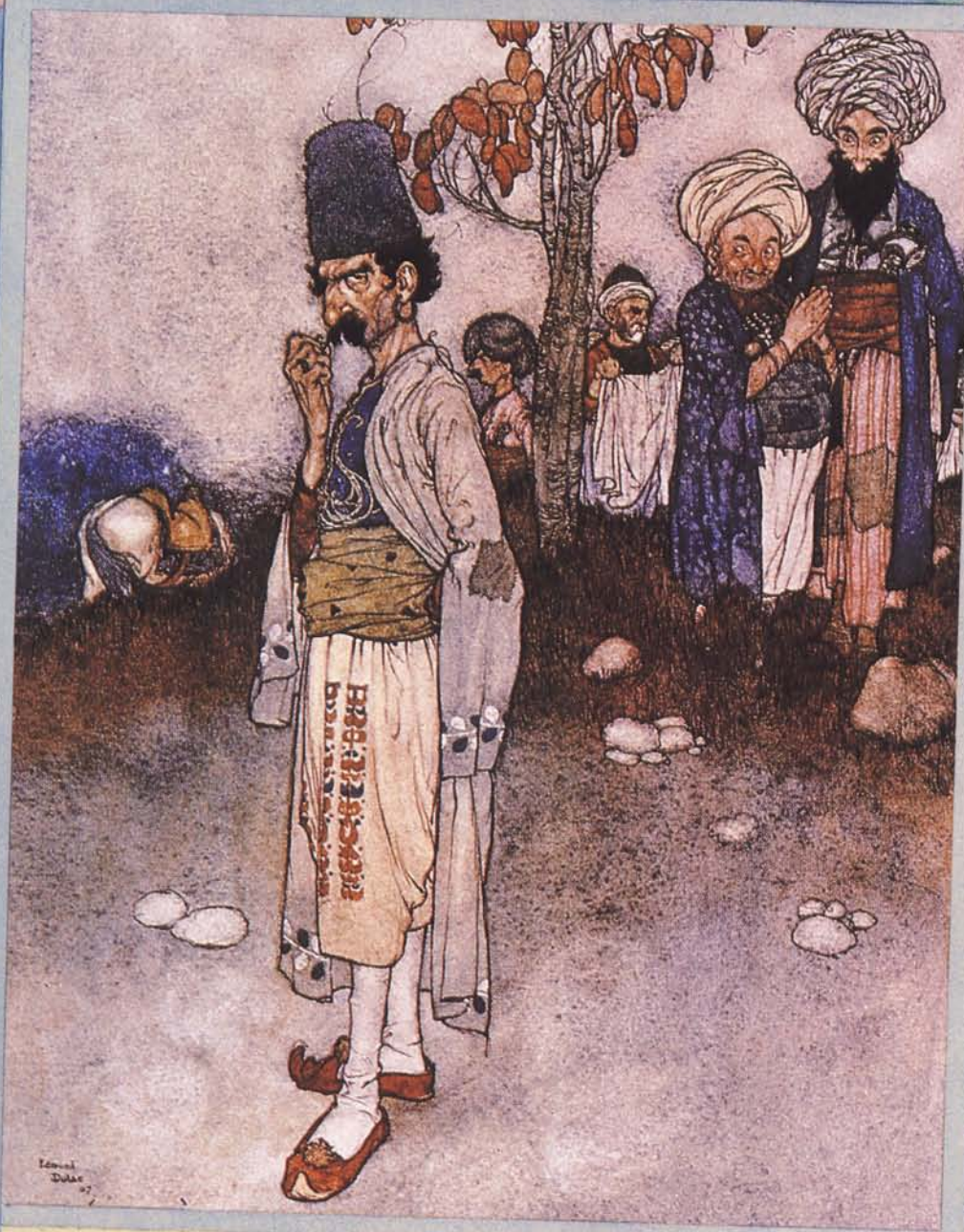
Не успокоившись, Марджана в сумерках приблизилась к одному из мешков и услышала тихий голос:

— Уже пора?

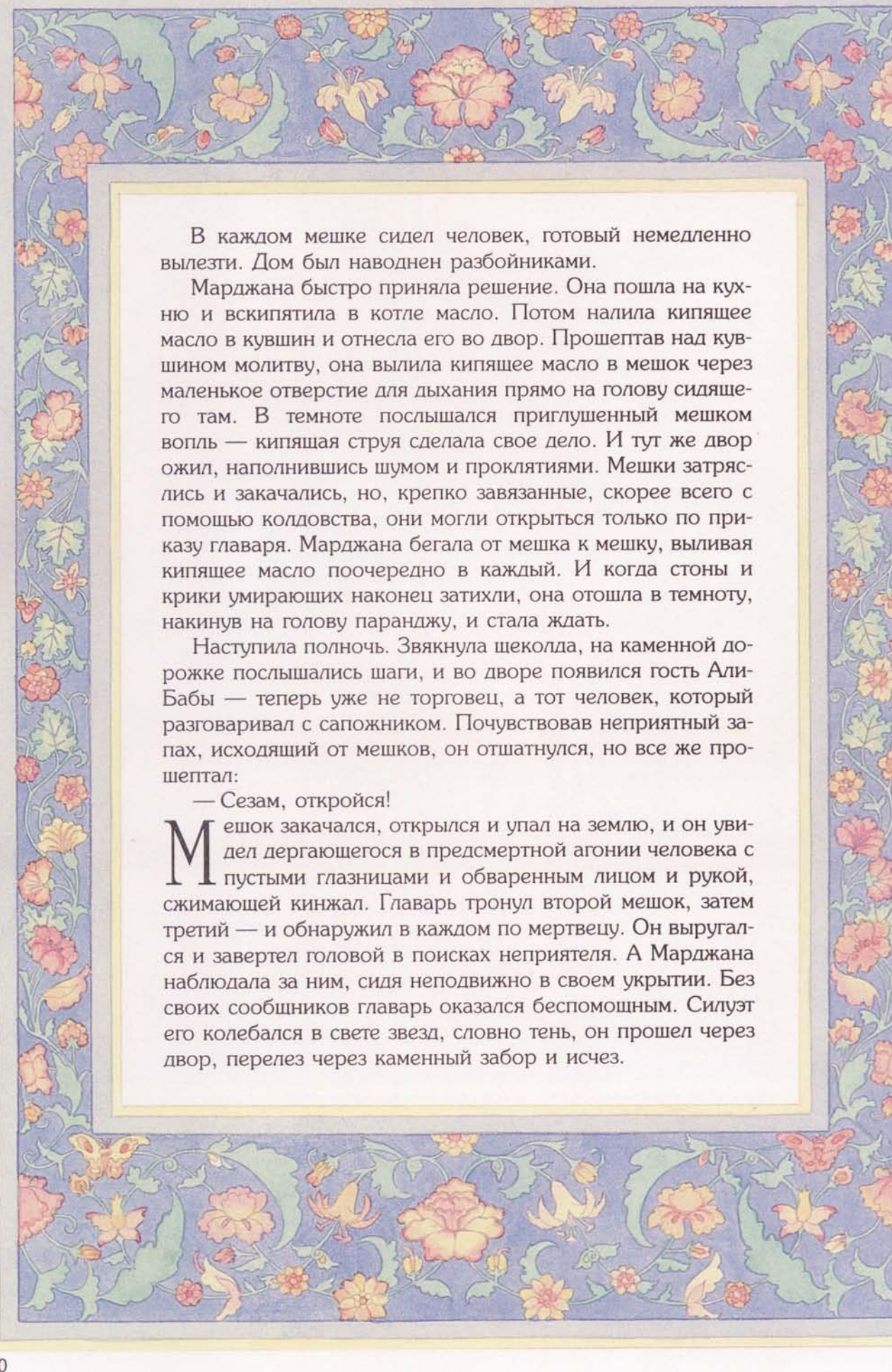
— Пока нет, — быстро прошептала она и тронула другой мешок.

И снова услышала вопрос, и снова ответила:

— Пока нет.

Лишившись части награбленных сокровищ и тела своей жертвы, главарь разбойников решил отомстить.

В каждом мешке сидел человек, готовый немедленно вылезти. Дом был наводнен разбойниками.

Марджана быстро приняла решение. Она пошла на кухню и вскипятила в котле масло. Потом налила кипящее масло в кувшин и отнесла его во двор. Прошептав над кувшином молитву, она вылила кипящее масло в мешок через маленькое отверстие для дыхания прямо на голову сидящего там. В темноте послышался приглушенный мешком вопль — кипящая струя сделала свое дело. И тут же двор ожил, наполнившись шумом и проклятиями. Мешки затряслись и закачались, но, крепко завязанные, скорее всего с помощью колдовства, они могли открыться только по приказу главаря. Марджана бегала от мешка к мешку, выливая кипящее масло поочередно в каждый. И когда стоны и крики умирающих наконец затихли, она отошла в темноту, накинув на голову паранджу, и стала ждать.

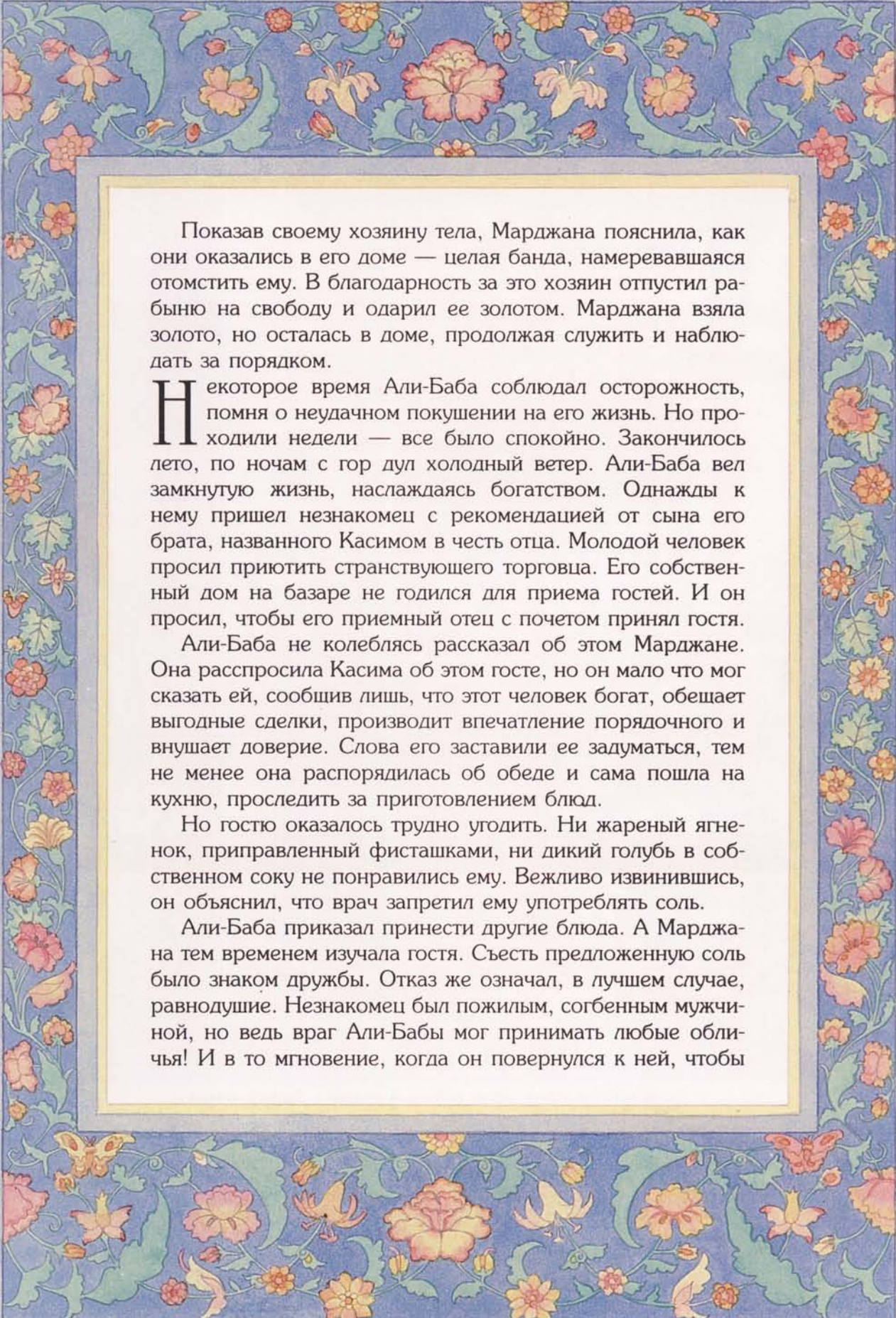
Наступила полночь. Звякнула шеколда, на каменной дорожке послышались шаги, и во дворе появился гость Али-Бабы — теперь уже не торговец, а тот человек, который разговаривал с сапожником. Почувствовав неприятный запах, исходящий от мешков, он отшатнулся, но все же прошептал:

— Сезам, откройся!

Мешок закачался, открылся и упал на землю, и он увидел дергающегося в предсмертной агонии человека с пустыми глазницами и обваренным лицом и рукой, сжимающей кинжал. Главарь тронул второй мешок, затем третий — и обнаружил в каждом по мертвецу. Он выругался и завертел головой в поисках неприятеля. А Марджана наблюдала за ним, сидя неподвижно в своем укрытии. Без своих сообщников главарь оказался беспомощным. Силуэт его колебался в свете звезд, словно тень, он прошел через двор, перелез через каменный забор и исчез.

В обличье торговца маслом главарь разбойников попросил у Али-Бабы приюта.

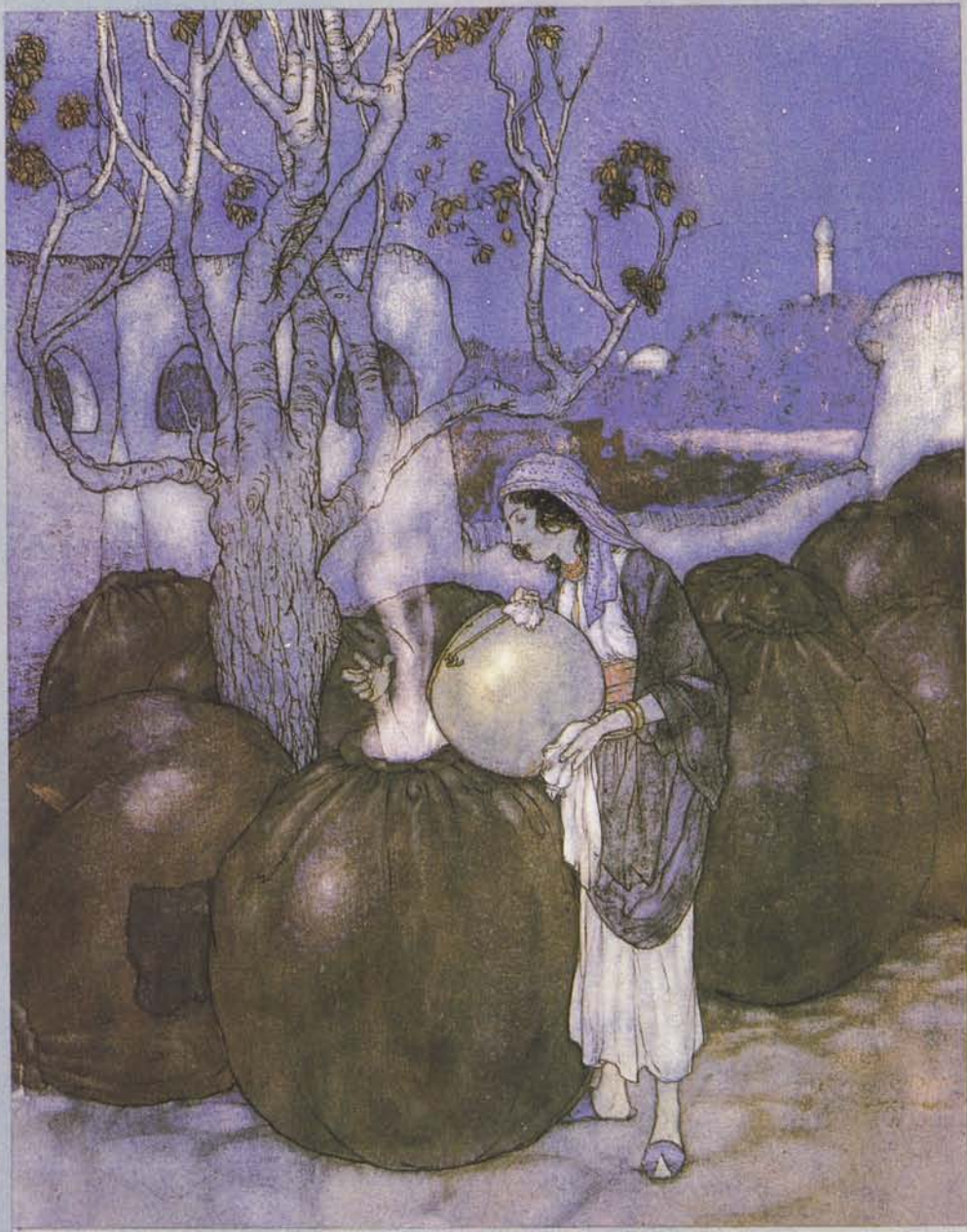
Показав своему хозяину тела, Марджана пояснила, как они оказались в его доме — целая банда, намеревавшаяся отомстить ему. В благодарность за это хозяин отпустил рабыню на свободу и одарил ее золотом. Марджана взяла золото, но осталась в доме, продолжая служить и наблюдать за порядком.

Некоторое время Али-Баба соблюдал осторожность, помня о неудачном покушении на его жизнь. Но проходили недели — все было спокойно. Закончилось лето, по ночам с гор дул холодный ветер. Али-Баба вел замкнутую жизнь, наслаждаясь богатством. Однажды к нему пришел незнакомец с рекомендацией от сына его брата, названного Касимом в честь отца. Молодой человек просил приютить странствующего торговца. Его собственный дом на базаре не годился для приема гостей. И он просил, чтобы его приемный отец с почетом принял гостя.

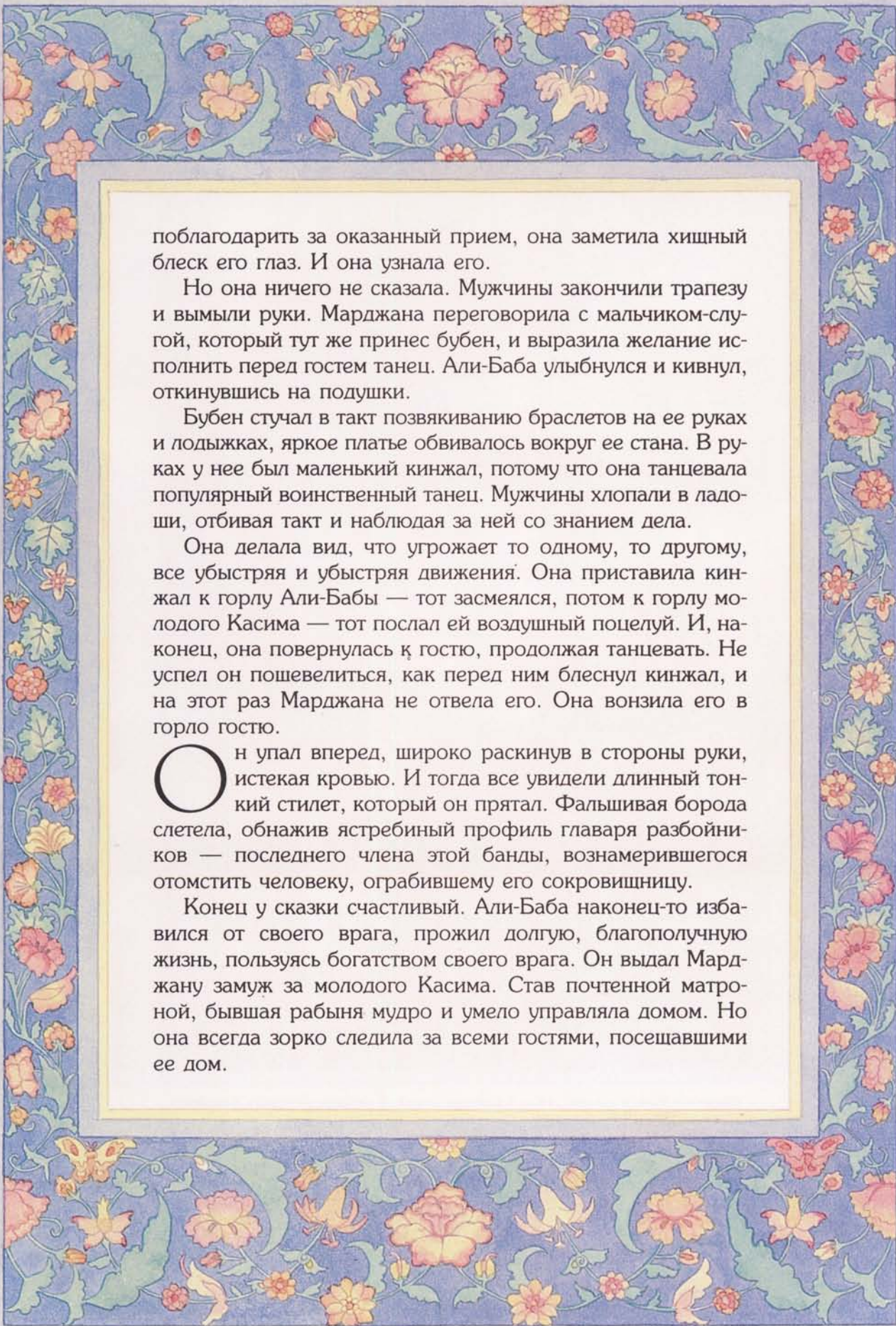
Али-Баба не колеблясь рассказал об этом Марджане. Она расспросила Касима об этом госте, но он мало что мог сказать ей, сообщив лишь, что этот человек богат, обещает выгодные сделки, производит впечатление порядочного и внушает доверие. Слова его заставили ее задуматься, тем не менее она распорядилась об обеде и сама пошла на кухню, проследить за приготовлением блюд.

Но гостю оказалось трудно угодить. Ни жареный ягненок, приправленный фисташками, ни дикий голубь в собственном соку не понравились ему. Вежливо извинившись, он объяснил, что врач запретил ему употреблять соль.

Али-Баба приказал принести другие блюда. А Марджана тем временем изучала гостя. Съесть предложенную соль было знаком дружбы. Отказ же означал, в лучшем случае, равнодушие. Незнакомец был пожилым, согбенным мужчиной, но ведь враг Али-Бабы мог принимать любые обличья! И в то мгновение, когда он повернулся к ней, чтобы

Марджана вылила кипящее масло в кожаные мешки, в которых прятались разбойники.

поблагодарить за оказанный прием, она заметила хищный блеск его глаз. И она узнала его.

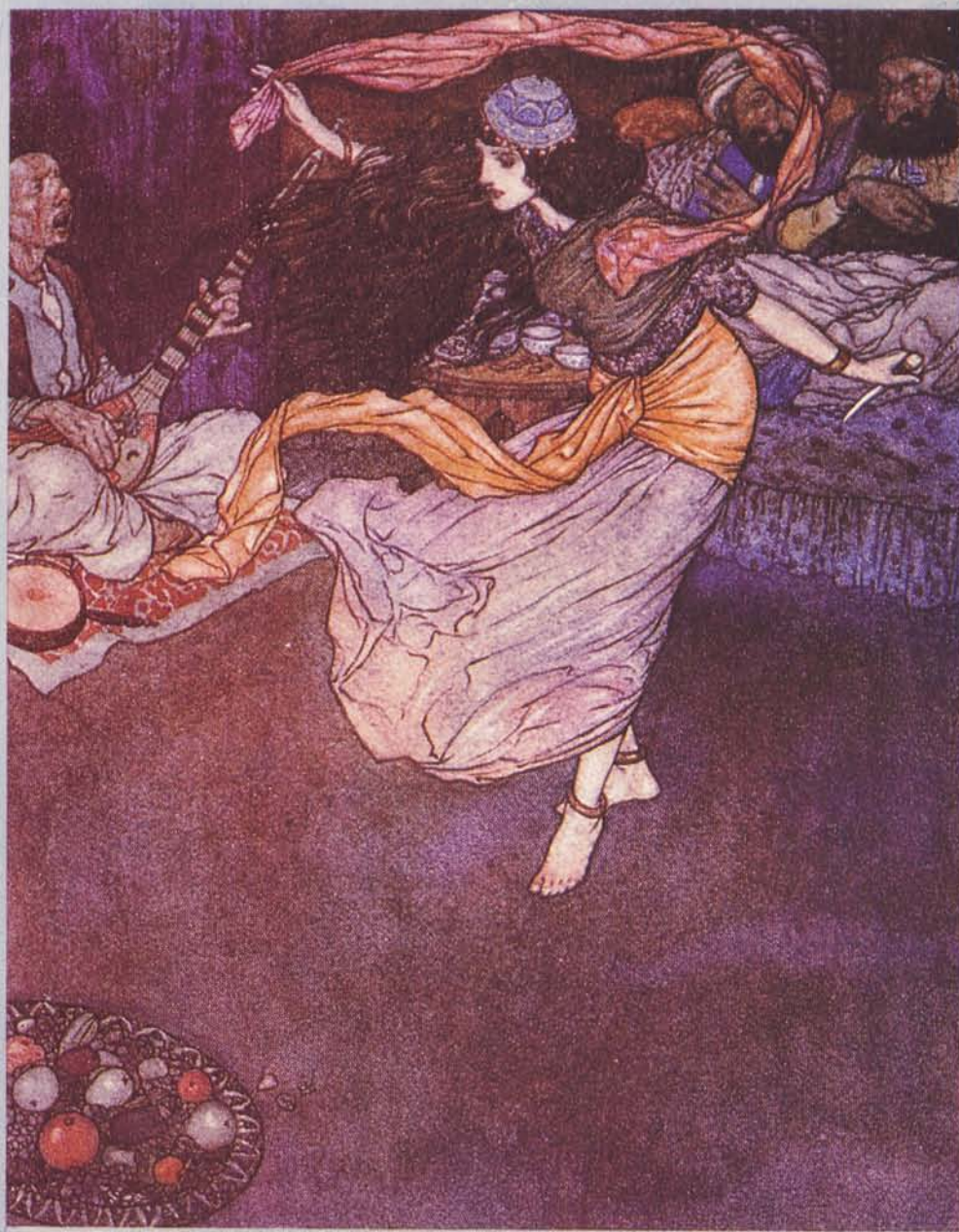
Но она ничего не сказала. Мужчины закончили трапезу и вымыли руки. Марджана переговорила с мальчиком-службой, который тут же принес бубен, и выразила желание исполнить перед гостем танец. Али-Баба улыбнулся и кивнул, откинувшись на подушки.

Бубен стучал в такт позвякиванию браслетов на ее руках и лодыжках, яркое платье обвивалось вокруг ее стана. В руках у нее был маленький кинжал, потому что она танцевала популярный воинственный танец. Мужчины хлопали в ладоши, отбивая такт и наблюдая за ней со знанием дела.

Она делала вид, что угрожает то одному, то другому, все убыстряя и убыстряя движения. Она приставила кинжал к горлу Али-Бабы — тот засмеялся, потом к горлу молодого Касима — тот послал ей воздушный поцелуй. И, наконец, она повернулась к гостю, продолжая танцевать. Не успел он пошевелиться, как перед ним блеснул кинжал, и на этот раз Марджана не отвела его. Она вонзила его в горло гостю.

Он упал вперед, широко раскинув в стороны руки, истекая кровью. И тогда все увидели длинный тонкий стилет, который он прятал. Фальшивая борода слетела, обнажив ястребиный профиль главаря разбойников — последнего члена этой банды, вознамерившегося отомстить человеку, ограбившему его сокровищницу.

Конец у сказки счастливый. Али-Баба наконец-то избавился от своего врага, прожил долгую, благополучную жизнь, пользуясь богатством своего врага. Он выдал Марджану замуж за молодого Касима. Став почтенной матроной, бывшая рабыня мудро и умело управляла домом. Но она всегда зорко следила за всеми гостями, посещавшими ее дом.

Марджана танцевала перед врагом Али-Бабы и вынесла ему смертельный приговор.

Глава третья

Сильные и отважные сердца

Гавейн из Оркни принадлежал к цвету рыцарства короля Артура. Валлийцы называли его за доблесть Гвольчмей — «Сокол мая», и Гвольчгиви — «Белый сокол». Говорят, когда он был в расцвете сил, само солнце улыбалось ему. Поскольку Гавейн был не более чем человек, он, как и другие люди, оказался подвластен влиянию колдовских сил Потустороннего мира. Однажды он был заколдован за то, что не оказал должного почтения старцам.

Путешествие Гавейна началось как обычное рыцарское приключение: вместе с тридцатью другими рыцарями короля Артура он отправился в Британию на поиски волшебника Мерлина. Говорили, что старый советник короля попал в руки нечистой силы.

После нескольких недель совместных поисков рыцари разделились и разъехались по всей округе. Оставшись один, Гавейн отправился в лес Броселианд. Ему казалось, что этот огромный лес, до сих пор остающийся пристанищем колдовских сил, может скрывать того, кого он ищет. Броселианд — был полон шепотов, пронизывающих взглядов и невидимых преследователей.

Но в это утро в лесу было спокойно. Дремали огромные деревья, и даже пугливые птицы молчали. Единственные звуки, которые слышал Га-

вейн, — это позвякивание уздечки, шелест листьев и хруст веток под копытами его коня. Гавейн ехал беспечно, погруженный в свои мысли, не обращая внимания на то, что его окружало.

Он едва заметил, как настало утро, и не обратил внимания на то, как робкие лучики света, едва пробивавшиеся поначалу сквозь полог листвы, превратились в вертикальные колонны. Был полдень, время, стирающее различия, не утро и не день, такое же неопределенное время, как полночь, когда существа из Потустороннего мира отправляются в странствия.

И в самом деле, кто-то крался вдоль узкой тропинки, по которой ехал Гавейн, бесшумно передвигаясь между стволами деревьев, то появляясь в лучах света, то исчезая в тени. Это была высокая юная женщина, бледная и стройная, словно березка, одетая в длинное зеленое платье.

Она настолько сливалась с лесом, что казалась духом, оторвавшимся от своих корней и танцующим в полуденном солнце. Конь Гавейна вскинул голову и заржал. Но Гавейн, не обратив на женщину внимания, продолжал свой путь.

Тихий, похожий на колокольчик голос заставил его придержать коня:

— Сэр! Вы не поприветствовали меня, а ведь вы проезжаете через мои владения!

Он оглянулся и увидел женщину: она стояла на тропинке среди деревьев, как у себя дома.

— Леди! Я не заметил вас, — ответил он.

В ответ она наградила его царственным взглядом, холодным и равнодушным, а затем неожиданно улыбнулась.

— В самом деле? Это не пристало рыцарю короля Артура. Похоже, вам стоит поучиться обходительности, — сказала она.

Гавейн ждал. Он знал, что отделаться от нечистой силы в этом лесу почти невозможно.

— Тебе придется пожить другой жизнью, пока не усвоишь, как подобает вести себя с такими, как я, — сказала лесная женщина и исчезла среди деревьев.

— Какой жизнью? — крикнул Гавейн в пустоту.

— Того существа, которое ты сейчас встретишь, — ответила она.

Это были зловещие слова: кто знал, что ждет его в лесу?

Гавейн мог быть обращен силами колдовства в барсука, живущего в норе, в водяную крысу, обитающую в тине, в кабана, зайца или оленя. И у него не было выбора, ему оставалось только скакать вперед навстречу своей судьбе.

Гавейн так и поступил, и судьба не заставила себя долго ждать. На придорожном камне сидел карлик: коренастое существо с кривыми ногами и жирным телом. Он покосился на Гавейна своими черными, глубоко посаженными, горевшими на морщинистом, задубевшем лице глазами. И это было последнее, что ви-

дел Гавейн перед тем, как мир взорвался. Его череп и грудь нестерпимо сдавило, пальцы скрючились и укоротились, жгучая боль пронзила ноги, листва над головой стремительно закружилась, взгляд затуманился и померк.

Когда он пришел в себя, то увидел, что сидит на грязной тропинке, уставившись на свои коротенькие кривые ножки. С отвращением отведя от них взгляд, он неуклюже встал, и из его горла вырвался незнакомый тоненький писк:

— Я карлик, и годен быть лишь игрушкой придворных?

— Да, милорд. Честное слово, я очень огорчен. Я тоже пережил это превращение и теперь благодаря вашему несчастью освободился от колдовских чар.

Это говорил молодой человек, стоявший рядом с Гавейном и смотревший вниз — красивый юноша и, судя по манерам, благородного происхождения.

Взглянув на него, Гавейн спросил:

— Вы слышали о короле Артуре и его дворе?

— Да, слышал.

— Тогда поезжайте к королю, расскажите обо всем случившемся и передайте ему от моего имени, чтобы он не искал меня. Я сам вернусь, когда найду способ освобождения от колдовских чар.

Молодой человек колебался, ему явно не хотелось бросать попавшего в беду рыцаря. Но затем он кивнул ему на прощание и направился по тропинке туда, где начинался мир людей.

Гавейн повернулся к своему коню. Тот тоже уменьшился в размерах и был теперь не больше игрушечного пони, на котором он скакал в детстве

Рассерженная волшебница превратила Гавейна в карлика, а его боевого коня — в пони. Чтобы разрушить эти чары, Гавейн должен был продемонстрировать, что он в полной мере обладает всеми рыцарскими качествами.

на продуваемом всеми ветрами острове. С такими короткими ногами Гавейну теперь было трудно взобраться даже на маленькую лошадку. Но он наконец вскарабкался в седло и поскакал в чашу Броселианда, где его ждало новое испытание. Иного пути у него не было.

Долгое время лес был к нему равнодушен. Он ехал и ехал вперед, останавливаясь только затем, чтобы напиться из ручья или поохотиться. Ночью он спал под деревьями, укрывшись опавшей листвой. Он не видел ни души, и даже воздух в лесу оставался так неподвижен, что с восхода до заката не дрогнул ни один листок.

Но Гавейн был заколдован и, будучи теперь видимым для других обитателей Потустороннего мира, привлекал внимание тех, кто находился в таком же положении, как и он. Он ехал семь дней. На закате седьмого дня он спешил около ручья, чтобы напоить коня. Тяжелые ветви дубов образовали навес над журчащей водой. Из листвы донесся вздох:

— Привет, незнакомец, — слова печально повисли в воздухе.

— Кто это говорит? — спросил Гавейн.

— Волшебник Мерлин, сделавший Артура королем всей Британии.

— Милорд Мерлин, меня зовут Гавейн. Покажитесь! — крикнул карлик. Он всматривался в крону дуба, но не мог разглядеть никаких признаков волшебника. Казалось, голос доносился с одного из деревьев.

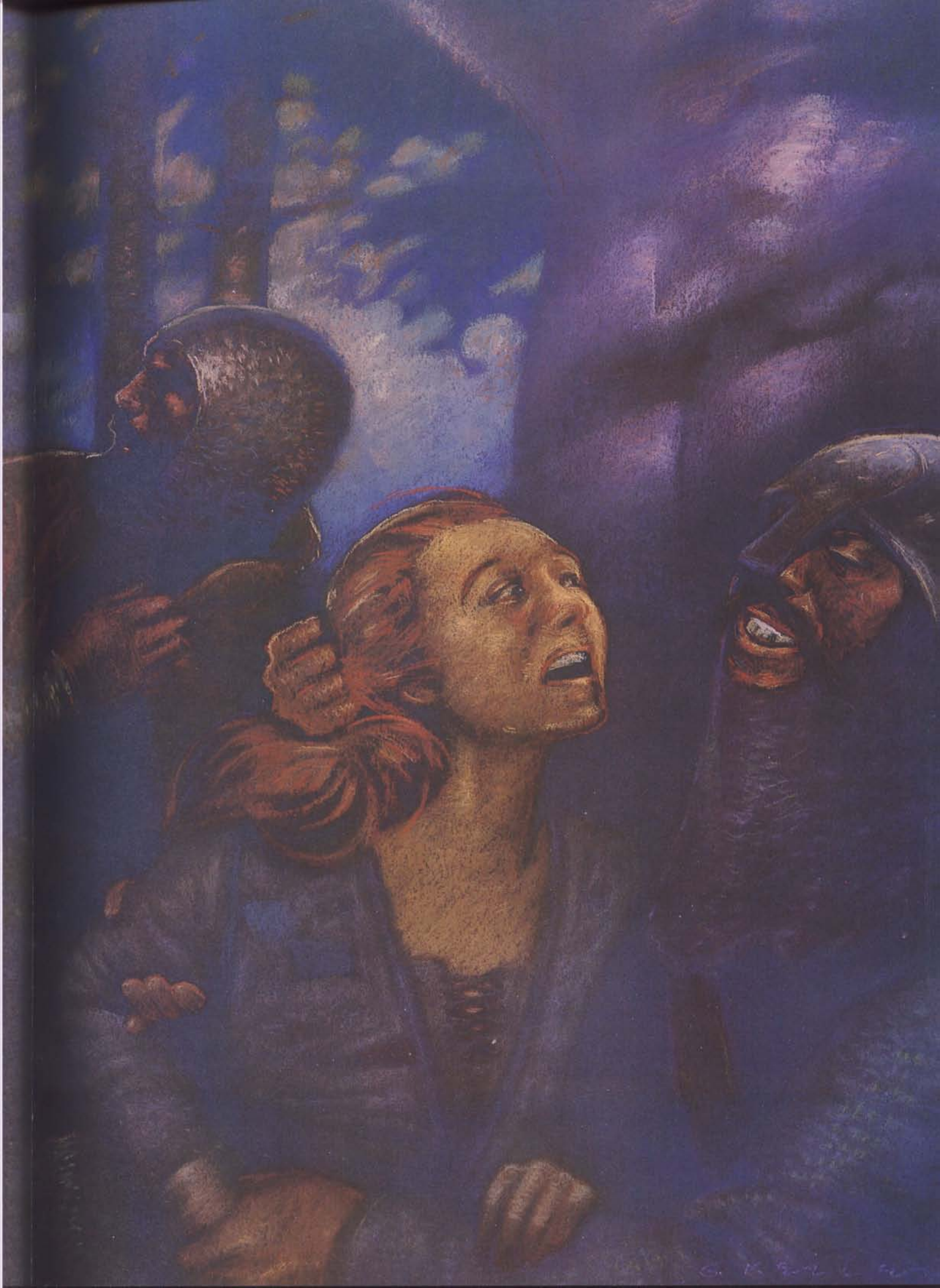
Голос ответил с усмешкой:

— Гавейн, покажитесь и вы мне!

Будучи ростом не больше ребенка, Гавейн
вызвал рыцарей на поединок и продемонстрировал
мужество, достойное самого храброго воина.

Гавейн молчал. А Мерлин продолжал:

— Передай королю, что нечисть захватила меня. С помощью колдовства я был превращен в этот дуб и останусь им навеки. Передай ему также, чтобы он остерегался женщин из другого мира. Ведь та, которую я любил, как раз и заколдовала меня!

— Что может вернуть вас в наш мир, милорд?

— Я никогда не вернусь, — ответил Мерлин. — Никогда не буду снова разговаривать с людьми. Прощай, Гавейн, ты был последним из людей, кто слышал меня.

Слезы навернулись на глаза Гавейна, потому что в голосе Мерлина был отзвук смерти. Теперь всем поискам пришел конец. Он тщетно пытался заговорить снова.

— Если тебе суждено освободиться, Гавейн, помни, когда начнутся испытания, что ты человек, — еле слышно произнес Мерлин.

Когда голос замер, поднялся ветер и листва на дубе зашелестела. Гавейн прислонился к коре дуба, но она была такой же грубой и сухой, как и у других деревьев: в ней не чувствовалось присутствия человека. Гавейн сел на своего пони и поехал дальше.

Прошла ночь, и наступило утро. В лесу раздался громкий крик. Гавейн натянул поводья и снова услышал крик. Он поехал на звук и оказался на маленькой поляне, где глазам его предстала безобразная сцена.

На поляне, спиной к дереву, стояла девушка. Возможно, это была дочь лесника, на ней было серое платье с множеством заплат и деревянные башмаки. Два рыцаря — рослые, грубые смеющиеся мужчины в поношенных кольчугах и истрепанных пла-

шах — угрожали ей. Один схватил ее за волосы, другой — за платье. Деревенские девушки часто становились добычей безземельных рыцарей, скитавшихся по предместьям. Намерения этих парней были очевидны.

— Отпустите ее! — пискнул Гавейн.

Быстро обернувшись, парни увидели пославшего им вызов противника и отпустили девушку. Они приблизились к Гавейну.

— Посмотри на себя, уродливая маленькая жаба в человеческом облике, — сказал один из них.

— Карлик рыцарь верхом на детской лошадке, — добавил другой. — Итак, малыш, тебе следует научиться не лезть к тем, кто выше ростом.

И ударом кулака он выбил Гавейна из седла. Пони бросился наутек.

Ошарашенный карлик лежал на земле, рот его был полон грязи, высоко над его головой разносились раскаты смеха. Подкованный сапог пнул его — и смех стал вдвое громче. Нога пнула его снова, и гнев и стыд в его сердце уступили место холодной ярости. После третьего пинка Гавейн вскочил на ноги и выхватил из ножен меч. Тогда его противники по-волчьи осклабились, их глаза загорелись от предвкушения легкой победы.

Где это видано, чтобы карлик сражался с гигантом? Но Гавейн сражался. Он ударил по не защищенному доспехами бедру рыцаря мечом, легко действуя им. Лезвие пронзило мускулы и заскрежетало по кости. Воин завопил от неожиданности и боли и повалился на своего товарища. Тем временем карлик снова нанес удар, который на этот раз пришелся в

живот другому воину. После этого Гавейн отскочил назад и начал кружить вокруг рыцарей.

Тяжеловесные и медлительные, они исчерпали свои возможности. Рыцари были приучены к грубой драке, а не к настоящей борьбе. Гавейн на скакивал снова и снова, орудуя своим мечом как кинжалом и с легкостью ускользая от их неуклюжих попыток убить его.

Вдруг какой-то ясный голос произнес:

— Довольно, испытание окончено. Этот карлик обладает смелостью человека и сердцем сокола.

Рыцари просто исчезли, и Гавейн остался один.

Эти слова произнесла та женщина, которую мучили рыцари. Но теперь она выглядела иначе. Сейчас это была не бедная крестьянка, а одетая в зеленое платье красавица, с которой Гавейн встретился перед этим.

— Доблестный рыцарь, — сказала она, — защитник девушек! Мы всегда будем помнить о тебе и звать тебя на помощь в случае необходимости. Но и ты должен помнить, какой властью мы обладаем и как надлежит вести себя в нашем присутствии.

Рыцарь поклонился ей, стоящей среди своих деревьев. И в тот же миг он вновь стал самим собой, высоким и стройным.

Так закончилось его приключение. Это было странное, весьма противоречивое соприкосновение с Потусторонним миром. Впрочем, в те времена подобные отношения между смертными и колдовскими силами считались обычными.

Властные и завистливые, склонные к причудам, теряющие силу, дающие и берущие по прихоти, которую не может предугадать ни один смерт-

ный, существа Потустороннего мира то помогали, то преследовали своих преемников — людей. Встречи с посланниками этих сил были на самом деле проверкой человеческого характера, испытанием молодой расы. Шла борьба за обладание планетой. Для поддержание своего недавно обретенного влияния на земле человечеству требуются самые лучшие человеческие качества — и это не только доблесть Гавейна, но еще и решимость, ум, помогающий отвращать колдовство, а также сила духа, необходимая, чтобы осуществить это.

В большинстве случаев эти испытания выпадали на долю одного человека. Иногда дело происходило на маленьких фермах, иногда — в глухих деревушках, среди самых обыкновенных людей. Британцы, например, любят рассказывать историю о Мальчике-с-пальчик. Он был сыном фермеров, которые так желали иметь ребенка, что, казалось, согласны были даже на такого, который был бы не длиннее большого пальца. Выказывать вслух подобные желания было опасно в ту пору, когда повсюду действовали волшебные силы. Духи исполнили желание супружеской четы — и через девять месяцев у них родился Мальчик-с-пальчик. Плод колдовских заклинаний, он так и не вырос выше трех дюймов.

Тем не менее ребенок был любим своими родителями, недостаток роста в нем восполнялся доблестью и сообразительностью. Он мог управлять лошадью, везущей телегу, находясь в ухе животного и подавая команды своим тоненьким голоском. Рассказывают, что однажды странствующий

Найдя убежище в мышиной норе и пройдя по щелям в домах и амбарах, Мальчик-с-пальчик, созданный колдовской силой, убежал от человека, который купил его, чтобы использовать ради своей прихоти.

Некоторые волшебники награждали смертных, угодивших им. Так, немецкие девушки знали, что если повиноваться во всем волшебнице, известной под именем Матушки Холли, она может их озолотить.

фокусник увидел это и попросил продать ему мальчика, чтобы показывать его как чудо. По настоянию Мальчика-с-пальчик отец продал его за кругленькую сумму, и фокусник увез мальчика в своей шляпе. Но малыш улизнул от него, спрятавшись в мышиную нору, а оттуда пробрался в соседний амбар, где нашел себе убежище. Несколько дней он шел один через поля и вернулся к себе домой, сослужив добрую службу своим благодарным родителям. И все это с помощью волшебства, сделавшего его крошечным.

В других сказках рассказывается о том, как деревенские дети вступают в связь с существами из Потустороннего мира. В Тюрингии и Нижней Саксонии, например, рассказывают о Матушке Холли, наполовину божестве, наполовину колдунье, то приветливой, то враждебной по отношению к людям. Она покровительствовала прядению и льноводству, и в то же время похищала из колыбелей некрещеных детей. Некоторые говорили, что Матушка Холли ходит на лыжах и устраивает снегопады, выбивая свои пуховые перины. Другие полагали, что колдуньи и фонтаны являются воротами в подземный мир, где она правит. Тот, кто отправлялся туда и угождал ей, возвращался, осыпанный золотом, но тот, кто раздражал ее, мог быть покалечен.

Существа, подобные тем всемогущим духам, которые создали Мальчика-с-пальчик, или, как Матушка Холли, вмешивающиеся в жизнь селян, действовали в одиночку. И истории, происходившие с деревенскими жителями — маленькими шалунами или угодливыми детьми — были всего лишь эпизодами в великой битве, длившейся столетиями, в которую

были втянуты целые королевства. Когда правители вступали в схватку с нечистью, страдали все их подданные.

Подобное столкновение произошло однажды в юго-западной части Уэльса, в те времена, когда бесчисленными пришельцами из Потустороннего мира управляли могущественные властители. События разворачивались в королевстве Дайфед, где были высокие горы и плодородные долины, где собирали хорошие урожаи и где людям жилось сытно. Но внезапно все изменилось.

Однажды в Дайфед возвращались двое мужчин — двое истощенных, израненных воинов. Долгое время они воевали в Ирландии, и война была настолько опустошающей, что только семеро из их когда-то многочисленной компании вернулись домой в Уэльс. Младший из этих двоих был правителем Дайфеда по имени Прайдери. Старший, Меневейдден, сын Лира, был его родственником.

Эти люди хотели теперь только мира и покоя. Прайдери стремился увидеть свою жену Кигву. Вместе с Кигвой в замке жила и его мать Райн-нон. Она была женщиной из Потустороннего мира, много лет назад навсегда покинувшей его, чтобы стать женой отца Прайдери. Она по-прежнему оставалась красавицей. Прайдери пообещал ее Меневейддену, в знак своей привязанности к брату по оружию.

Одолев горы на севере, где дули жестокие ветры, двое мужчин спустились в долину. Стояла осень. Долины золотились от спелого зерна, яблони были усыпаны плодами, в садах и на полях жители Дайфеда собирали урожай. Прайдери вскоре узнали, и весть

*В королевстве Дайфед, в Уэльсе, две благородные супружеские пары опрометчиво
вторглись в колдовские владения. И сразу же загремел гром, и туман окутал мир...*

*Когда колдовской туман рассеялся, в Дайфеде уже не было ни людей,
ни животных. Оставшиеся четверо смертных: Прайдери, Меневейдден и их жены
Кигва и Райннон — покинули безлюдное королевство и отправились в Англию.*

о его прибытии, опережая его самого, летела от селения к селению. И когда, наконец, странники свернули на дорогу, ведущую к замку Прайдери, их сопровождала толпа, прошедшая вместе с ними последние мили.

Замок Прайдери располагался на холме, окруженный земляным валом и частоколом, но высокие деревянные ворота были уже приветливо открыты и ветер доносил аромат роз.

У ворот стояла Кигва — прямо и неподвижно, как и подобает супруге правителя, но полная восторга. Рядом с ней была Райннон. С посеребренными волосами, она оставалась такой же стройной и жизнерадостной, как и в юности. Тот, в чьих жилах течет колдовская кровь, мало меняется с годами, даже если и отрекается от своей силы ради того, чтобы жить среди людей.

Этот день и последующие дни были радостными и безоблачными, ничто не предвещало беды. Райннон приняла Меневейддена в качестве нового мужа, как того пожелал ее сын, и была счастлива, потому что долго жила одна. Воин, такой же седовласый, как и она, был человеком молчаливым и благородным — и это ей понравилось. Что же касается самого Меневейддена, то он, недавно вернувшийся с войны и опечаленный, считал себя самым счастливым из мужчин.

После свадьбы супружеские пары пировали, охотились и разъезжали верхом по окрестностям Дайфеда. Эта осень, по свидетельствам летописцев, была особенно щедрой: реки кишели рыбой, леса изобиловали дичью. Беззаботно наслаждаясь полнотой жизни, четверо влюбленных были неразлучны: Прайдери и Кигва, юные и

веселые, Меневейдден и Райннон, улыбочивые и безмятежные.

Тем не менее, однажды вечером, когда ужин был закончен и слуги ушли поесть на кухню, Меневейдден забеспокоился.

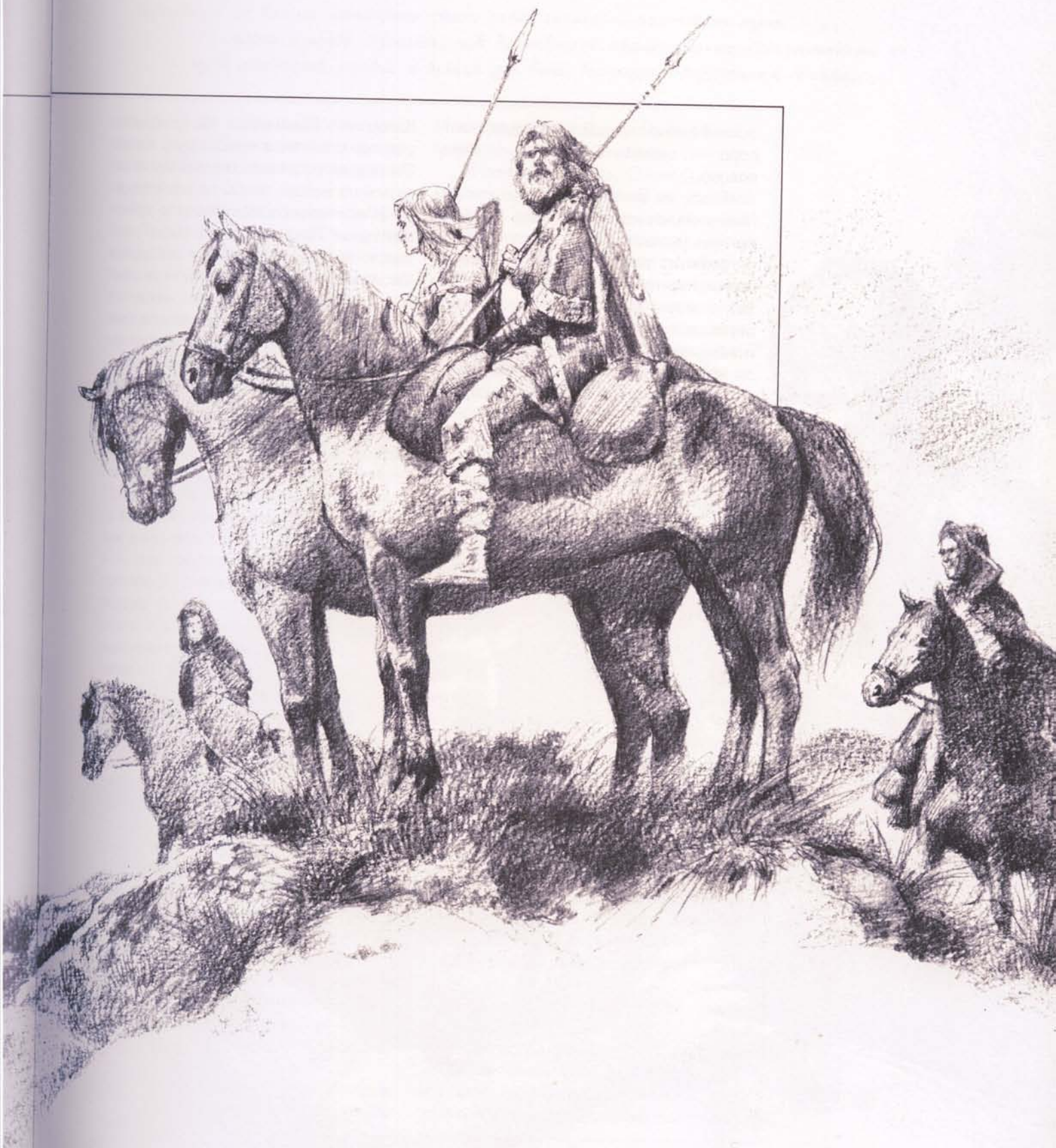
— Леди, — с улыбкой сказал он Райннон, — покажите мне дверь, через которую вы вошли в этот мир.

— Это опасно, милорд, — ответила Райннон.

Колдовской народ был для нее теперь чужим. Но ее сын Прайдери был другого мнения. Он сразу поднялся, отдал распоряжение грумам, и вскоре обе супружеские пары покинули теплые покои и поскакали к насыпному кургану Арбет.

Это был невысокий, поросший травой холм, находящийся в лесу, тянушемся от самого замка Прайдери. Место это окутано тайной. В Дайфеде говорили, что если человек, в жилах которого течет королевская кровь, сядет на этот холм, то он либо получит увечье, либо его ждет великое потрясение: при соприкосновении с землей ему откроются ворота в другой мир. И в самом деле, много лет назад отец Прайдери сел на этот холм и тем самым вынудил Райннон появиться среди людей и разделить с ним судьбу.

Взобравшись на холм, они спешили. Вокруг все было тихо. Сквозь ветви деревьев виднелись огни замка, было слышно, как стража на крепостном валу отбивает время. И все-таки земная жизнь, казалось, здесь остановилась. Лунный свет серебрил деревья, траву и мерцал в волосах Райннон. Лошади переступали с ноги на ногу. Это было не место для смертных.

— Нужно уходить отсюда, милорд, — сказала Райннон, — здесь опасно.

Голос ее напоминал треск сучьев. Меневейдден кивнул и подал Прайдери знак уходить. Но не успел Прайдери ответить ему, как в звездном небе загрохотал гром. И словно в ответ на это, с земли стал подниматься туман, окутывая ослабевшие ноги лошадей, подбираясь к всадникам. Луна и звезды исчезли, и туман стал таким густым, что скрыл Райннон от Меневейддена и

Кигву от Прайдери. Меневейддену удалось схватить в тумане руку жены. Он позвал остальных и велел им оставаться на местах, чтобы не потеряться.

И все четверо замерли, в то время как туман Потустороннего мира сгустился, и гром прокатился по небу. Сколько они простояли рядом со своими оседланными лошадьми, никто из них не мог сказать. Время от времени слышались раскаты грома, но постепенно туман рассеялся, и наконец они увидели друг друга в розовом свете

Добравшись до Англии, изгнанники стали ремесленниками, изготавливая седла, щиты и обувь. Казалось, гнев волшебников преследовал их. Они изгонялись из каждой английской деревни и всякий раз были вынуждены вернуться в Дайфед.

утра, — а по земле продолжал стелиться туман. С восходом солнца остатки тумана рассеялись, и они увидели свой дом.

Но лежавший перед ними Дайфед был безлюден. «Там, где до этого паслись стада и жили люди, — пишет летописец, — теперь не было ничего: ни животных, ни дыма над крышами домов, ни огня, ни людей — одни покинутые дома и пустынные дворы».

Не говоря ни слова, четверо искателей приключений сели на коней и поскакали вниз с кургана Арбет, через лес, отделявший их от владений Прайдери. Ни один слуга не вышел им навстречу, никто из придворных Прайдери не ожидал их. Огонь в очаге не горел; кухни, конюшни, мастерские и кузницы были пусты. Увидев все это, они собрались в зале. Прайдери пришлось самому растопить камин, потому что в доме не было ни одного слуги. Остальные молча грели руки над пламенем и вслушивались в тишину.

— Что за недруг поселился в наших краях? — спросил Прайдери свою мать.

Но Райннон только покачала головой. Большую часть жизни она провела вдали от существ колдовского мира и ничего не знала ни о них, ни о их делах.

— Это какое-то колдовство. Как нам избавиться от него и вернуть наших людей? — спросил сын.

Райннон ничего не могла ему ответить. Она не знала, кто и почему заколдовал все вокруг. Она не знала, как можно от этого избавиться. В растерянности она повернулась к своему мужу, самому старшему и мудрому из них.

— Нужно дождаться какого-нибудь знака, — глубокомысленно произнес

Меневейдден. — Я не могу сражаться с врагом, которого не вижу.

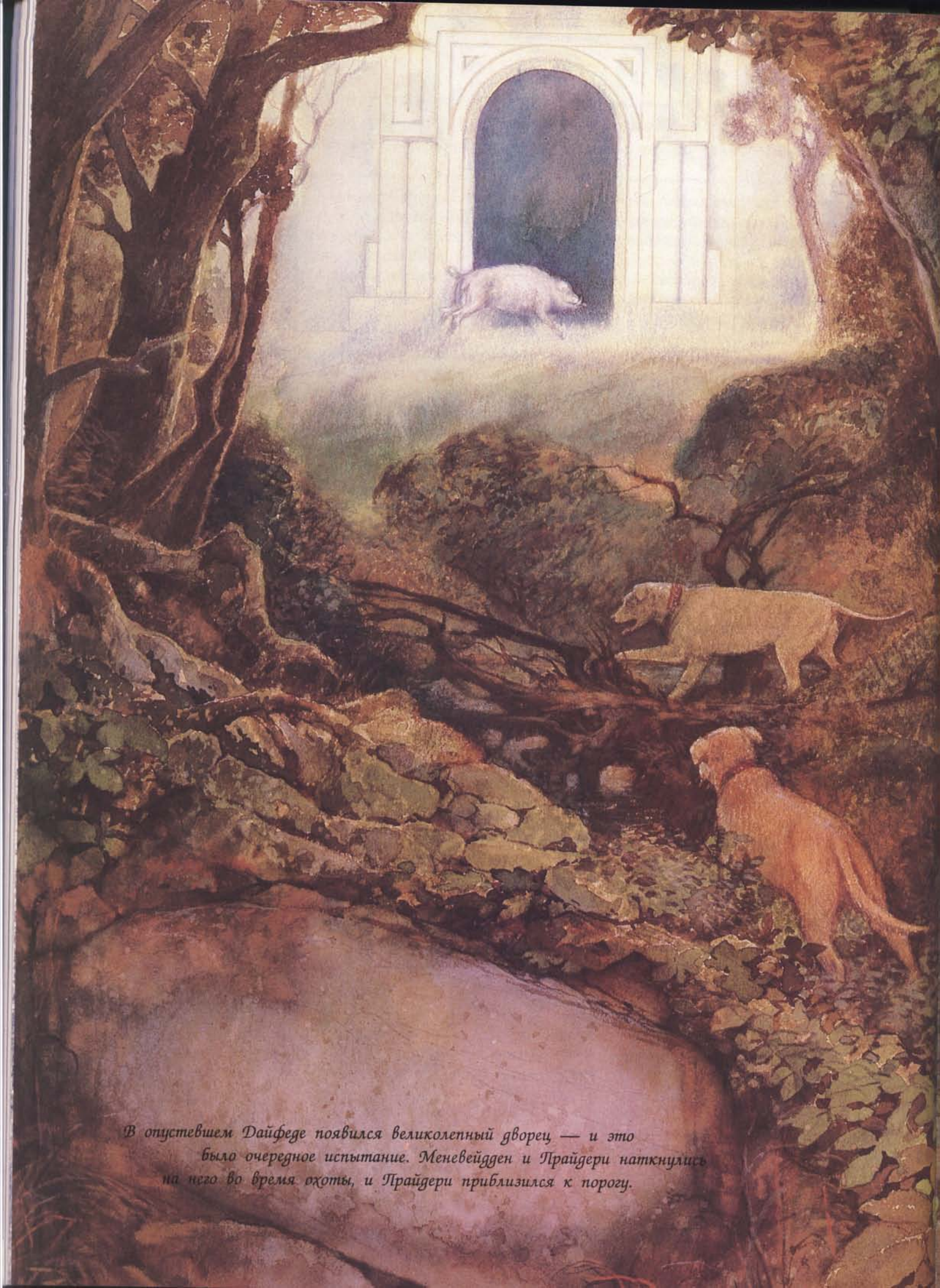
И они стали ждать. С них было достаточно приключений. В те трудные времена даже люди самого высокого происхождения были привычны к повседневному труду. Короли не обходили стороной кузницы и конюшни, королевы сидели за ткацким станком и шили одежду, как простые женщины. Вот и теперь Прайдери и Меневейдден охотились и ловили рыбу, а Кигва и Райннон шили одежду и готовили еду. Иногда они выезжали вместе верхом, отправляясь на поиски других людей, но в Дайфеде не было ни души.

Через много месяцев, когда с кургана Арбет подул холодный ветер, ударив в ворота, и на земле водворилась зима, знака все еще не было. Тогда Меневейдден сказал:

— Мы должны покинуть это место и скрыться, чтобы враг не узнал нас.

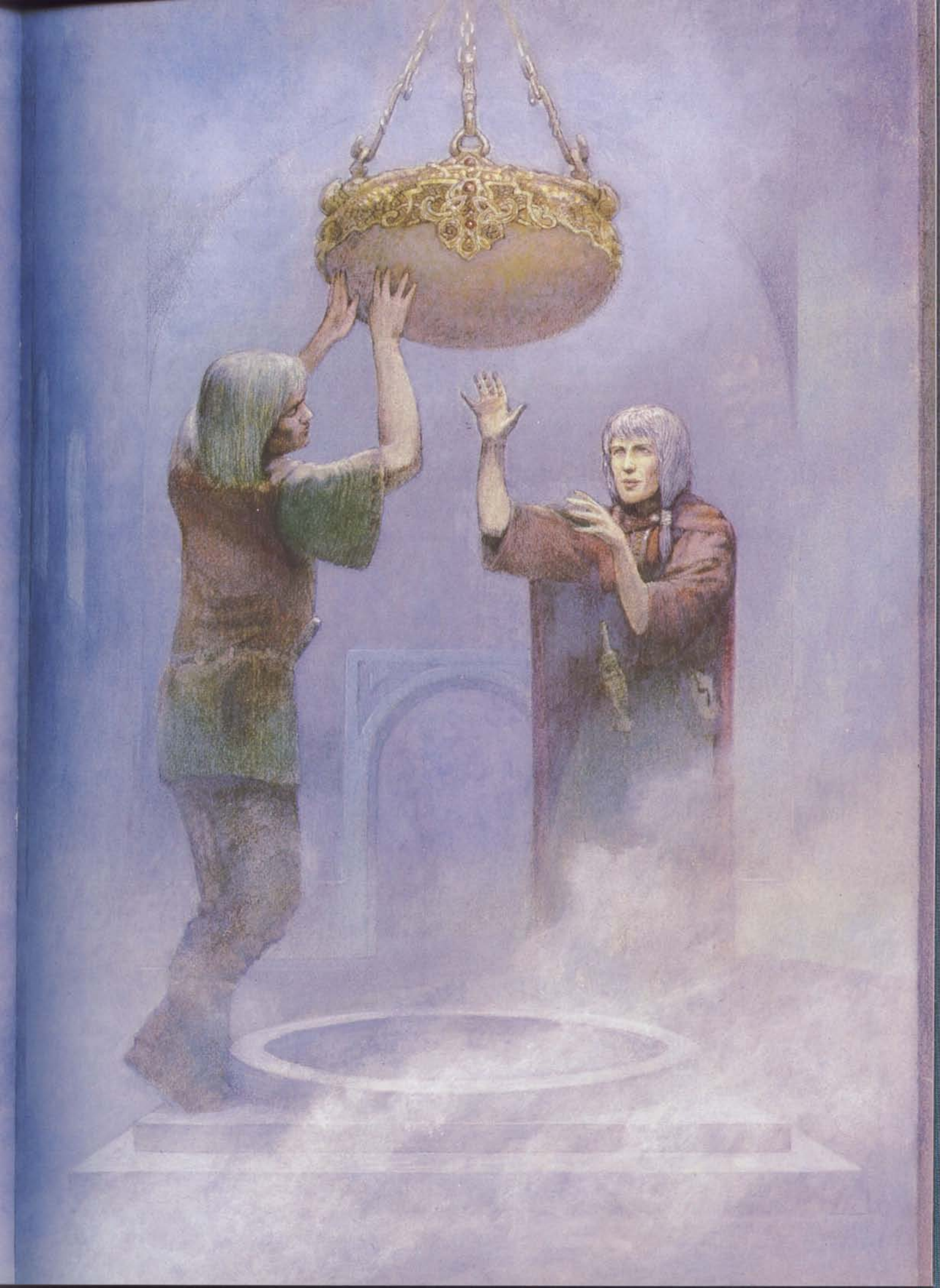
Они так и сделали. Летописцы отмечают, что все четверо отправились в Англию под видом ремесленников с женами. Они останавливались в небольших деревушках, ночевали в маленьких, продымленных хижинах и зарабатывали себе на хлеб так, как это делают простые люди. Вначале они изготавливали седла более красивые, чем делались тогда в Англии, потом стали делать щиты, затем башмаки. Им казалось, что тот, кто заколдовал Дайфед, следит за странствиями четверки, изгоняемой из каждой деревни местным населением, которое видело в них иноземцев и соперников в торговле.

У когда они в третий раз оказались изгнаны, Меневейдден повел их обратно в Дайфед. С нагруженными зерном ослиами и сворой

В опустевшем Дайфее появился великолепный дворец — и это было очередное испытание. Меневейдген и Прайдері наткнулись на него во время охоты, и Прайдері приблизился к порогу.

Все еще сердясь на людей, король волшебного царства послал армию мышей на хлебные поля. Но Меневейдден пресек грабеж, поймав одну из них.

миг она попала в ловушку. Послышался раскат грома, лужайка покрылась туманом. Когда же туман рассеялся, дворец исчез.

Поздним вечером Меневейдден вернулся один в замок Прайдери и рассказал Кигве обо всем. Она горестно плакала. Она была женщиной робкой, нуждавшейся в защите и покровительстве своего мужа — теперь она осталась одна. Ей показалось, что Меневейдден смотрит на нее с вожделением, но у нее не было желания греть постель старика.

Но Меневейдден сказал:

— Дитя, я не причиню тебе вреда. Ты для меня дочь, так же как и для Райннон. Мы будем вместе ждать их освобождения.

— Что мы должны сделать? — спросила Кигва. — Как мы будем жить на опустошенной земле?

— Будем сеять, — ответил Меневейдден, — сейчас самое время.

И он засеял три поля пшеницей, которая взошла и заколосилась вовремя. И когда поле было уже готово к жатве, колдовские чары усилились —

и на этот раз действовали против мужа женщины из Потустороннего мира и против жены ее сына. Однажды утром Меневейдден увидел, что с одного из полей полностью снят урожай. Он ничего не сказал, лишь пробормотал что-то в адрес воришек. А ночью, оставив Кигву одну, пошел стеречь поле.

Не прошло и часа, как он вернулся и разбудил Кигву. Она наблюдала, как он привязывает кожаную перчатку к перепачканной сажей палке. Перчатка подпрыгивала в воздухе.

— Эта перчатка будет ловушкой для мыши, — сказал Меневейдден, — в многочисленной армии грызунов, напавших на мое поле, есть одна самая жирная и крупная мышь.

— Милорд, что вы хотите сделать с мышью?

— Повесить ее. Это будет наказанием за воровство.

— Милорд, вешать мышей недостойно вашей чести.

— Ничего, я повешу ее. Это первый солдат моего невидимого врага. Наконец я увидел его.

И в сумерках того же дня Мене-

вейдден пересек пшеничное поле, прошел через лес и поднялся на склон кургана Арбет, где находилась незримая дверь, ведущая в царство врага. Он нес в руке перчатку, дважды завязанную у горловины, чтобы пленник не сбежал. Воткнув в землю две вилообразные веточки, он положил сверху третью, служившую перекладиной на этом крошечном эшафоте.

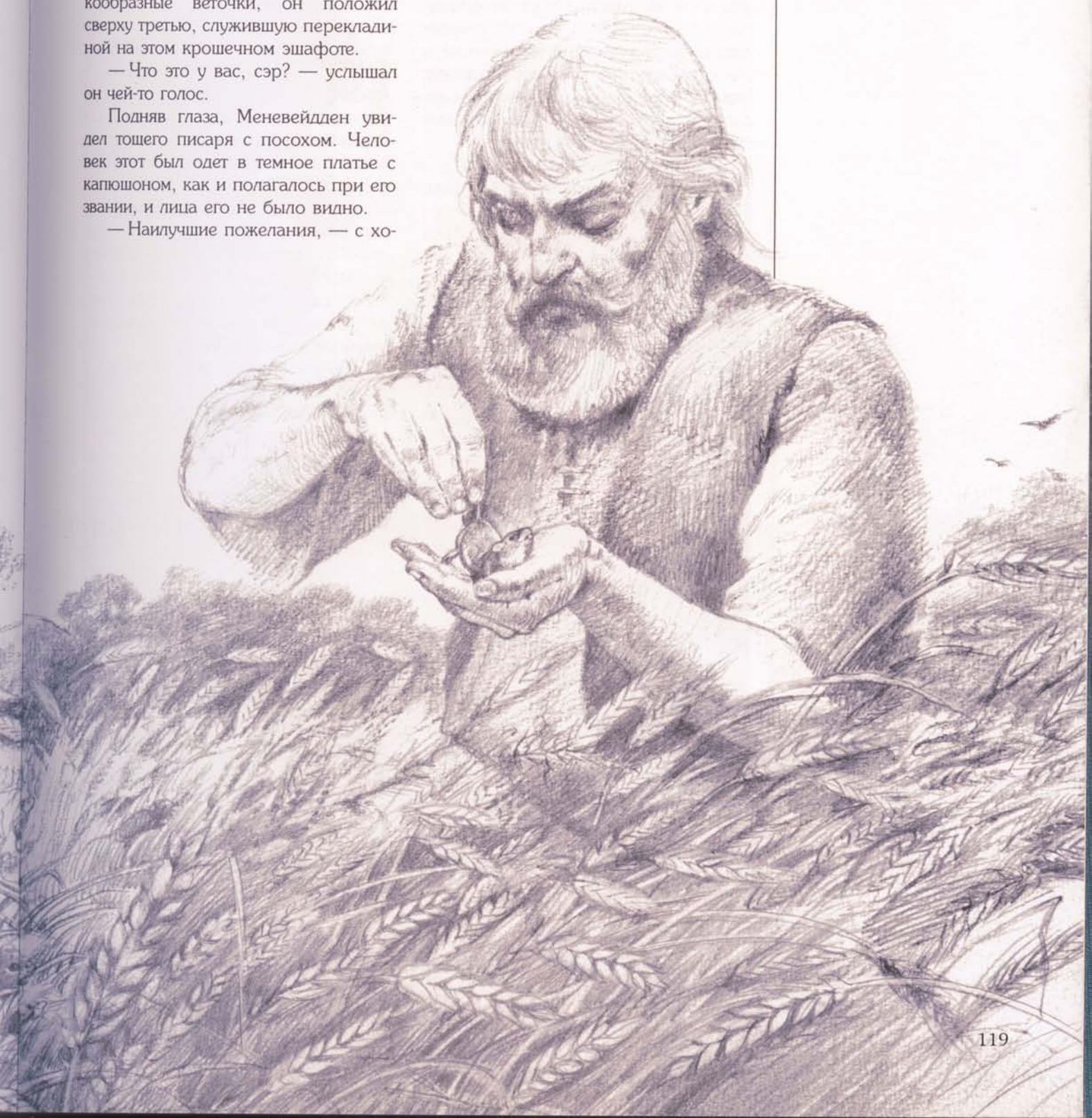
— Что это у вас, сэр? — услышал он чей-то голос.

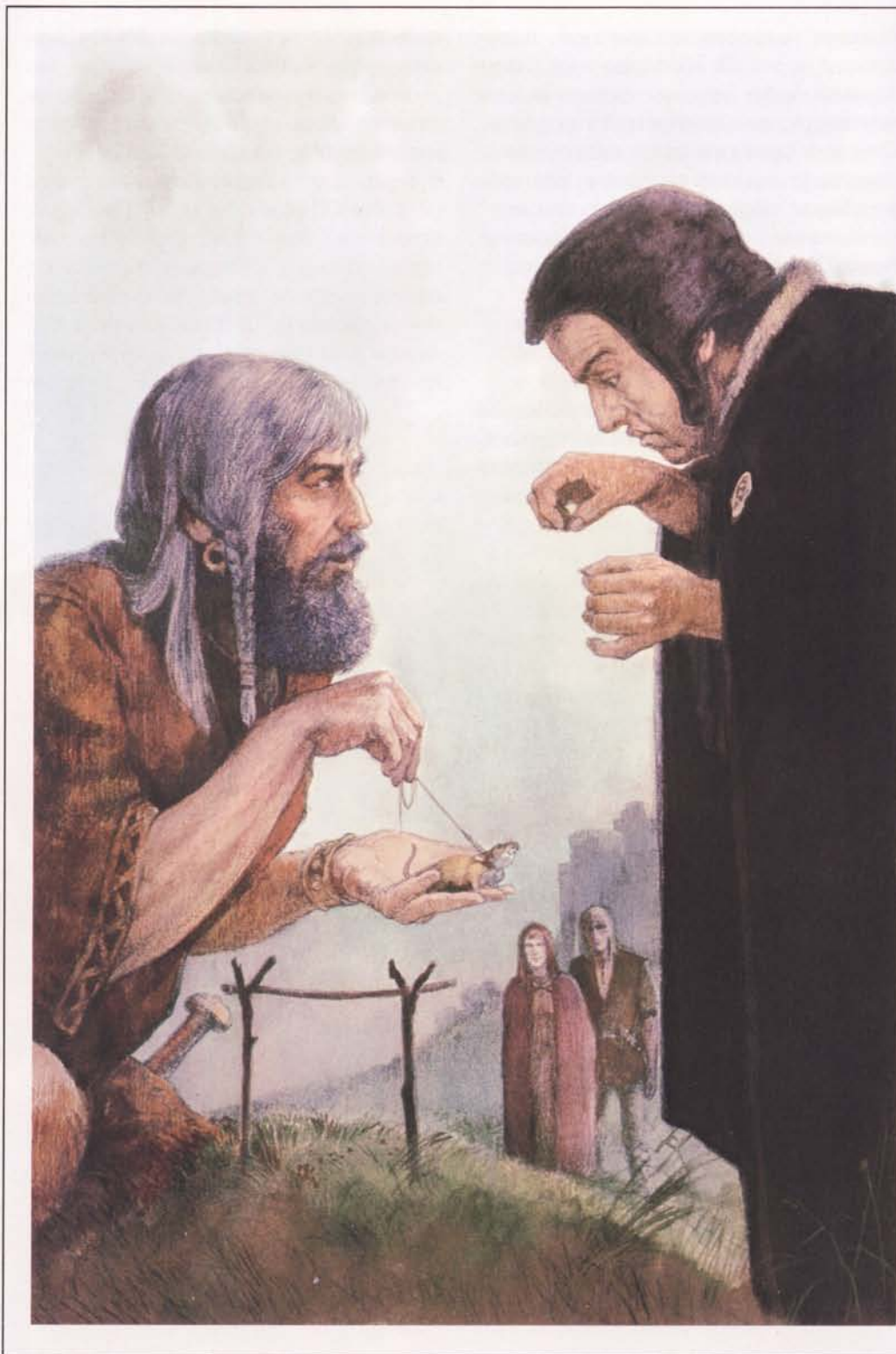
Подняв глаза, Меневейдден увидел тощего писаря с посохом. Человек этот был одет в темное платье с капюшоном, как и полагалось при его звании, и лица его не было видно.

— Наилучшие пожелания, — с хо-

лодной усмешкой ответил Меневейдден. — Вы первый человек, если не считать моих товарищей, которого я встретил здесь за последние семь лет. Как вы попали на курган Арбет?

— Я просто проходил мимо, воз-

*Поймав мышь в заложницы, Меневейдген потребовал взамен Райннон
и Прайдери, а также возрождения всей земли. В конце концов Дайфег
ожил. Все вернулось на круги своя — мстительное колдовство сгинуло.*

вращаясь домой. А вы что делаете на этом холме?

— Вешаю мышь, — сказал Мене-вейдден и злобно ушипнул перчатку.

— Это не достойно такого господина, как вы, — заметил писарь, — отпустите бедное животное.

— О, нет. Она в моих руках, и я повешу ее.

— Я не выношу жестокости. Вот серебро за жизнь маленькой мышки.

Меневейдден покачал головой. Вынув из-за пазухи кусочек бечевки, он стал делать петлю. Некоторое время писарь наблюдал за ним, потом вздохнул и пошел прочь, бормоча что-то себе под нос.

Как только он ушел, появился священник. Он тоже заговорил с Мене-вейдденем, предложил деньги за мышь — и тоже получил отказ.

И наконец, со стороны ксогоро, из сгушающихся сумерек показался человек — высокий, степенный, одетый в богатое платье, какое носят епископы. И, тоже получив отказ, этот человек сказал:

— Что я могу предложить тебе за жизнь этой мыши? Назови свою цену.

Меневейдден встал и посмотрел в глаза человеку. Они были бесцветные, как зима, древние, как время.

— А вот что, — ответил смертный, — ты должен освободить Прайдери и Райннот и расколдовать Дайфед.

Человек задумался.

— Ты получишь все это, — наконец сказал он. — А теперь дай мне мышь.

— Я тебе отдам мышь, когда ты скажешь, кто ты такой и кто она.

— Я — Ллвюд, сын Кила Козда, я принадлежу к народу, породившему Райннот. Заколдовав Райннот и ее сына, я тем самым отомстил за то, что она была отнята у нас и живет среди

смертных, предав свой род и тех, кто любил ее. Мыши — мой народ. Мышь, которую ты поймал, — моя жена. Она медлительна, потому что ждет ребенка. А теперь отдай ее мне.

— Сначала поклянись больше никогда не заколдовывать Дайфед, поклянись также не мстить за мою победу.

— Клянусь. И хорошо, что ты попросил об этом, потому что месть — это мое любимое занятие. А теперь отдай мне мышь.

— Я отдам ее тебе, когда Райннот и Прайдери будут стоять передо мной.

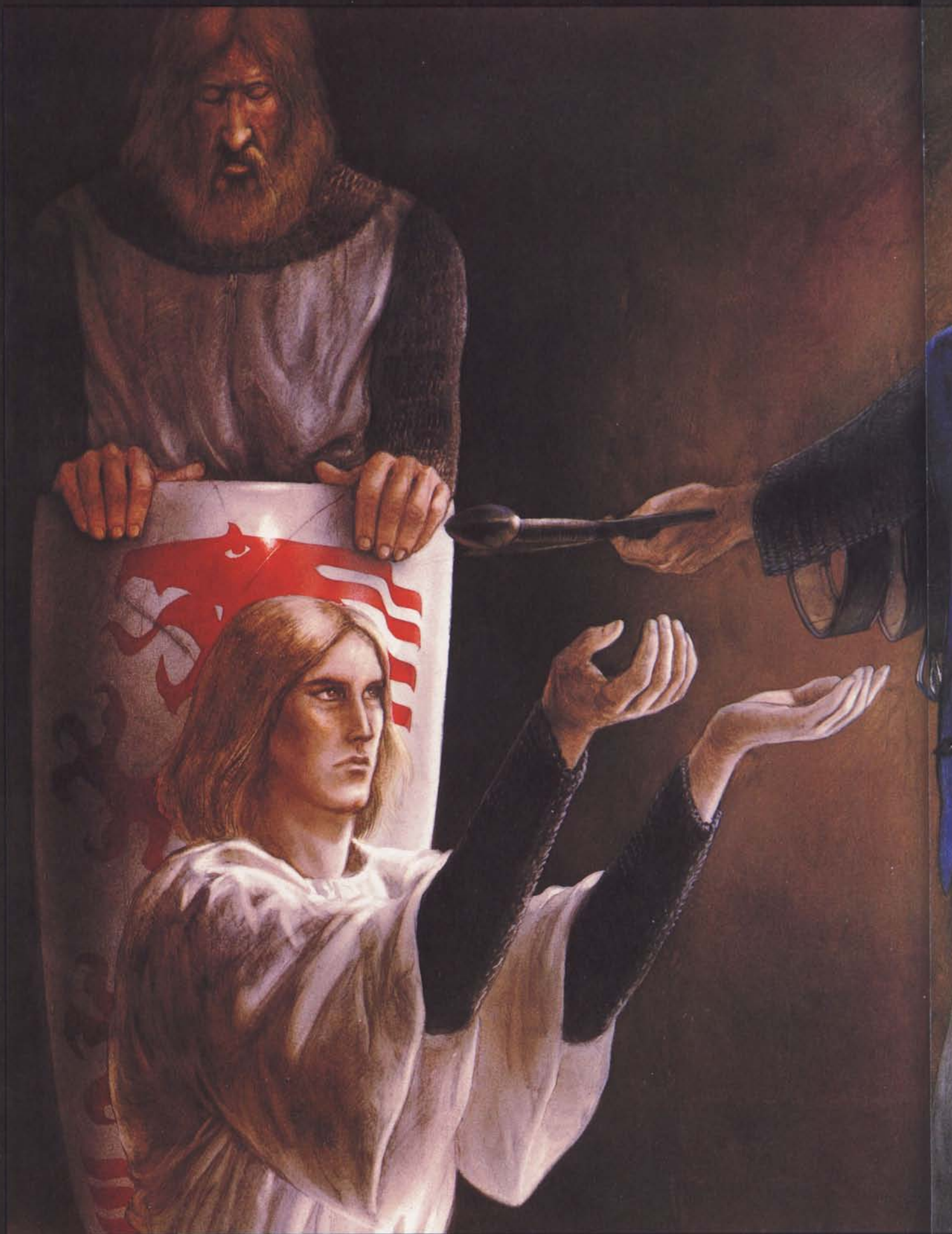
— Они здесь.

И он увидел их, бегущих к кургану. Меневейдден развязал перчатку, и полевая мышь неуклюже выбралась наружу и направилась прямо к руке Ллвюда. И когда его рука коснулась ее, маленькое животное исчезло. На ее месте стояла красивая женщина и испуганно смотрела на Мене-вейддена.

— Любуясь теперь на свой смертный мир, вновь возвращенный к жизни, — крикнул Ллвюд.

И он увидел, как в сумерках бредут по полям люди. Мальчишки гнали к замку стада гусей, и все вокруг — и в замке, и в окрестностях — пробудилось.

Вот так закончилась в Дайфеде вражда между древними существами и людьми. И все это благодаря одному-единственному человеку, действовавшему без всякого волшебства и оружия, а единственно с помощью человеческого терпения и человеческого ума. Он укрепил власть смертных в своем уголке земли.

Приключения прекрасного незнакомца

Это рассказ о человеке, который обрел свое место в жизни, сражаясь с колдовскими силами. Чтобы испытать себя, он направился в чужие края, чтобы сразиться с врагом.

Этот человек жил без имени. Однажды он приехал верхом в замок Карлеон, принадлежавший Верховному Королю Британии Артуру, и попросился к нему на службу. Этот молодой человек не мог точно сказать, кто он такой, потому что вырос в замке, расположенном далеко в горах, на севере. Его мать сказала ему лишь, что отец был обучен придворным хитростям и военному ремеслу. Ни имя, ни звание его отца она не могла или не хотела сообщить сыну. И когда сын вырос, она послала его на поиски своей судьбы.

Король и придворные с любопытством выслушали незнакомца. Артур кивнул ему. Было понятно, что этот золотовласый юноша хорошо воспитан. По тому, как он держался в седле, и по его доспехам было ясно, что это воин.

— Пока ты не найдешь свое имя, мы дадим тебе другое, — сказал король, — мы будем называть тебя Бел Инконню, что по-французски значит — прекрасный незнакомец. — Затем он посмотрел на своих рыцарей и спросил: — Кто может поручиться за этого юношу?

Гавейн, такой же золотовласый, как

Человек без имени явился ко двору короля Артура в Карлеоне. Он был так прекрасен, что его произвели в рыцари.

и юноша, сделал шаг вперед. К молодым рыцарям Гавейн был столь же великодушен, сколь беспощаден к врагам на поле боя. К нему присоединился Ланселот, так что два самых лучших рыцаря Артура стали покровителями незнакомца. Они были рядом с ним во время церемонии омовения и во время созерцательного ночного бдения, предварявшего в те времена посвящение в рыцари. И в назначенный час Ланселот подал прекрасному незнакомцу красивый широкий меч, а Гавейн поставил перед ним позолоченный щит с изображением темно-красного сидящего грифона. Так прекрасный незнакомец стал младшим в рыцарском братстве короля Артура, поклявшись защищать короля и всех находящихся под его покровительством.

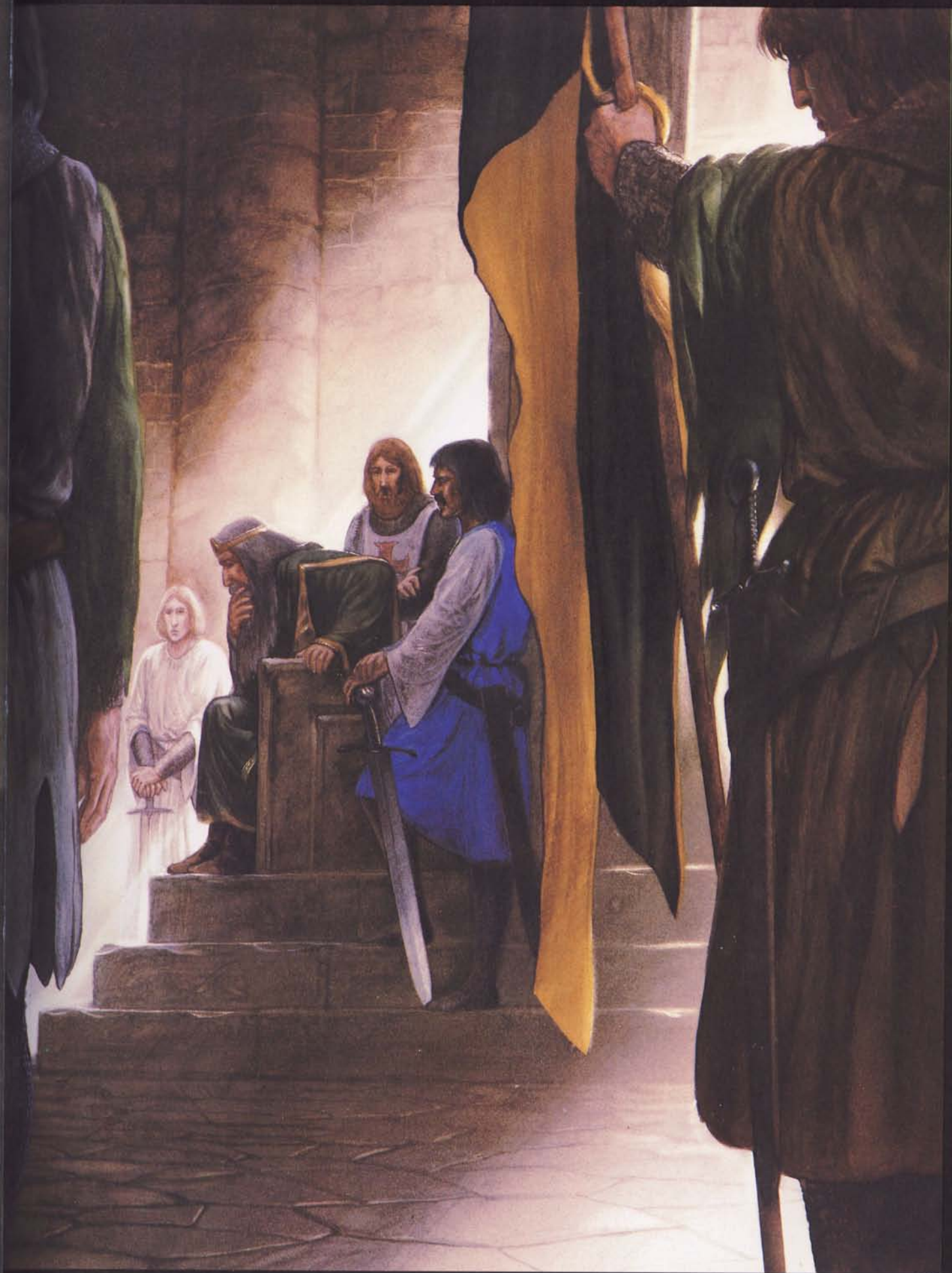
В те времена к королю поступало множество прошений. И Артур вместе со своими рыцарями поддерживал в Британии мир. Но на окраинах королевства, в отдаленных, малонаселенных местах, правили владыки древней магии. Некоторые из них были миролюбивы, другие же — злобны. Но все они были опасны, потому что выманивали мужчин и женщин за пределы их мира и увлекали туда, где нет места смертным.

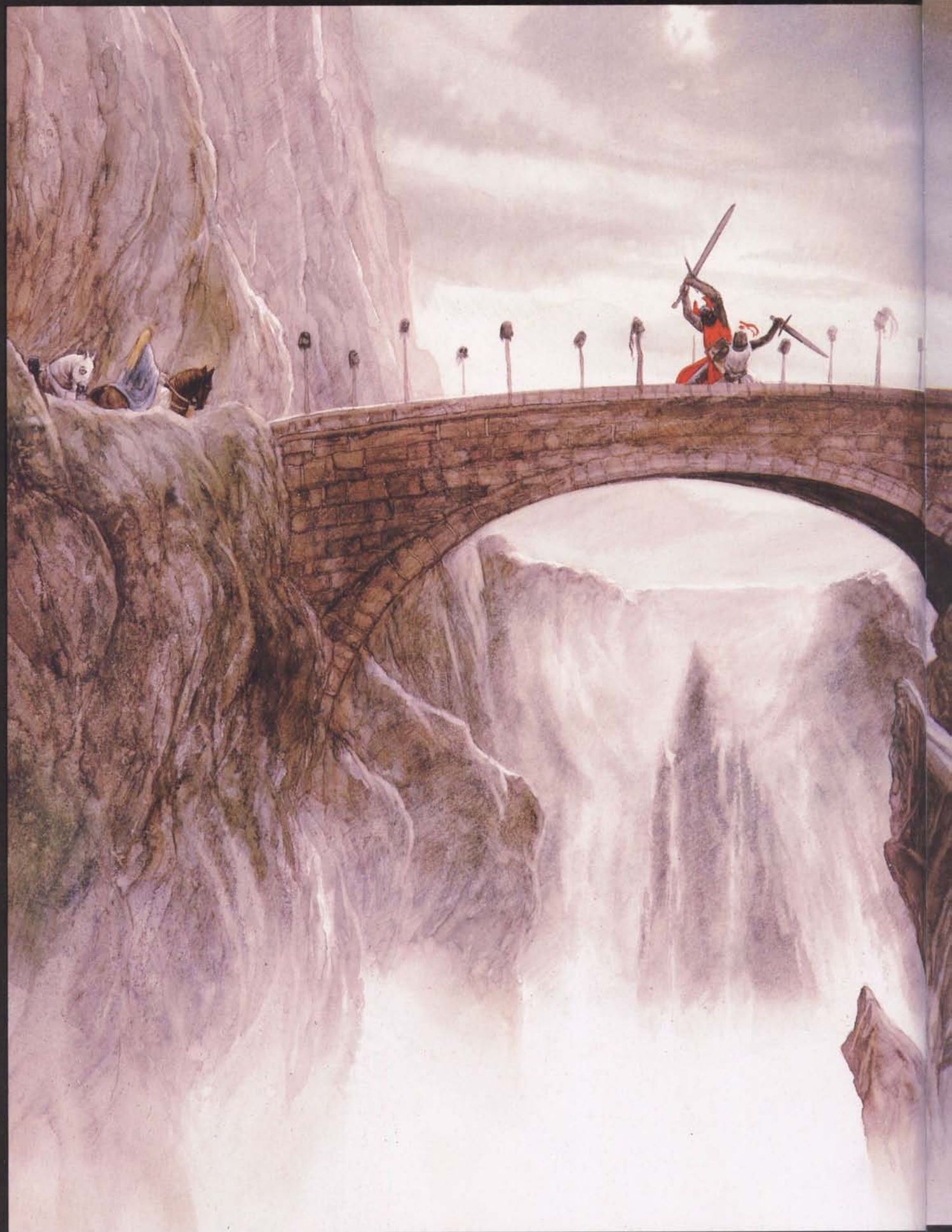
Новоиспеченному рыцарю не пришлось долго ждать приключений. Сразу после его прибытия ко двору к Артуру явилась молодая женщина с просьбой о помощи ее королеве. Она выглядела усталой, но держалась с большим достоинством. Ее рассказ не оставил равнодушными рыцарей Артура.

Женщину звали Хелия, и она была фрейлиной королевы Уэльса, чьи земли

Фрейлина королевы Уэльса попросила короля Артура помочь ее госпоже справиться с колдовской силой.

расположены к северу от Карлеона, неподалеку от склонов горы Сноудон.

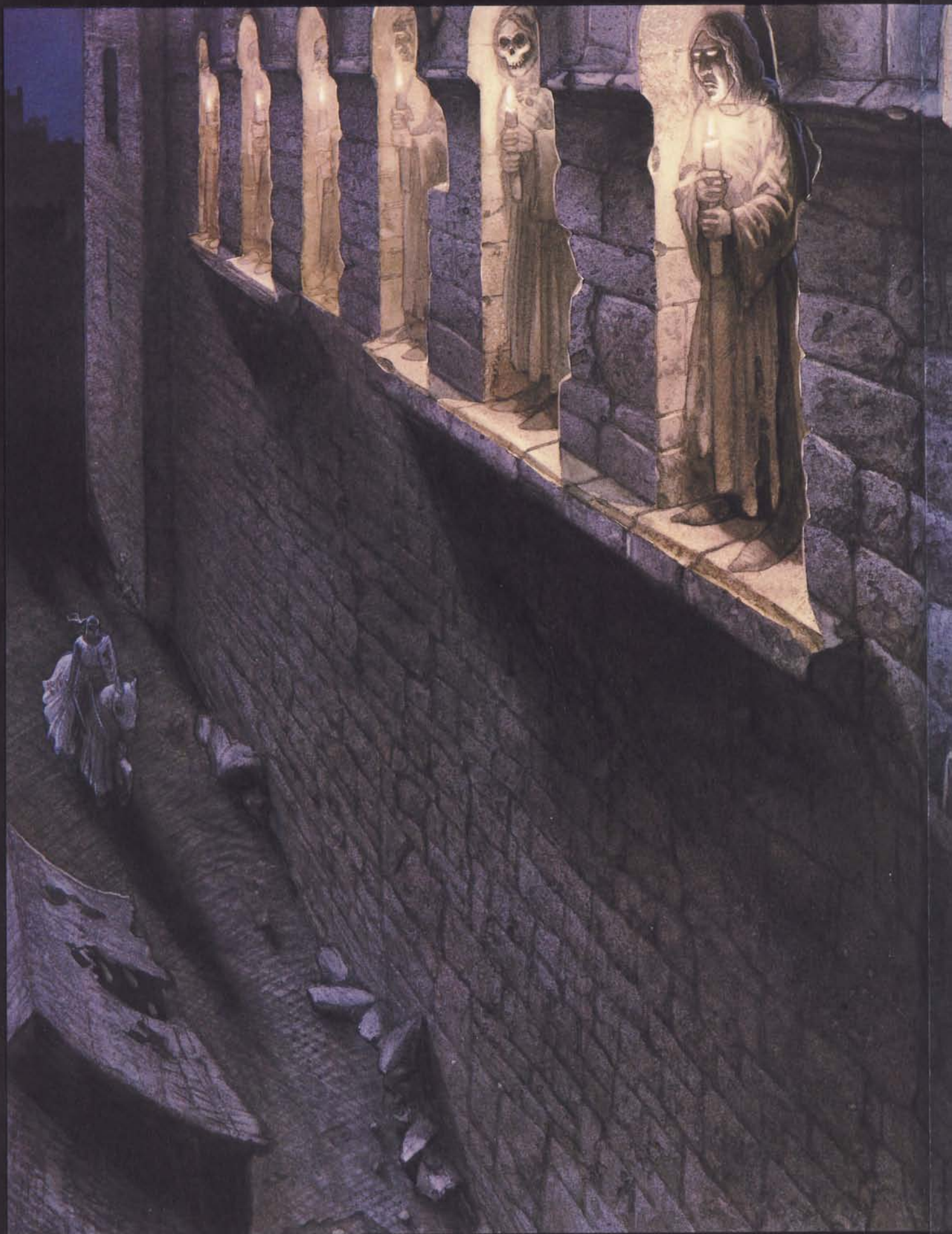
Королева была превращена в змею колдовством двух братьев, которые хотели, чтобы она служила нечистой силе. Тюрьмой для нее стал гулкий зал ее собственного замка, стражами — мертвецы. Она послала Хелию искать помощь, и молодая женщина поскакала в сопровождении слуги-карлика на юг, к Артуру. Теперь Хелия просила послать на помощь своей королеве рыцаря, способного справиться с древними силами и вернуть к жизни страну.

— Пусть мой меч послужит этой леди! — воскликнул Бел Инконню, когда Хелия закончила свой рассказ. Леди нахмурилась, и старшие рыцари тоже сдвинули брови. Эта задача была по плечу лишь опытному рыцарю. Но Гевейн, улыбаясь, поддержал юношу. Артур поднял руку в знак согласия, и выбор был сделан.

Когда на следующее утро Бел Инконню подошел к Хелии во дворе Карлеона, она была с ним холодна и не приветлива. И он понял это так: способен ли новоиспеченный, безымянный рыцарь помочь ее королеве? Но он вежливо приветствовал фрейлину, не смотря на ее мрачность. Сев на коня, она поехала впереди, не делая никаких попыток заговорить. Был слышен только цокот копыт по мостовой.

Тем не менее в последующие дни Хелия стала вести себя более приветливо. Вскоре они оставили позади поля и усадьбы Карлеона и направились на север по узким тропинкам, ведущим через лес, такой огромный и не отмеченный на карте, наполненный голоса-

В необжитых землях Уэльса Бел Инконню сразился с рыцарем — стражем заколдованного замка.

ми невидимых тварей; мудрецы не смогли назвать это место иначе, как «гиблое».

Бел Инконню был неизменно вежлив с посланницей королевы Уэльса, беспокоился о ее безопасности. Ему не раз приходилось сражаться с разбойниками, которые промышляли грабежом и насилием, среди них попадались даже древние великаны. Победленных он отсылал, согласно обычаю, в Карлеон, в распоряжение короля Артура.

Эти лесные схватки были всего лишь репетицией предстоящих испытаний. В один из холодных ноябрьских дней они выбрались, наконец, из леса. Вскоре им пришлось остановиться: впереди было глубокое ущелье, по которому протекала река. Ближе к противоположному берегу на острове стоял замок, ошестинившийся черными башнями. Каменная дамба, как мост, вела к замку, по обеим сторонам ее стояли ряды окровавленных пик с насаженными на них отрубленными головами — это были головы рыцарей, отважившихся прийти сюда. На самой середине дамбы, широко расставив ноги, стоял страж — человек гигантского роста, в кольчуге и алой накидке.

— Иди сюда и сразись со мной, юнец, — зарокотал голос противника в холодном воздухе, отзываясь эхом в каменном ущелье.

— Уйдем отсюда, — прошептала Хеллия, поворачивая своего коня к лесу. Но рыцарь не мог не принять вызов. Бел Инконню спешил и отдал поводья спутнице.

— Ждите меня здесь, леди, — сказал он.

Рыцарь прискакал в мертвый город заколдованной королевы Уэльса, где за ним наблюдали мертвые стражи дворца.

Выхватив меч, он пошел на дамбу. Навстречу двигался незнакомец — и через мгновение они вступили в бой. В сумеречном свете они сражались и осыпали друг друга проклятиями. Они расходились и вновь, шатаясь, устремлялись друг к другу, рассекая воздух огромными мечами. Наконец один из них упал и затих. Это был страж, и Бел Инконню стоял над его телом до тех пор, пока позади него ворота замка не открылись и оттуда не вырвался луч золотистого света. За аркой был сад, там цвели деревья и пели птицы, хотя стояла глубокая осень и в Гиблом лесу листва с деревьев уже облетела. В саду находилась женщина: высокая, стройная и бледная, с волосами, светящимися ореолом вокруг головы. Она кивнула. Но в это время подъехала Хелия, ведя под уздцы коня рыцаря.

— Это заколдованный замок, — сказала она, — эта леди — не простая смертная, и в этом саду не место смертному рыцарю.

Но Бел Инконню поддался призыву бледной красавицы. Он направился в замок, и Хелии оставалось только следовать за ним.

Эту ночь они провели в саду золотоволосой волшебницы. Она угощала их и, едва коснувшись ран, вылечила рыцаря; она сказала, что он избавил ее от ненавистного стража и может остаться с ней.

— Он не останется, — вмешалась Хелия. — Он поклялся королю спасти мою госпожу.

В ее глазах появился воинственный блеск, она была в ярости.

Все, что она говорила, было прав-

Противник поджидал его во дворце королевы Уэльса и внезапно атаковал топорами, летящими невесть отсюда.

дой. Оторвав взгляд от золотоволосой женщины, юный рыцарь встал, расправив плечи. Волшебница улыбнулась и сказала:

— Но почему же? Он вернется сюда, как только выполнит свое поручение. Мой мир сулит только удовольствия.

И с наступлением утра посланница и ее рыцарь поскакали в сторону гор. Следующую ночь они провели в замке, хозяин которого охранял границы владений королевы Уэльса. Его замок был последним обитаемым местом на границе разоренной страны. Проводив рыцаря до владений своей королевы, Хелия осталась в этом замке, она выполнила поручение. Далее Бел Инконню должен был сражаться в одиночку.

Чтобы не замерзнуть холодным вечером, рыцарь поскакал во весь опор. Он скакал по опустевшим окрестностям Сноудона. Горный ветер, наклоня голые деревья, шуршал опавшими листьями. Наконец он увидел высокую стену, преграждавшую ему путь. Открытые створки черных ворот болтались на петлях. Его конь заржал, но по команде рыцаря двинулся вперед и въехал в ворота.

Взору Бел Инконню предстала пустая мошенная булыжником улица. На одной ее стороне, прилегающей к крепостной стене, стояли полуразрушенные дома с раскрытыми настежь дверями и хлопающими на ветру ставнями. На другой стороне улицы возвышался огромный дворец, белевший в быстро сгушавшихся сумерках.

Чей-то голос окликнул его, и он посмотрел вверх, где был расположен ряд глубоко посаженных окон дворца.

Следующим, принявшим вызов рыцаря, оказался колдун на огнедышащем коне. И он был сражен ударом меча смертного.

В каждом окне стоял человек с факелом. Эти люди были одеты в черное. Тусклый, мерцающий свет озарял похожие на черепа лица с пустыми, горящими глазницами. Они пели о смерти и призывали рыцаря присоединиться к ним. Он послал им проклятие и поскакал дальше, пока не увидел проход под аркой, ведущий в зал дворца.

Здесь его поджидал враг, притаившийся в тени. Он принял обличье человека, хотя и не был им. В его глазах сверкал отсвет Потустороннего мира. Конь юного рыцаря затряс головой, затопал копытами, но всадник крепко удерживал его. Выхватив меч, Бел Инконню бросил вызов противнику. Колдун не ответил, даже не пошевелился. В это мгновение в воздухе просвистел боевой топор, направленный прямо в рыцаря, лезвие топора ударило в грифона на его щите. Вслед за ним последовал второй топор, затем третий, четвертый. Они хищно кружились над головой Бел Инконню, приближаясь к его шлему. А тем временем факельшики, стоявшие в проеме окон, повернулись лицом к залу и смотрели на сражавшихся, оскалив в усмешке свои мертвенные лица.

Конь рыцаря заржал и встал от страха на дыбы, когда юноша пошел в атаку на колдуна. Но меч его встретил пустоту, а враг исчез, топоры беспомощно попадали на каменный пол.

Затем тени приняли вид фигуры рыцаря, сидящего на коне, из ноздрей которого вырывалось пламя. Он двинулся прямо на Бел Инконню. Рыцарь ударил наугад, и его меч воткнулся во что-то вязкое — в воздухе мгновенно распрос-

Когда Бел Инконню одолел двоих, его ждало третье испытание: огромная змея поползла и обвилась вокруг него.

транилось мерзкое зловоние. В тот же миг противник пронзительно завизжал. И на глазах у юноши воин и его конь съезжились и растеклись зловонной лужей. Всадник и конь корчились в судорогах, пока, наконец, огненное дыхание коня не угасло. В тот же миг погасли огни факельщиков.

Еле держась на ногах от усталости, Бел Инконню ждал в темноте следующей атаки. Но ее не последовало. В темноте показались светящиеся точки, становившиеся ярче по мере приближения.

Это были глаза огромной змеи, ползущей к нему. И она обвила его своими кольцами. Глаза, сверкающие, как рубины, уставились на него, змеиный язычок деликатно коснулся его губ, и раздался тихий голос:

— Ты Гингалин, сын Гавейна, и ты останешься никому не известным и безымянным до тех пор, пока не докажешь свою силу и не завоюешь себе имя.

Внезапно в глазах у юноши потемнело, и он упал, поглощенный тьмой. Очнувшись он от солнечного света, бессильный и изнуренный. Он лежал в мраморном зале, через высокие окна которого пробивался утренний свет. Рядом стояла белокурая женщина и озабоченно смотрела на него.

— Я королева Уэльса, — сказала она, увидев, что он проснулся. — Мэйбон и Эверейн превратили меня в змею, чтобы захватить мое королевство. Твоя смелость прогнала их из этого мира, ты дал мне свободу. Ты станешь королем Уэльса.

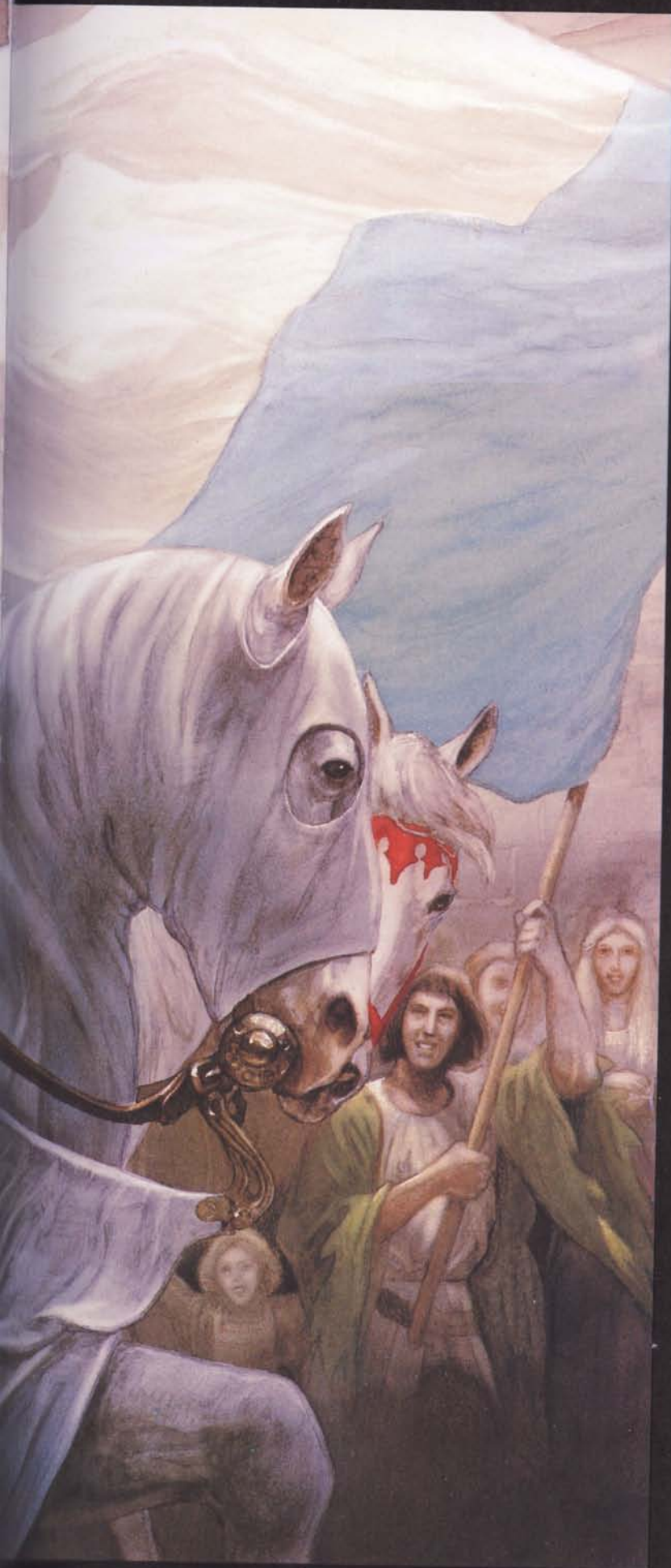
Гингалин долго смотрел на нее. Потом встал и вышел на улицу, где его ждал конь. Его влекло в Потусторонний

Испытания остались позади, обещание было выполнено, и рыцарь, покинув мир волшебства, проснулся в лесу.

мир. Он мечтал не о земной королеве, которую спас, а о волшебнице, ожидавшей его в саду, скрытом за темными башнями. И он помчался к ней, как она и предсказывала. Он ничего не хотел знать о королеве Уэльса, живя в мире мечты, который не был его собственным миром.

Тем не менее волшебница сама освободила его от чар. Рассказывают, что в одну из летних ночей, гуляя с ним под звездами, она попросилась с ним, сказав, что теперь власть смертных над ним сильнее ее собственной. Артур с нетерпением ждет его возвращения, сказала она. Он должен отправиться в Карлеон и присоединиться к своим товарищам, а также соединить свою судьбу с женщиной, которая станет матерью его детей. Он не должен оставаться в мире волшебства, иначе ему придется распрощаться с жизнью.

Больше она ничего ему не сказала той ночью, и утром Гингалин проснулся не среди воздушных пологов ее постели, а на земле, на лесной поляне. Рядом лежали его доспехи, конь шипал траву поблизости. Замок с черными башнями исчез.

И Гингалин прожил достойную жизнь. Вернувшись в Карлеон, он женился на королеве Уэльса, которая ждала его там. Он с триумфом отправился вместе с ней в ее страну, которая была теперь многолюдной и процветающей благодаря его доблести. И он правил этой страной до конца своих дней вместе со своей земной королевой, и, даже если он мечтал об ином мире, куда ему был закрыт доступ, он никогда никому не рассказывал об этом.

Бел Инконню — Гингалин, сын Тавейна, — взял в жены королеву Уэльса, спасенную им от колдовских чар.

ББК 84(0)
В11

Перевод
О. ДУРОВОЙ, С. ФИЦЕВОЙ

В поисках спасения

Редактор И. ШУРЫГИНА

Художественный редактор И. ЛОПАТИНА

Технический редактор Н. ПРИВЕЗЕНЦЕВА

Корректор И. САХАРУК

Компьютерная верстка А. ПАВЛОВА

ЛР № 030129 от 02.10.91 г. Подписано в печать
01.10.96 г. Уч.-изд. л. 20,77. Цена 74 000 р.
Клубная цена 33 000 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

В поисках спасения. — М.: ТЕРРА, 1996. — 144 с.: ил. — (Зачарован-
В11 ный мир).

ISBN 5-300-00784-6

В книгу включены сказки и легенды народов мира о том, как в безвыходных ситуациях на помощь приходят необыч-
ные и неожиданные герои.

В 4703000000-545 Без объявл.
А30(03)-96

ББК 84(0)

ISBN 5-300-00784-6

"Authorized Russian language edition © 1996,
Publishing Center "TERRA". Original edition
© 1986, Time-Life Books BV. All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form,
by any electronic or mechanical means, including
information storage and retrieval devices or systems,
without prior written permission from the publisher,
except that brief passages may be quoted for review."

Time-Life Books is a trademark of Time Warner
Inc."

Перевод на русский язык. © 1996, Издательский
центр «ТЕРРА». Оригинальное издание © 1986,
Time-Life Books BV. Все права защищены.

Не допускается воспроизведение текста и/или ил-
люстраций любым механическим или электронным
способом, включая информационные базы данных
и системы, без письменного разрешения издателя.

Time-Life Books является торговой маркой Time
Warner Inc.